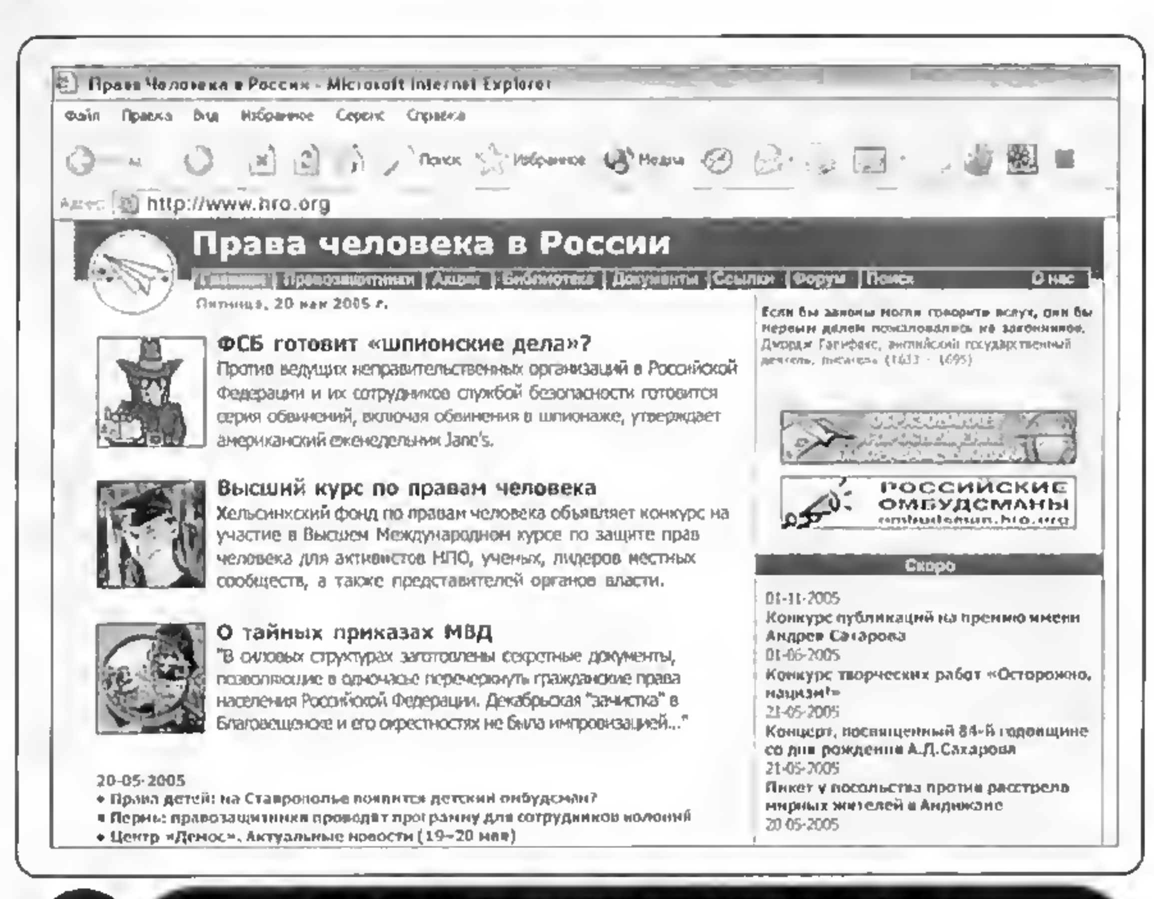
41–42
www.karta.org

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Журнал «Карта» выходит при поддержке фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф» (Рязань)

Фонд Форда (Вашингтон)

Институт "Открытое Общество" (Москва), Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»

Агентство США по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия» (Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов Российско-Американской Проектной Группы по правам человека (Москва)

АО «Рокс» (Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса Гуттермана (Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу за могилами жертв войны и репрессий

Общественный Центр Karta (Варшава)

Полиграфическая фирма Петера Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За гражданское общество» (Москва)

ГЛУШЕНИЕ
"Есть обычай на Руси
На ночь слушать Би-Би-Си..."
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Советские войска вступают на территорию Польши

Немецкие солдаты и красноармейцы на линии раздела Польши 1939 г.

Александр ДАНИЭЛЬ

ВОЙНА – НЕ «ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ»

Сегодня, после четырнадцатилетнего перерыва, история вновь становится актуальным полем для дискуссии

Одним из основных стратегических направлений, выбранных президентом Путиным для строительства новой гражданской нации, несомненно, становится восстановление национальной идентичности через историю.

Именно это, по моему глубокому убеждению, стало основой его электорального успеха и поражения его демократических оппонентов, одни из которых пытались убедить публику, что 1991 год следовал непосредственно за 1913-м, а другие вовсе не считали нужным обращать внимание на историческую составляющую национального сознания

Я глубоко согласен с Путиным в том, что историческая память является важной, если не главной составляющей любого национального проекта, претендующего на то, чтобы возродить страну

Дело, однако, в том, что путинизм год от года все агрессивнее и напористее навязывает России в качестве этой самой памяти облегченный вариант позднесоветской исторической мифологии, очищенный от марксистского жаргона (впрочем, эта фаза «модернизации» мифа началась еще при Сталине и успешно продолжилась при Брежневе) и слегка разбавленный традиционными державными комплексами досоветской Российской империи

Вместе с этими мифами возрождаются и ценностные критерии давно ушедших эпох, совершенно непригодные в современном мире

Александр Даниэль – член Правления Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»

Постепенно, но неуклонно всюду – от вузовских и школьных учебников до выступлений государственных деятелей – воссоздается официальная версия советского периода отечественной истории из которой устраняется или сводится к минимуму всякий трагизм всякое свидетельство преступлений государства перед человеком или тем более, сопротивления человека государству

Ценности человеческой жизни, свободы личного достоинства вновь скидываются со счетов и перестают быть сколько-нибудь значимым фактором общественной оценки исторических событий, коварство, предательство, подлость, жестокость оправдываются, если они совершаются во имя Державы

Пожалуй, в этом и состоят путинские новации в исторических оценках, при Брежневе циничные и морально ущербные политические решения и действия предпочитали замалчивать, при Путине они поднимаются на щит

Несущей конструкцией возрождаемого исторического мифа становятся события, так или иначе связанные с Великой Отечественной войной

Здесь советские мифологемы, вырабатывавшиеся с 1945 и, в особенности, в 1965–1985 гг., соприкасаются с реальной народной памятью об одном из самых трагических событий российской истории XX века

Сейчас, в 2005 году, та единственная война, говоря о которой никто в России не нуждается в дополнительных эпитетах для ее обозначения, – не «финская», не «афганская» и не «чеченская», а просто «война», – становится предметом широкомасштабных политико-пропагандистских спекуляций

Для придворных историков что брежневской, что путинской эпохи война – это «героическая эпопея советского народа» При этом народный героизм чудесным образом превращается в заслугу государственной власти и переносится на государство этот самый народ как бы олицетворяющее.

В брежневском варианте – на Партию и Правительство, в путинском – на вечную и великую Российскую Державу.

Все это – ложь по самой своей сути Героизм – свидетельство прямо противоположной роли государственной власти в реальной истории войны.

Героизм – это та кровавая валюта, которую люди вынуждены платить за ошибки и преступления политических лидеров, за некомпетентность

и бездарность военачальников. Но в первую очередь за политических лидеров, ибо некомпетентность и бездарность вторых – на совести первых.

Стойкость, мужество, подвиги и, шире, подвижничество людей в годы войны суть духовная собственность этих людей, и только они сами вправе гордиться этой собственностью (хотя они-то, как правило, как раз не склонны выставлять ее напоказ) и предъявлять ее в качестве обеспечения своей человеческой состоятельности.

Присвоение чужого имущества на поле боя после того, как бой кончился, имеет в русском языке специальное обозначение – мародерство.

Присвоение этого имущества теми, кто несет ответственность за гибель и кровь солдат, в русском языке никакого специального обозначения не имеет.

Использование присвоенного имущества с целями, прямо противоположными тем, ради которых погибли эти люди, не имеет, я думаю, названия ни в каком человеческом языке.

Составляет ли память о войне предмет национальной гордости? Да. Для миллионов людей участие в этой войне означало участие в защите страны от нашествия иноземцев, недвусмысленно намеревавшихся ее поработить, – и эти люди вправе гордиться своим вкладом в изгнание захватчиков.

Думаю, что для многих из них эта война была частью Второй мировой войны, частью борьбы человечества с нацизмом, то есть с идеологией и практикой Абсолютного Зла, – и эти люди вправе гордиться своей причастностью к антифашистской войне, своей ролью в освобождении Европы от Гитлера.

Но гордиться этим вправе именно они, а не государство, для которого все они – и погибшие, и выжившие – были и остались не гражданами, а подданными, которое рассматривало их мужество, их страдания, их гибель как жертвоприношение самому себе, как дань, в которой человек не вправе отказать Молоху

Это была великая эпоха? Да, великая. И след этой великой эпохи должно искать, по слову поэта,

...в значеньи двояком
Жизни бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат.

Для нас Вторая мировая война не может и не должна становиться «героической эпопеей», а память о ней – средством взращивания мировоззрения, прокламирующего ничтожность человеческой жизни по сравнению с «высшими государственными ценностями».

Для нас память о войне – это, прежде всего, память о десятках миллионов насильственных смертей, разрушенных семей, исковерканных судеб.

Это память о Роттердаме и Ковечтри, Дрездене и Хиросиме.

Это память об уничтоженных евреях и цыганах – но и память о депортированных народах Северного Кавказа и Крыма.

Это память об Освенциме и Маутхаузене – но и память о страшных военных зимах в лагерях ГУЛага.

Это память о поражении 1941 года – самом катастрофическом поражении, которое когда-либо испытывала Россия, начиная с монгольского нашествия, поражении, на которое обрекла ее предвоенная политика собственных вождей.

Это память о предательствах, жертвами которых становились целые народы: о мюнхенском предательстве в сентябре 1938-го, о московском предательстве в августе 1939-го, о ялтинском предательстве в феврале 1945-го (к слову: в Ялте, кажется, уже собираются возвести памятник усатому диктатору?).

Это память о судьбах советских военнопленных, не только в годы войны, но и после их возвращения на родину.

Это память о десятках «малых войн», порожденных большой войной 1939–1945 гг., но продолжавшихся годы спустя после ее окончания: в Польше, Югославии, Греции, Прибалтике, Западной Украине, Индокитае.

Каждая из этих малых войн также ломала жизни тех, кто был вовлечен в нее на той или иной стороне, – уже не во имя борьбы с нацизмом, а ради национальных, идеологических или политических амбиций.

Это память о том, как нашу армию, только что освободившую Восточную Европу от Гитлера, политические вожди СССР на многие десятилетия превратили в тюремщика освобожденных ею народов.

Кстати, об августе 1939 года. Недавно Президенту России случилось давать интервью одной словацкой телекомпании. Касаясь пакта Молотова–Риббентропа, наш лидер напомнил о мюнхенском соглашении, предшествовавшем этому пакту, а затем заметил буквально следующее:

«С целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах, – сказал Путин, – Советский Союз пошел на подписание этого пакта Молотова – Риббентропа с Германией».

Типа: что еще оставалось Сталину делать?

Многое можно было бы возразить на это Владимиру Владимировичу. Например, что параллель между мюнхенским и московским сговорами действительно существует, но есть и три существенных различия.

Во-первых, Англия и Франция в самом деле предали Чехословацкую республику, но у них хватило ума не вознаграждать себя за предательство территориальными приобретениями.

Секретные же приложения к пакту от 23 августа 1939 сделали СССР фактическим соучастником Гитлера в разделе Польши и обеспечили в дальнейшем аннексию прибалтийских стран (последнее обстоятельство В.В. Путин, надо отдать ему должное, честно упомянул в своем интервью).

Во-вторых, политико-правовые последствия мюнхенского сговора были устранены сразу же после окончания Второй мировой войны; последствия же пакта от 23 августа были окончательно ликвидированы только в 1991 году, а память об этих пятидесяти двух годах до сих пор серьезно осложняет наши отношения с соседями-прибалтами (да и с Польшей тоже).

В-третьих же, и это самое главное, сегодня ни один серьезный английский или французский политик, находясь в здравом уме и твердой памяти, не осмелится публично оправдывать Мюнхен обеспечением национальных интересов и национальной безопасности.

Возможно, Владимир Владимирович честнее и откровеннее своих западных друзей?

Нет, скорее, дело в другом: он искренне считает, что обеспечение государством своих интересов и безопасности своих рубежей стоит выше, чем всякие идеалистические предрассудки, которым в политике не место.

В конце 1930-х гг. так думали, говорили и поступали многие: и Сталин, и Гитлер, и Чемберлен, и Муссолини, и Даладье.

Что думают про себя нынешние мировые лидеры – один Господь знает; но публично высказывает подобные сентенции один только В.В. Путин.

Что ж, тогда у меня лично один-единственный вопрос к нашему президенту. И я постараюсь сформулировать его на понятном нам обоим языке.

Пакт Молотова-Риббентропа, говорите Вы, был заключен Советским Союзом «с целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах».

И что? Обеспечил?

Впервые опубликовано на интернет-сайте Полит.ру

Павел ПОЛЯН

ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

ВЫБОРОЧНЫЕ ДЕПОРТАЦИИ С АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Общепринято, что 1 сентября 1939 года, с нападения Германии на Польшу с запада, началась Вторая мировая война. 17 сентября, напав на Польшу с востока, в нее вступил и Советский Союз.

После оккупации Красной Армией в сентябре 1939 года восточных воеводств Польши, тотчас же превращенных в западные области «воссоединенных» Украины и Белоруссии, «зачистки» начались и в них.

Испытать их на себе теперь предстояло польским, украинским, еврейским и прочим «националистам».

За действиями советских властей в Польше стояла мрачная двойная тень пакта Молотова-Риббентропа. По крайней мере, основные контингенты на депортацию были предусмотрительно интернированы, иные даже осуждены.

В их число входили, во-первых, пленные офицеры и солдаты (советская сторона их в качестве военнопленных не признавала), во-вторых, все жители пограничной полосы, от Вильно до Львова, а также лесники, железнодорожники, даже арестанты.

В-третьих, все не успевшие скрыться «социально далекие» – воеводы, чиновники, полицейские, помещики, промышленники, торговцы. Их судили «тройки» и приговаривали к срокам от 8 до 20 лет по 54-й или 58-й статье Уголовного кодекса.

Слухи же о грядущих депортациях поляков ходили еще с ноября 1939 года. Однако операции по их массовому выселению начались только в 1940 году (можно предположить, что помехой их более скорому осуществлению стала советско-финская война[1]) и были продолжены в 1941 году.

Всего, согласно А. Гурьянову, было четыре последовательных и тщательно подготовленных операции, каждая практически осуществлялась за одни сутки: три в 1940 г. (10 февраля[2], 13 апреля, точнее, 9 и 13 апреля и 29 июня) и одна в 1941 г.– в мае-июне.

Этапирование эшелонов в глубь СССР отнимало от 2 до 4 недель. А. Гурьянов, изучавший этот вопрос на уровне отдельных эшелонов (всего их потребовалось 211), оценивает общее число де-

---

Павел Полян — историк, доктор географических наук, Москва-Фрайбург.

портированных по трем операциям 1940 года в 275 тыс. чел., из них 139–141 тыс.– в феврале, 61 – в апреле[3] и 75 – летом.[4]

Подготовка первой депортационной операции началась еще в 1939 году: так, 2 декабря 1939 года Берия предложил Сталину выселить до 15 февраля 1940 года из присоединенных районов всех «осадников» (своего рода польский вариант казачества) и членов их семей.[5]

Официально контингент первой депортации так и назывался – «спецпереселенцы-осадники» (или, точнее, «осадники и лесники»). «Осадники», по официальной советской версии, – это «злейшие враги трудового народа»: бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года и получившие за это в 1920–1930-е гг. от благодарного отечества земельные наделы в восточных районах, населенных преимущественно белорусами и украинцами (85% «осадников» составляли поляки, но среди них было немало украинцев и белорусов).

Операции проводили ночью, между двумя и шестью часами. Не догадаться о приготовлениях было трудно, поскольку скрыть тысячи подвод с кучерами из местных жителей, сотни грузовиков и вагонов невозможно. Не застигнутых облавами на месте часто записывали выбывшими и оставляли в покое.

Еще 29 декабря 1939 года СНК утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Для их трудоиспользования предполагалось создать подведомственные Наркомлесу спецпоселения в районах лесных разработок – преимущественно на Севере Европейской части, на Урале и в Сибири: в частности, в Коми АССР, в Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Ивановской, Ярославской, Свердловской и Омской обл., в Алтайском и Красноярском краях[6].

С учетом того, что «по наводке» 1-го секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко[7] в контингент были добавлены «лесники», как бы самой природой предназначенные для Наркомлеса, Берия предложил часть «осадников» использовать в системе Наркомцветмета на добыче золота и медной руды, что и было скреплено Постановлением СНК от 14 января 1940 года.

Часть самих «осадников», естественно, попала не в спецпоселки, а в лагеря и тюрьмы. Членов их семей, членов семей военнопленных, проституток, а также беженцев, оказавшихся на территории Восточной Польши после 1 сентября 1939 года и изъявивших желание выехать на территорию, оккупированную немцами, но принять которых Германия отказалась, также надлежало выселить в глубь СССР.

10 апреля 1940 года было принято Постановление СНК и выпущена инструкция о порядке проведения выселения: семьи репрессированных и военнопленных направлялись на 10 лет в Казахстан, беженцы – в северные районы, в спецпоселки при лесозаготовках, проститутки – в Казахскую и Узбекскую ССР.

Несмотря на распутицу, 13 апреля 1940 года состоялась вторая массовая облава и отправка «освобожденных» поляков: этот контингент назывался «административно-высланные». В него входили члены семей репрессированных польских офицеров, полицейских, жандармов, госслужащих, помещиков, фабрикантов и участников повстанческих организаций; среди них были и учителя, мелкие торговцы и даже крестьяне побогаче, пресловутые «кулаки».

Интересно, что накануне, 9 апреля 1940 года, чести быть депортированными, причем отдельно от остальных, удостоились проститутки.[8]

Как вспоминала О. Хребтович-Бутенева, в каждый дом посылали одну-две подводы и, как правило, двух солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, старались не грубить, даже паковаться и грузиться помогали: брать с собой разрешалось до 100 кг, но фактически можно было и больше. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны: в вагоне – железная печка, нары в три этажа, у задней стены складывались вещи.

Как выразился сотрудник НКВД в Актюбинске: «Из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!»[9]

Осужденных направляли в Северный Казахстан (в Актюбинскую, Кустанайскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Акмолинскую обл., – как правило, на 10 лет), проституток – в Казахстан и Узбекистан, всех прочих беженцев – на север России[10].

Что же касается депортации беженцев (этот контингент именовался «спецпереселенцы-беженцы»), то она была отложена на лето: только после 5 июня 1940 года – даты отъезда немецкой комиссии, принимавшей индивидуальные заявления граждан о переселении на территорию, контролируемую Германией, – к ней предстояло вернуться.[11]

Это, в основном, были те бывшие польские граждане, которые бежали на восток от наступающего вермахта, подавляющее их большинство (около 85%) – евреи. В данном случае следует напомнить, что отказ немцев принять их и эта депортация спасли им жизнь.

Их рассматривали не как заклятых врагов (каковыми, кстати, считались «осадники»[12]), а как «интернированных эмигрантов», но некоторых, по их желанию и с согласия (а иногда и по требованию) немцев, передавали им.

Соответствующее совместное Постановление СНК и ЦК ВКП(б) было издано 14 мая 1941 года. Одновременно оно предусматривало арест и 20-летнюю ссылку на поселение в отдаленные районы СССР членов семей «участников контрреволюционных украинских и польских националистичес-

Принудительные миграции из районов, аннексированных СССР, 1940–1941 гг.

Условные обозначения

Контуры границ СССР до 17.09.1939

Обобщенные направления депортаций

Депортированные контингенты:
1 — спецпереселенцы-«осадники» из б. Вост. Польши (10.02.1940); 2 — административно-высланные из б. Вост. Польши (9–13.04.1940); 3 — спецпереселенцы-беженцы из б. Вост. Польши (29.06.1940); 4 — граждане инонациональностей из Мурманской обл. (5–10.07. 1940); 5 — ссыльнопоселенцы из Зап. Украины (22.05. 1941); 6 — ссыльнопоселенцы из Молдавии, Измаильской и Черновицкой обл. (12–19.06.1944); 7 — ссыльнопоселенцы из Эстонии (14.06.1941); 8 — ссыльнопоселенцы из Латвии (14.06.1941); 9 — ссыльнопоселенцы из Литвы (14.06.1941); 10 — ссыльнопоселенцы из Зап. Белоруссии (19–20.06.1941)

ких организаций» (в дальнейшем намечалось обсудить вопрос об аналогичной операции и в Западной Белоруссии).

Собственно говоря, депортации с территории аннексированных польских земель продолжались вплоть до нападения Гитлера на СССР.

По расчетам А. Гурьянова, число поляков, депортированных с февраля 1940 по июнь 1941 гг., составило в общей сложности от 309 до 321 тыс. чел.[13]

По данным Земскова, всего было депортировано 380 тыс. польских «осадников» и беженцев, хотя в таком случае на удивление низкой представляется оценка по состоянию на 1.04.1941 – 210 559 чел., из них «осадников» – 134 491 и беженцев 76008 чел.

Самый значительный контингент бывших польских граждан находился в Архангельской (около 51 тыс. чел.) и Свердловской (около 27 тыс.) обл., а также в Новосибирской обл., Коми АССР, Красноярском крае, в Вологодской, Ивановской и Молотовской обл. (от 20 до 10 тыс. чел.)[14].

По некоторым самооценкам, всего из довоенной Польши в СССР было вывезено 1,6–1,8 млн. чел., не считая белорусов, литовцев и евреев. Количественно эта оценка, конечно, преувеличена, но качественно она безошибочна: польской администрации, польской армии и польской интеллигенции более не существовало. <...>

Примечания:

[1] Началась 30.11 1939

[2] См Филиппов С Г Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939-1941 гг. //Репрессии против поляков и польских граждан Вып 1 – М: Звенья, 1997 – С 56-57

[3] Бугай Н Ф Л Берия – И. Сталину. «Согласно Вашему указанию ...». – М., АИРО XX, 1995. – С 13

[4] Гурьянов А Э Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан Вып 1 – М Звенья, 1997 – С 115

[5] Там же, с 117

[6] Бугай Н Ф , с 12.

[7] Именно он 23.12 1939 предложил включить в число переселяемых так называемых «лесников», или «сторожевую охрану лесов»

[8] Филиппов С Г , с 53

[9] Хребтович-Бутенева О А Перелом (1939-1942) – Париж YMCA-Press 1984 – С 48–53

[10] Бугай Н Ф., с. 13.

[11] Гурьянов А.Э, с 120, со ссылкой на ГАРФ, ф 9479, оп 1, д 57, л 40–41 Именно на этот контингент и распространялись позднейшие Указ ПВС от 17 08 1941 об освобождении от спецпоселения поляков и директива НКВД от 19 07 1941 о разрешении им проживать на территории СССР, за исключением пограничных и запретных зон, а также мест, объявленных на военном положении, и режимных городов

[12] Это различие в отношении закономерно отразилось и в том, что смертность среди «осадников» была в несколько раз выше, чем у беженцев [См : Земсков В.Н Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // СОЦИС – 1990 – С 5. Гурьянов А.Э , с 115]

[13] Гурьянов А.Э , с. 116

[14] Земсков В Н., с 5, 7 8 Из 177 043 польских спецпоселенцев, по состоянию на 1 04 1941 (без учета 35 539 чел., проживающих в Казахстане, Красноярском крае и Вологодской обл), около 97 тыс составляли собственно поляки (54,6 %), далее шли евреи (59 тыс чел., или 33,3 %), украинцы и белорусы – по 9 тыс. (5,1–5,3 %)

Публикуется по: Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР – М ОГИ — Мемориал, 2001 – 273 с

РГАСПИ. Ф.558. Оп.11 Д

КАТЫНЬ

Совершенно секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
0680
-9 МАР 1965
ЦК КПСС Общий отдел

Товарищу Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы по расстрелянным в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21 857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4 421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3 820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6 311 человек и 7 305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21 857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести

С подлинным верно
Главный государственный архивист Российской Федерации Р.Г. Пихоя

к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именовавшейся: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А.Шелепин

3 марта 1959 года.
№ 632-ш

9485

С подлинным верно
Главный государственный архивист Российской Федерации Р.Г. Пихоя

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

О КАТЫНИ – 25 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ

Советское прошлое и русское настоящее

Весной 1980 г. к 40-летию катынского преступления парижская газета «Русская мысль» напечатала в пяти номерах мою статью «Катынь» – сокращенный и переработанный текст радиопередач, которые я делала на радио «Свобода» в своей серии «Восточноевропейские свидетельства». В этом довольно большом тексте я постаралась, если так можно выразиться, одновременно как можно более подробно и как можно более сжато описать всю историю преступления и его расследования по данным, собранным к тому времени. Это, разумеется, была компилятивная работа, а не труд историка: я использовала все доступные мне источники, лишь время от времени делая отступления-комментарии. Их-то я и буду приводить в настоящей статье: они меньше устарели, чем сведения, ныне общеизвестные.

В свое время я довольно много занималась Катынью, вынеся огромный интерес к этой теме еще из своей советской жизни. Потом, когда катынская тема перестала быть запретной, когда ею начали заниматься российские журналисты, историки, прокуроры и, конечно же, «мемориальцы», я позволила себе «выйти в отставку». К сожалению, сейчас (особенно после заявления Главной военной прокуратуры РФ) я опять почувствовала себя «мобилизованной». Пишу «к сожалению», так как еще во второй половине 90-х казалось, что никаких разноречий о Катыни в России нет и быть не может, что остались лишь некоторые упрямые, но вполне маргинальные обломки советских времен, продолжающие гласить свою «правду», не согласующуюся ни с какими фактами.

В этих обстоятельствах я почувствовала необходимость снова вернуться к теме Катыни – как к тому, что я писала 25 лет назад, так и к тому, что говорится и пишется сегодня. Данная статья – переработка материалов, опубликованных мной в 3 и 4 номерах журнала «Новая Польша».

Наталья Горбаневская – поэт, переводчик. Бывший политический заключенный, редактор «Хроники текущих событий», участник демонстрации протеста на Красной площади в 1968 году.

Катынь 2005 – начнем с Интернета

> «Катынский лес стал символом мученичества и равной обреченности народов перед чудовищной властью геноцида».

Эти слова, взятые с официального сайта мемориального комплекса «Катынь» (admin.smolensk.ru/history/katyn), вполне можно было бы поставить эпиграфом к теме «Катынь в русском Интернете». Вопреки распространенному мнению о том, что в России все только и жаждут опровергнуть подлинную историю катынского убийства, высказывания с «опровержениями» встречаются в русском Интернете достаточно редко, а уж книги и даже статьи такого рода можно пересчитать на пальцах одной руки. Это в основном все тот же «гнуснопрославленный» Мухин (совсем недавно он выпустил уже третью книгу на ту же тему), на которого и ссылаются несколько последователей. Материалов, представляющих другую позицию, гораздо больше.

Прежде всего, с 1999 года существует сайт Юрия Красильникова, целиком посвященный Катыни (katyn.codis.ru). Краткое содержание сайта:

> «Часто задаваемые вопросы о катынском убийстве. – Катынь в энциклопедиях и слова-

> рях. – Статьи и выдержки из книг о Катыни. – Свидетельства очевидцев. – Советско-германские договоры 1939 и 1941 годов. – Советские документы 1940-1991 гг. – Документы 1943-1944 гг. Отчеты об исследовании захоронений. – Карты и фотографии 1943-1944 годов. – Фотографии бывших лагерей. – Фотографии последних лет. – Нюрнбергский процесс. – Ссылки».

Особенно полезным мне показался раздел «Часто задаваемые вопросы о катынском убийстве»: Юрий Красильников, мне кажется, предусмотрел все возможные сомнения и недоумения и на всё ответил. Насколько мне известно, в польском Интернете ничего сравнимого по объему приводимой здесь информации нет.

Приведен на сайте Красильникова и замечательный текст «Расстрел в Катыни» из «Энциклопедии для детей» (т.5, ч.3, «История России – XX век», М., «Аванта+», 1996). Все изложено исторически верно, просто, доступно для детского чтения, а завершается стихотворением «Молитва» офицера (ныне священника) З.Пешковского в переводе ныне покойного Сергея Ларина.

Но и за пределами того, что отражено на сайте Юрия Красильникова, страницы о катынской трагедии в целом или об отдельных ее аспектах, исторически обоснованные, серьезные, – в русском Интернете не редкость. Вот, например, сайт Кирилла Арефьева из Вологды со страницей «Военные преступления XX века» с разделами: «Пол Пот – путь к коммунизму», «Аргентинская хунта», «Конвейер смерти» (о гитлеровском геноциде евреев), «Хусейн – арабский дьявол», «Братская могила – Катынь», «Орадур», «Злодеяние в Арденнах», «Американские герои – Сонгми» (как нам удалось установить, материал взят из также размещенной в Интернете книги «Энциклопедия мировых сенсаций XX века»). К. Арефьев пишет:

> «Данный сайт создавался с одной-единственной благородной целью – помочь людям понять, что мирное население страдает от диктатуры и войны!»

А вот автор, имени которого нам установить не удалось, хотя написанный им добросовестный и обширный реферат встречается на нескольких сайтах, поставляющих рефераты студентам и вообще всем, кому это интересно. Автор реферата пишет:

> «Я решил написать реферат именно на эту тему, т.к. мне хотелось подробнее узнать о совершенном в ту страшную весну преступлении (скорее катастрофе), его мотиве и расследовании. Я полагаю, что мне это удалось. Я нашел большое количество литературы, документов, фотографий и других материалов на эту тему. Подробно изучив все эти материалы, я понял, что еще много неизвестного и нераскрытого происходило во время многолетнего позорного периода нашей истории на протяжении почти всего XX века. К сожалению, большого количества людей, погибших во времена тиранского правления Сталина (а также Ленина и его последователей) и его репрессий, не вернуть, поэтому надо хотя бы уметь признавать свои ошибки и чтить память ушедших. В связи с этим радует тот факт, что в настоящее время происходит восстановление старых и создание новых памятников и мемориалов, посвященных таким событиям, а также обнародование всей правды об этом и многочисленных ему подобных преступлениях».

А вот на сайте «Милитера» посвященная Катыни, тоже обширная и подробная, глава из научного труда: М.И.Семиряга «Тайны сталинской дипломатии».

На сайте Сахаровского центра мы находим книгу воспоминаний Бориса Георгиевича Меньшагина, при немцах бургомистра Смоленска, а затем отсидевшего 25 лет – от Сталина до Брежнева: боялись, что он мог бы рассказывать о катынском деле, потому и держали его не в лагере, а во Владимирской тюрьме. Сам он пишет о Катыни немного, но в книге есть приложение: «Значение дела С.Караванского 1969-1970 гг. для выяснения обстоятельств катынского дела». Я это новое дело Святослава Караванского, украинского националиста и тоже 25-летника, получившего дополнительный срок за то, что пытался во Владимирской тюрьме добраться до Меньшагина и доведаться о Катыни, хорошо помню (а в 1980 г. Караванский вместе с нами, русскими, – Буковским, Максимовым и другими – подписал заявление «Оглянись в раскаяньи» к сорокалетию катынского преступления). Караванский получил новый срок «за Катынь», и написавший о деле Караванского Габриэль Суперфин тоже получил срок, и тоже, в частности, «за Катынь». На протяжении всех десятилетий после того, как советская специальная комиссия «опровергла» «геббельсовскую пропаганду», это обвинение было одним из самых страшных: правды советская власть, как мы знаем, боялась, но этой – особенно.

На сайте Красноярского «Мемориала» мы находим давнюю, но, увы, не устаревшую статью Владимира Сиротинина «Правда о Катыни», которую не взяла ни одна из красноярских газет.

Разумеется, есть катынские материалы на правозащитном сайте hro.org. В Рязани выходит отличный правозащитный и исторический журнал «Карта», младший брат польской «Карты», – в бумажном виде и в Интернете. На сайте мы находим статьи и материалы из 10-го номера журнала: Виктор Лозинский «Мозаика нашего дома» (хронологический обзор катынской проблемы); Сергей Глушко «Странные тайны захоронений под Медным»; Наталья Лебедева «Четвертый раздел Польши и катынская трагедия» (фрагменты исторического очерка); «История в документах (документальные свидетельства катынского преступления)». (Теперь на этот сайт поставлены и подготовленные мною материалы, часть из них будет напечатана в «Карте».)

В совершенно неожиданном месте, в фотобанке агентства «Russian Czech press», на сайте со смешным названием foto-knedlik.ru, – тоже Катынь. Подпись к фотографии.

> «Капсула с землей из Катыни в крипте кафедрального собора Кракова на холме Вавель. Местечко Катынь на территории нынешней Белоруссии *(видно, опять известная путаница с Хатынью, но в другую сторону. – НГ)* стало печально знаменито, после того как советские карательные органы расстреляли там несколько сот *(тысяч, конечно. – НГ)* польских военных, арестованных после оккупации части Польши по пакту Молотова–Риббентропа в 1939 году. Фото: Вова Поморцев».

Катынь 1980

Вернемся на 25 лет назад. В начале моей давней статьи «Катынь» говорилось:

> «Для всех, кто не забыл это слово, оно означает только одно – кровавое преступление советского режима. Даже обладая той малой дозой информации, которую можно получить в Советском Союзе, трудно было согласиться с выводами неубедительного, слишком грубо фальсифицированного официального советского сообщения (январь 1944) о том, что массовое уничтожение польских военнопленных в Катыни – дело рук "немецко-фашистских захватчиков". (...)
>
> На Большом Нюрнбергском процессе по требованию советских судей *(точнее было бы написать: прокуроров. – Н.Г.)* Катынь была включена в обвинительное заключение – и затем ни словом не упомянута в приговоре. Задачей Нюрнбергского трибунала не было искать, кто совершил не совершенное немецкими военными преступниками преступление. На них оно не пало – допустим, за недостаточностью улик. За 35 лет улики исследованы в полном объеме и не оставляют сомнения в том, кто преступник».

Я и сегодня считаю, что горы ныне открытых, рассекреченных, разархивированных документов практически ничего не прибавили к ответу на главный вопрос: какое государство, какой режим, по чьему приказу совершил это преступление? Они вскрывают механику преступления (мы, например, всегда наивно думали, что никаких письменных следов распоряжения об убийстве польских офицеров не сохранилось, – ан нет, есть прямое решение политбюро ЦК ВКП(б), и сохранилось множество других документов, позволяющих раскрыть картину преступления в деталях), но ответ был известен десятки лет назад.

Однако в конце, подводя итоги, я писала:

> «Трудно согласиться с Луисом Фиц-Гиббоном, автором книги "Katyn: crime without parallel", когда он называет Катынь "беспрецедентным преступлением". Слишком много аналогичных в советской практике: потопленные баржи с заключенными, заживо сожженные в бараках и камерах, массовые расстрелы в лагерях, особенно колымских. Достаточно вспомнить страшный рассказ Шаламова "По ленд-лизу", где глазам наблюдателя случайно открывается массовое захоронение убитых заключенных. Да только наблюдателей там иных нет, кроме охраны и зэков.
>
> Во время той же немецкой оккупации были вскрыты массовые могилы советских граждан в Виннице. Захоронения на территории огороженного и сделанного запретной зоной парка культуры и отдыха производились в 1938 году. Разница с Катынью была в том, что расстрелы производились не на краю рва, а в подвалах тюрьмы НКВД, затем грузовики отвозили трупы к массовым могилам. Среди тысяч тел многие жители города и окрестных сел узнали своих близких. **Все опознанные были в свое время арестованы и приговорены к десяти годам без права переписки.** Зная, сколь распространенным был в те годы такой приговор, зная, что он всегда означал расстрел (слухи об этом ходили еще перед войной, очевидным это стало в эпоху реабилитаций), нетрудно сделать вывод, что, возможно, каждая областная тюрьма имела свои "катынские рвы". Как и в Катыни, в Виннице массовые могилы были засажены молодыми деревцами, парк перед войной был снова открыт, над трупами была воздвигнута музыкальная веранда. В каких парках культуры и отдыха, в каких при-

городных лесках лежат сотни тысяч теперь уже не трупов, а скелетов расстрелянных?»

Так оно и оказалось: свои «катынские рвы» нашлись в каждой области: и при областных тюрьмах, и в других, более удаленных от тюрем местах. И не раз над ними были разбиты парки культуры и отдыха. Кстати, и там, где я писала насчет использования трех монастырей как мест заключения польских военнопленных, я напоминала, что традиция использования монастырей в этом качестве – но «для своих» – к моменту катынского убийства насчитывала уже двадцать лет.

«Нельзя считать катынское преступление беспрецедентным и в том отношении, что это было убийство военнопленных. Государство, не подписавшее Женевской конвенции о военнопленных, заставившее миллионы попавших в плен советских солдат и офицеров сдыхать с голоду, а выживших загонявшее в свои лагеря, не располагает к тому, чтобы от него ждали цивилизованного поведения».

Одним словом, не было ничего особо нового под советским небом.

«И все-таки есть что-то в катынском убийстве, что заставляет душу всякого, кто прожил ту эпоху в СССР, особенно содрогнуться. То ли факт, что это были бойцы армии, первой принявшей на себя удар во время II мировой войны – и притом с двух сторон. Жертвы пакта, заключенного между Гитлером и Сталиным, жертвы четвертого раздела Польши. То ли это извечная русская боль за Польшу, за вину перед Польшей, которая никогда не была столь болезненной, столь оправданной: даже кровавое подавление польских восстаний, виселицы для повстанцев – все это было открыто, откровенно, террор без красивых слов и пропагандной лжи. То ли вот эта самая ложь, сначала грубая ложь, а потом запрет на самое слово "Катынь", как будто и не было никогда ничего. Разве что в "Таймс" советский журналист напишет возмущенное письмо о том, что дело Катыни давно решено Нюрнбергским трибуналом (и соврет), для внутреннего употребления даже ложь о немецком преступлении отставлена теперь, лишь бы вытравить из памяти слово, факт, преступление».

Тут я приведу опущенный мною выше (замененный многоточием в скобках) фрагмент из начала статьи:

«Но многие ли в СССР помнят о Катыни? О ней давным-давно нет никаких упоминаний в советской прессе, которая вообще постоянно напоминает о памятных местах фашистских зверств, о мемориалах, воздвигнутых на местах массовых уничтожений. **В Катынском лесу мемориала нет...»**

Мемориала не было, но «памятник» стоял, хотя мало кто об этом слышал; на нем, естественно, была дата «1941», а преступниками были названы все те же «немецко-фашистские оккупанты». Я думала, что лживый «памятник» (о нем я тоже писала в своей статье) поставили в конце 70-х, но Алексей Памятных сообщил мне:

«До последнего лживого памятника там тоже ведь стоял лживый (его довольно плохого качества фотография есть, например, в книжке Заводного) – просто один заменили на другой. О причине замены мне гадать трудно – не исключено, что пришла мысль "благоустроить мемориал", а заодно избавиться от невероятного количества грамматических ошибок в польской надписи на предыдущем памятнике. Но умельцы умудрились и на новом памятнике сделать грамматическую ошибку (я там был, и у меня есть фотографии 1987 года, когда нас с сыном оттуда погнал КГБ-шник, потом я написал "от дурака" письмо в Смоленский обком КПСС – не про ошибку, а про мемориал, к которому не пускают трудящихся, – и даже получил ответ, который пользовался большим успехом среди моих польских приятелей, где и потерялся в конце концов, но это совсем другая история). Так вот, даже на последнем лживом памятнике была ошибка: написали "polskim oficerAm" вместо "polskim oficerOm", т.е. написали на русский манер, поляков постыдились спросить».

Во втором письме А.Памятных уточнил некоторые детали:

«После Бурденко там поставили что-то крайне временное с надписью типа "Воин Красной Армии, отомсти!", после войны (в 50-х?) поставили каменный памятник с надписями по-польски и по-русски, польский текст был анекдотическим в смысле грамотности (он у меня где-то был, но под рукой нету). Более поздний советский мемориал появился, боюсь соврать, в конце или середине 1970-х, а во второй половине 1980-х его попытались формально вычленить из территории КГБ-шных дач, выгородив соответствующими дополнительными заборчиками. Я попал еще без этих заборчиков, когда доступ был закрыт (ответ обкома на мое "письмо трудящегося" был в стиле "вы ставите правильные вопросы, и теперь мы планируем..." – а далее пара канонических фраз про расстрел поляков немцами в 1941)».

А я тогда считала, что «памятник» воздвигли лишь после того, как советская пропаганда реши-

ла «сбить волну» нараставшего международного разоблачения. В число особенно возмутивших СССР поступков входило, например, открытие в 1976 г. в Лондоне символического памятника Катыни, где мы с Виктором Файнбергом (моим другом и подельником по демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию) присутствовали и возложили венок. В своей статье 1980 г. я писала:

> «В 1976 году Катынь мешала уже не сотрудничеству, а разрядке: перед открытием памятника жертвам Катыни с датой "Катынь 1940" лейбористское правительство оказывало давление на мэра лондонского округа Челси-Кенсингтон с целью отменить торжественное открытие памятника. Когда это не удалось, оно не только не прислало на открытие своего представителя, но и запретило офицерам британской армии явиться на церемонию в форме. Это было ответом гордой Британии на многочисленные протесты посольств ПНР и СССР. Негодование и возмущение охватили тогда всю прессу, политику правительства осудили в рядах консервативной, либеральной, а отчасти и самой лейбористской партии. Правительство отвечало: нет, мол, прямых доказательств того, что катынские могилы – советское преступление. Аргумент был принят общественностью как смехотворное лицемерие в угоду сильному партнеру».

К тому времени британский МИД уже

> «решился опубликовать лежавшие в архивах рапорты сэра Оуэна О'Малли, посла при польском правительстве в Лондоне. В 1943 и 1944 гг., обращаясь к [министру иностранных дел] Идену, он писал, что собранные им доказательства однозначно определяют советскую вину».

Однако, сказав, что в Катынском лесу «мемориала нет», я напоминала о другом:

> «Зато из десятков действительно уничтоженных фашистами белорусских деревень выбрали деревушку со сходным названием Хатынь, словно желая сбить с толку, вытеснить из сознания само слово "Катынь". Нет статьи "Катынь" в Большой советской энциклопедии, нет и в варшавской Большой всеобщей энциклопедии. (...) Нынешнее молчание разоблачает вчерашнюю ложь».

Катынь 2005 – вернемся в Интернет

Сегодня сложилось странное положение: правда сказана, а ложь – по-прежнему жива, и по-прежнему Катынь путают с Хатынью (причем, как я уже отметила выше, путаница теперь идет двойная, в обе стороны). Вот два характерных отрывка с форума «Боевой народ»:

> «А вот Хатынью я бы поосторожней оперировал – там до сей поры не ясно – кто кого поджигал и резал... То ли немцы беззащитных белорусов, то ли войска НКВД тех же, то ли вообще наши – польских офицеров, ну и население вкупе – за то, что видели лишнее... В общем, дело весьма темное Кстати, если поглядеть на это с точки зрения – кому оно было выгодно, то скорее нашим, чем немцам, – так сказать, для поднятия волны народного гнева... А вот немцам – я уже об этом ранее – это-то как раз вовсе не выгодно – и так в тылу черти-что творилось – партизаны там всякие – часть из которых есть бандиты самые настоящие... Сейчас и не разберешь, где правда...»

Ему отвечает знающий человек:

> «Стоп-стоп-стоп, Костя... Мне кажется, ты что-то путаешь: **Катынь** (катынский лес, где НКВД польских офицеров расстреливал) и **Хатынь**, деревня, которую уничтожили немецкие каратели совместно с полицаями, – две большие разницы!!! Даже по времени – несколько лет!»

И тут вмешивается еще один знающий, но с поразительной точкой зрения:

> «Про Катынь и Хатынь это полный финиш. Катынь это где полякофф мочили (и правильно сделали), а Хатынь это деревня которую немцы спалили в 1943 г.» *(сохранена орфография и пунктуация оригинала. – Прим. ред.)*

Если б он и тут добавил «и правильно сделали», можно было бы подумать, что дурацкая шутка, но не добавил...

Конечно, такое откровенное крайнее мнение – редкость, защитники (незащитимой) версии о том, что поляков убили немцы, а все разговоры о том, что преступление совершено руками НКВД, – это «геббельсовская пропаганда», не скажут «и правильно сделали», хотя в душе, может быть, так и думают, тем более что – в той же «душе» – не могут не знать, **кто** совершил преступление.

Если не по должности, то «в душе» они соратники господина Черкесова, бывшего следователя Ленинградского УКГБ, а ныне главного федерального борца с наркотиками, который гордится тем, что он чекист, и обрушивается на тех, кто разоблачает прошлое славных органов (занимается, по его терминологии, «античекизмом»). Но меня здесь интересуют не столько Черкесов, Мухин и

их чекистские или парачекистские подголоски – меня интересуют те, кто считает, что Катынь ушла в историю и даже неважно, кто там и что сделал. Это, мол, польские дела, пусть поляки об этом заботятся, а главное: пусть к нам с этим не лезут.

Один из участников «Военно-исторического форума» в русском Интернете провел опрос, задав посетителям форума четыре вопроса:

> «– Считаете ли Вы тему Катыни актуальной для российско-польских отношений или в любом ином аспекте?
>
> – Считаете ли Вы, что тему надо как-то подытожить – закрыть на политическом или юридическом уровне, – или решать уже нечего, пусть заинтересованные историки копаются в деталях?
>
> – Связываете ли Вы тему Катыни с другими военно-политическими вопросами – например, с темой советско-польской войны 1920 года?
>
> – Есть ли у Вас сомнения в том, кто расстрелял польских офицеров в Катыни, Калинине и Харькове?»

И вот на первые два вопроса чуть ли не все ответили одинаково: на первый – «нет», на второй – «да». Не объясняя или по-разному объясняя, но четко: нет, тема не актуальна; да, хватит об этом говорить. В ответах на третий и четвертый вопрос мнения расходятся, и тут нашелся даже апологет идеи «мочить полякофф», отвечая, что сомнений нет – и:

> «Так же, как нет сомнений, что это было сделано правильно».

Приведу одно, казалось бы, вполне корректное, но очень опасное объяснение необходимости закрыть катынскую тему:

> «Эту тему надо просто оставить в покое. Эта история завершилась. Подобно тому, как история татарского ига на Руси не мешает прекрасным отношениям России с Монголией».

Как будто никто уже не помнит, что Катынь (еще раз подчеркиваю) – одно из множества преступлений коммунистического режима. На мой взгляд, желать забыть о Катыни – это желать забыть и о «катынских рвах» по всей России и другим бывшим советским республикам, забыть о сверхнациональном характере коммунистической чумы, поразившей в XX веке пространство бывшей Российской империи и не щадившей ни «своих», ни «чужих».

Об этом недавно писал Александр Даниэль из московского «Мемориала». По его наблюдениям,

> «попытки нынешней администрации восстановить в слегка модернизированном виде старую имперскую историческую мифологию, лишь изъяв из нее наиболее одиозные элементы коммунистической доктрины, встречают довольно широкую поддержку.
>
> Каким же образом это состояние умов пришло на смену общественным настроениям конца 1980-х? И куда при этом делась пробудившаяся было коллективная память о терроре? Частью национального сознания она так и не стала – это ясно.
>
> Представление о коммунистическом терроре как об общенациональной катастрофе, то представление, к выработке и закреплению которого в национальном сознании мы были так близки в конце 1980-х, – не сложилось.
>
> (Говоря о закреплении представлений в национальном сознании, я имею в виду формирование в нем неких концептов самого общего порядка, таких, как "в XIII-XV вв. Россия пережила татаро-монгольское иго". Или: "мы победили в Великой Отечественной войне". Т.е. нечто такое, с чем никто, кроме отъявленных эксцентриков вроде Гумилева и Фоменко, – я, разумеется, не равняю эти два имени, – не спорит. Утверждение "в XX веке Россия пережила беспримерную эпоху, главный смысл которой – подавление всяческой свободы и массовые убийства граждан государством" такой точкой общего согласия не стало)».

Если нет общенациональной памяти о комплексе беспримерных, беспрецедентных, свыше запланированных убийств, о беспримерном, беспрецедентном, тотальном подавлении свободы – не будет, конечно, и памяти о каждом отдельном массовом убийстве, и Катынь будет восприниматься лишь как назойливые претензии каких-то поляков, которые не хотят жить мирно, хотя никто их больше не трогает.

И все-таки надежда есть. Опять заглядываю в Интернет и на «Форуме ТВС» нахожу:

> «А что мы должны чувствовать, вспоминая Катынь? Не знаю, что вы понимаете под коллективной ответственностью. Тот абсурд, к которому свели обсуждение, над чем посмеялись? Да, как-то не звучит – "коллективная ответственность", попахивает совком, но что-то же я чувствую. Чувствую индивидуально, а не потому, что кто-то там на официальном уровне эту ответственность утвердил».

Вот и я так чувствую.

Май 2005 г.

«<...> Всего было расстреляно 21857 человек. <...> Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. <...>

Представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 г. по названной выше операции».

О РАССЛЕДОВАНИИ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ

Заявление Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал»

65 лет назад, в апреле-мае 1940 года, сотрудниками НКВД СССР были расстреляны почти 22 тысячи польских граждан: пленные польские офицеры и другие узники Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей для военнопленных, а также польские заключенные, содержавшиеся в тюрьмах западных областей Белорусской ССР и Украинской ССР.

Эта «операция» НКВД стала известна под названием «Катынского преступления» (от местечка Катынь под Смоленском, где впервые были обнаружены захоронения одной из групп расстрелянных).

50 лет руководство СССР тщательно скрывало правду о катынском преступлении, отказывалось признать очевидные его доказательства, пыталось свалить вину на нацистскую Германию.

Лишь в апреле 1990 года Советский Союз официально признал, что польские граждане были расстреляны НКВД СССР, а Президент СССР Михаил Горбачев передал Президенту Польши Войцеху Ярузельскому архивные документы, содержащие поименные списки 14589 казненных пленников. Вскоре, по распоряжению Президента СССР, Главная военная прокуратура начала следствие по делу «о судьбе польских офицеров, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях».

В октябре 1992 года по поручению Президента РФ Б.Н. Ельцина Президенту Польши Леху Валенсе были переданы новые документы, в том числе – решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. с личными подписями И.Сталина, К.Ворошилова, В.Молотова, А.Микояна и с припиской о голосовании «за» М.Калинина и Л.Кагановича. Эти документы подтвердили, что решение о бессудной казни польских военнопленных было принято высшими руководителями СССР.

Кроме того, из них впервые стало известно, что одновременно с пленными офицерами были бессудно уничтожены еще и 7305 заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии. Поименный список 3435 заключенных, расстрелянных на Украине, был передан украинскими властями польской стороне в мае 1994 года. Белорусская часть списка до сих пор не обнародована (власти Республики Беларусь утверждают, что архивные поиски не дали результатов).

За 62 года, прошедшие после обнаружения катынских захоронений, о катынском преступлении было сказано и написано немало, однако многие существенные вопросы до сих пор остались невыясненными. Тем не менее 11 марта 2005 г. в своем выступлении на специальной пресс-конференции Главный военный прокурор России А.Н.Савенков заявил о прекращении расследования «Катынского дела», ссылаясь на «отсутствие события преступления геноцида» и смерть конкретных должностных лиц, признанных виновными по делу.

Мы считаем, что такое прекращение расследования недопустимо.

Во-первых, даже если не было события геноцида, то в любом случае необходимо сказать, как квалифицируются бессудные расстрелы, – как военное преступление, как преступление против человечества, как предумышленное убийство при отягчающих обстоятельствах? Закрытие дела без правовой оценки выглядит как попытка отказаться от всякой ответственности за преступление.

Во-вторых, до сих пор не установлены личности значительной части его жертв (почти 4 тысяч человек) – а именно, заключенных, расстрелянных в Белоруссии. Главная военная прокуратура ссылается на то, что преступления, совершенные за пределами нынешней России, должны расследоваться правоохранительными органами соответствующих стран.

Однако этот довод в данном случае не выглядит убедительным, поскольку решение о расстреле всех польских граждан принималось в Москве, отсюда осуществлялось руководство всей операцией в целом, сюда стекались все донесения и отчеты о ее проведении (например, список польских офицеров из Старобельского лагеря, расстрелянных в Харькове, т.е. на украинской территории, сохранился именно в московском архиве).

Главная военная прокуратура России обязана представить доказательства своих поисков «белорусского» списка в российских архивах, подтверждения своего обращения в правоохранительные органы Республики Беларусь по поводу списка расстрелянных заключенных и ответы этих органов.

В-третьих, требует разъяснения утверждение Главного военного прокурора России о том, что «с абсолютной точностью» подтвержден факт гибели лишь 1803 человек, тогда как общеизвес-

тно, что число погибших пленных – более 14,5 тысяч человек.

Наконец, «Катынское дело» не может считаться закрытым без установления и предания гласности имен всех лиц, участвовавших в осуществлении этого преступления, – как его инициаторов (которые уже известны), так и исполнителей всех уровней. Мы понимаем, что невозможно предать суду преступников, если они уже умерли. Однако их имена должны быть названы.

Это делалось и делается во всех цивилизованных странах, как правило, без учреждения специальных трибуналов. Этого требует и отечественное законодательство, в частности Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (часть вторая ст. 18).

Невозможно согласиться и с решением Главной военной прокуратуры РФ засекретить большинство материалов расследования (включая само постановление о прекращении уголовного дела). Это решение совершенно противоправно, поскольку согласно Закону РФ «О государственной тайне» «сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина» «не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию» (ст. 7).

Засекречивание прокуратурой подробностей дела, содержащего признаки военных преступлений и преступлений против человечества, с неизбежностью воспринимается общественным мнением в России и за рубежом как возвращение к старой советской политике сокрытия преступных действий сталинского режима и укрывательства их организаторов и исполнителей. Недопустимо, чтобы репутация страны, ее взаимоотношения с другими государствами приносились в жертву корпоративной «этике» и ведомственным нормам.

Хотели ли этого военные юристы или нет, но заявление о прекращении расследования «Катынского дела», сделанное накануне 60-летия Победы , напомнило всему миру, что Советский Союз был не только участником антигитлеровской коалиции, вынесшим на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом, но и тот несомненный факт, что после заключения в августе 1939 г. Пакта с гитлеровской Германией СССР осуществил ряд аннексий, присоединив к себе восточные территории довоенного польского государства, Литву, Латвию, Эстонию, Северную Буковину и Бессарабию. Что на этих территориях был немедленно развернут массовый террор, частью которого, наряду с арестами и депортациями, и стала «спецоперация» по уничтожению польских пленных и заключенных.

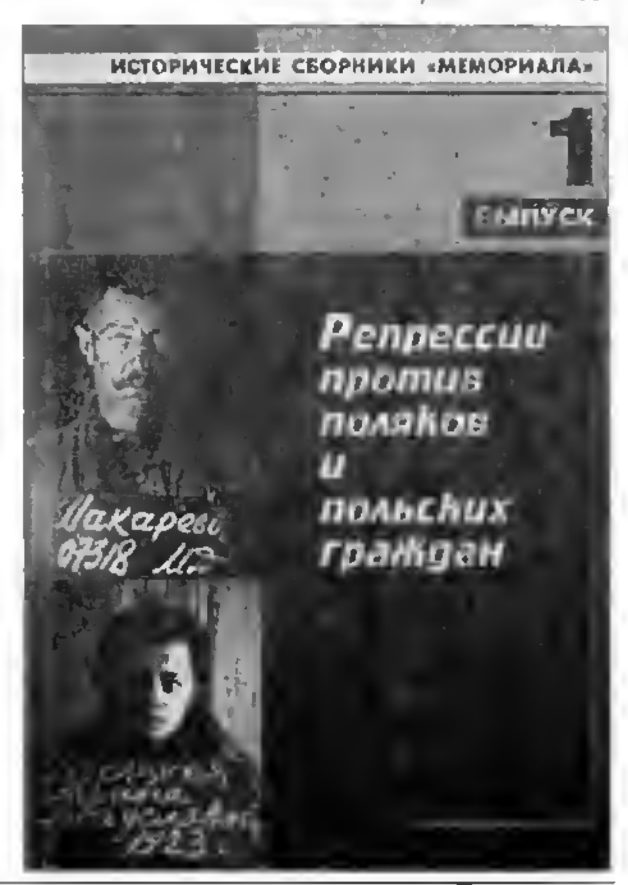
Память о Победе 1945 года неотделима от памяти о всех людях, убитых тоталитарными режимами XX века, – от павших на фронтах до погибших в застенках на всем протяжении Второй мировой. Попытки замолчать или ослабить эту память являются покушением на смысл и цели великой антифашистской войны.

Мы призываем высшее руководство страны продолжить политику Президента СССР М.С.Горбачева и Президента РФ Б.Н.Ельцина в деле раскрытия правды о событиях 1940 года и принять все необходимые меры к возобновлению расследования катынского преступления.

Преступление должно быть юридически квалифицировано, жертвы преступления – поименно установлены, имена всех виновников и исполнителей – преданы гласности. Все материалы следствия по его завершении должны быть открыты для мировой общественности, прежде всего для польской и российской. Мы убеждены, что только такие действия достойны великой страны, которая победила фашизм, отказалась от наследия коммунизма и выбрала демократический путь развития.

Мы убеждены также в необходимости реабилитировать все жертвы катынского преступления и, в соответствии со ст. 6 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», принятого 18 октября 1991 г., обращаемся с заявлением об их реабилитации в Генеральную прокуратуру РФ.

Правление Международного общества «Мемориал», апрель 2005 года.

Гульнара БЕКИРОВА

«ВЫВЕЗЕНЫ ВСЕ»

Крымские татары были одним из народов СССР, подвергшихся тотальной депортации в годы Второй мировой войны из мест исторического проживания на основе решений высших государственных органов Союза ССР.

Решение о выселении крымскотатарского народа, как и их предшественников по несчастью – балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, корейцев, немцев, финнов-ингерманландцев, чеченцев и др., – принималось в атмосфере высокой секретности. Лишь самые избранные из «ближнего круга» И.Сталина были посвящены в эти планы.

Механизм депортаций к моменту выселения крымских татар был вполне апробирован[1].

Формальная инициатива, как правило, исходила от органов НКВД. В случае же с крымскими татарами велика была еще и «заслуга» местных руководителей некрымскотатарского происхождения.

Для Крымского полуострова война началась 22 июня 1941 года в 3 часа 13 минут с налета немецкой авиации на Севастополь. Уже через несколько дней на полуострове вовсю шла мобилизация в Красную Армию мужчин призывного возраста, в том числе и крымских татар.

Стремительное наступление фашистских войск по всему советско-германскому фронту летом-осенью 1941 г. неминуемо приближало военные действия на крымскую землю. 16 октября 1941 г. советские войска оставили Одессу, а уже 28 октября части немецких и румынских войск, прорвавшись на полуостров, стали развивать наступление на Севастополь и Керчь. С 29 октября в Севастополе было введено осадное положение, и уже на следующий день состоялся первый бой защитников города с наступавшими фашистскими войсками. Одновременно немецкие войска вели наступление на керченском направлении, закончившееся взятием Керчи 16 ноября 1941 г. Освобожденная советскими войсками в ходе Керченско-Феодосийской десантной операции 26 декабря 1941 – 2 января 1942 гг. Керчь продержалась до 19 мая 1942 года. 30 июня 1942 года И.Сталин подписал приказ об оставлении Севастополя.

После оставления Керченского полуострова и Севастополя чрезвычайно осложнилось положение крымских партизан, отрезанных от Большой земли. Не преследуя в данной работе цели освещения истории партизанского движения в Крыму, заметим только, что официальная советская историография многие годы старательно обходила ряд «неудобных» вопросов истории войны в Крыму, в частности, те принципиальные ошибки военного и партийного руководства, которые были допущены на этапе формирования партизанских отрядов. Еще более запретными оказались упоминания о нередких фактах насилия со стороны партизан по отношению к мирному населению оккупированного полуострова[2].

Оправдывая собственную несостоятельность, руководители партизанского движения в Крыму А.Мокроусов и С.Мартынов в своих донесениях в центр в 1942 году пытались свалить вину за проваленное партизанское движение на крымскотатарское население. Тогда эта акция успеха не имела. Между тем вопрос этот, очевидно, неоднократно поднимался в кулуарах власти. В докладной записке первого секретаря Крымского обкома В.Булатова от 25 марта 1944 г. сказано: «В части вопроса о крымских татарах мною спецзапиской изложено т. Г.Маленкову». Имеются сведения о напряженных отношениях в Крымском обкоме между коммунистами крымскотатарского (А.Менбариев и И.Сейфулаев) и некрымскотатарского происхождения (В. Булатов и В.Березкин), что ясно свидетельствует об обострении внутрипартийной борьбы в Крымском обкоме и о кризисе крымской власти накануне неизбежного поиска виноватых и неминуемой расправы[3].

Освобождение Крыма в апреле 1944 года сопровождалось не только изгнанием фашистов, но и повсеместной «чисткой» населения, находившегося более двух лет в оккупации. Выявлением «ненадежных» элементов на территории Крыма, как, впрочем, и на всех других освобождаемых территориях, занимались сотрудники «СМЕРШа» – Главного управления контрразведки, а также органы НКВД-НКГБ.

В ходе «мероприятий по очистке Крыма» преступники, разумеется, были найдены, о чем свидетельствуют донесения наркома внутренних дел Л.Берии И.Сталину (они сохранились в так называемой «Особой папке Сталина» в Государствен-

Гульнара Бекирова – историк, главный редактор веб-сайта «Крым и крымские татары», сотрудник Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», Москва.

ном архиве Российской Федерации в Москве). Как нам представляется, вина многих из арестованных заключалась лишь в том, что, оказавшись на оккупированной территории, ради выживания, они были вынуждены работать в учреждениях, которые функционировали с разрешения немецких властей[4]. Характерна для понимания обстановки в только что освобожденном Крыму трагическая судьба вдовы писателя Александра Грина, отсидевшей десять лет советских лагерей за пребывание в оккупированном Крыму[5].

Понятно, что не избежали «фильтрации» и многие из жителей Крыма, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупационными властями. Так, согласно одному из донесений Л.Берии на имя И.Сталина, В.Молотова, Г.Маленкова от 1 мая 1944 г., в ходе «фильтрации» были арестованы 49 членов Мусульманского комитета, а также члены «созданных немецким командованием» «Партии истиннорусских людей», филиалов «Национально-трудового союза нового русского поколения», «Украинского немецкого комитета». Насколько влиятельной была деятельность данных организаций в оккупированном Крыму, содействовали ли они укреплению оккупационного режима – это вопросы отдельного исследования. Заметим только, что любые органы самоуправления, созданные на оккупированной территории, как правило, были отнесены сталинским руководством к профашистским со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Между тем население Крыма, включая крымских татар, радостно встречало бойцов Красной Армии, не помышляя о плохом. Так, по информации Ялтинского райкома, в начале мая 1944 года «...с большим подъемом прошли митинги и встречи в г.Алупке, Дегерменкое и Партените со знатными земляками, Героями Советского Союза Аметханом Султаном из г. Алупки и Тейфуком Абдулла из Партенита. Эти встречи превратились в яркие демонстрации горячей любви советских людей к своей родине, к Красной Армии, к любимому Сталину...»[6].

А 10 мая 1944 года Л. Берия внес на рассмотрение И. Сталину проект решения Государственного Комитета Обороны о выселении всех татар с территории Крыма («учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза»).

Коллаборационизм среди крымских татар, несомненно, был, как был он и среди представителей других народов, да и любого оккупированного противником населения. Собственно, трудно себе представить, что вал репрессий, который обрушился на народ в 1920-1930 гг. и неоднократно «прошелся» по полуострову, не зародил в среде части пострадавших чувства ненависти к советскому режиму и его руководителям. Тем не менее есть множество свидетельств героизма крымчан, в том числе, разумеется, и крымских татар. В вышедшей в 1994 году «Книге памяти Республики Крым», в которую включены имена крымчан, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, мы находим имена представителей всех без исключения национальностей полуострова[7].

Так что факты коллаборационизма – и в этом мы глубоко убеждены – никак не могут служить оправданием преступных решений советского руководства о депортации целых народов, исполнение которых принесло неисчислимые бедствия миллионам ни в чем не повинных людей[8]. Как пишет автор одного из недавних исследований по истории принудительных миграций в СССР Павел Полян: «Несправедливость [...] в самом прецеденте "наказания народов", подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников»[9].

Обращает на себя внимание и то, что акции депортации народов были направлены против относительно немногочисленных этнических групп. Как справедливо заметил философ Григорий Померанц, «малые народы в качестве объектов травли удобнее больших»[10], «они и были выбраны козлами отпущения за общий грех»[11].

Впрочем, антидемократические акции, направленные против «неблагонадежных» народов, вполне соответствовали сталинскому представлению об эффективных методах управления страной. Полковник Григорий Токаев (Токати), принадлежавший к антисталинской группировке в партии и уже в эмиграции написавший ряд работ, посвященных проблемам социальной и национальной демократии в СССР, так охарактеризовал правление Сталина в период войны: «...Не было никаких сомнений в том, что войну против Германии он будет вести с тем же пренебрежением к интересам и благополучию народных масс, которое он проявил во всей своей политике строительства коммунизма»[12].

Подписанное И.Сталиным Постановление ГКО №5859сс[13] «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года стало роковым для целого народа[14]. «Операцию» по выселению было поручено возглавить заместителям народных комиссаров госбезопасности и внутренних дел Б.Кобулову и И.Серову[15].

17 мая в 5 часов вечера в кабинет первого секретаря Крымского обкома партии были вызваны председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР А.Менбариев и председатель

Совнаркома И.Сейфулаев. Последний много лет спустя вспоминал: «Слово было предоставлено Кобулову, который зачитал Постановление ГКО СССР от 11 мая 1944. [...] Он потребовал, чтобы руководство республики, активвели себя достойно и показали пример организованности и дисциплины»[16].

К этому же времени практически все было подготовлено к началу операции – заранее, под благовидными предлогами, были уточнены адреса проживания крымскотатарских семей в городах и поселках со смешанным населением, а во всех селах, населенных крымскими татарами, размещены войска НКВД. В ночь с 17 на 18 мая 1944 года во всех населенных пунктах Крыма к изгнанию крымских татар одновременно приступили более 32 тысяч оперативников, офицеров и бойцов НКВД-НКГБ[17]. Со всех сторон полуострова к узловым железнодорожным станциям потянулись грузовики с несчастными людьми, которых немедленно силой загоняли в товарные вагоны.

Уже 20 мая местные партийные функционеры рапортовали в Крымский обком об успешно проведенной акции по выселению и сообщали сведения по учету оставшегося имущества крымских татар:

«По Евпаторийскому райкому (тов. Лукичев):

Всего татарского населения 1820 человек. Вывезены все.

Татарское население вывезено из 10 колхозов, 418 семей. В том числе 5 колхозов исключительно состояло из татар.

Учет скота, имущества производится, составлены акты на местах.

В райком представлено 10 актов. Уход за скотом, охрана скота и имущества вывезенных татар организованы.

По Тельманскому району (тов. Левицкий):

Вывезено татарских семей 559 из 8 колхозов.

Учтено скота 616 голов: из них коров – 208, телят – 126, нетелей[18] – 8, овец – 265, коз – 9. Учтено рабочих лошадей 30, птицы 251, хлеба 1250 центнеров. Работает 21 комиссия. Уход за скотом обеспечен путем прикрепления колхозников из ближайших колхозов. Охрана скота и имущества организована. Поставлены посты.

По Бахчисарайскому району (тов. Бережной):

Выселено около 23 тысяч человек (райкомом количество выселенных уточняется). Из всех 52 колхозов р-на вывезены татарские семьи. 7 колхозов состояли исключительно из татарских семей. Вывезены все.

Учтено скота: по городу
крупного рогатого скота – 110 голов
мелкого – 958
лошадей – 25

По району только из 6 населенных пунктов
коров – 156
нетелей – 15 голов
телят – 72
овец и ягнят – 145
рабочих лошадей – 15
молодняка – 9

Скот отобран в специально отведенные пункты. Учет имущества организован. Выделено 70 комиссий из 375 человек и привлечен местный актив. По городу работает 20 комиссий и по району 50. Составлены акты. Укрытие и воровства имущества нет, но отдельные случаи есть за счет военных.

По Ялтинскому району (тов. Буланова):

[...] Всего тетарского населения 10332 чел.

Всего семей – 2836

Из всех 20 колхозов вывезены все татары.

Скота у татар было:
коров – 281
овец и коз – 2149
лошадей – 30

Сколько скота учтено, райком сегодня не имеет сведений [...].

Учет имущества производится. Сколько учтено, РК еще не знает. Учтенное имущество свозят на склады, где оно охраняется.

По учету имуществв работает 18 комиссий, в них участвует 84 чел. Из города направлено в район 501 чел.

По Алуштинскому району (тов.Тынчеров):

Всех татар в районе в 11 колхозах, 3 совхозах и в городе было 15107 чел. Вывезены.

Учет скота и имущества организован, но работа не закончена. Имеются случаи попытки растащить имущество со стороны в/ч.

По Биюк-Онларскому р-ну (тов. Сегалов):

Всего в р-не татар было 3112 чел., 723 семьи

Вывезены все [...].

По Евпатории:

Вывезено татар 3085, 813 семьи.

По Ялтинскому городу:

на 17/V-44 г. было тетар 277 чел. по 142 адресам. Вывезено по данным на

20.05.1944 – 234 чел. из 114 квартир. Осталось вывозить или уточнить вопрос их национальности. [...]»[19].

Не все еще эшелоны со спецпереселенцами успели добраться до предназначенных им мест, когда руководители Крыма на первом после освобождения пленуме обкома (14.06.1944 г.) уже обсуждали планы восстановления разрушенного хозяйства, заодно разоблачая «нездоровые настроения» оставшегося населения: «Много таких разговоров: "Вот татар вывезли и нас будут вывозить". И даже сухари сушат [...] Люди русские, украинцы – советский народ, мы не можем на них говорить, что все никуда не годятся [...]. Без них мы ничего не сделаем в хозяйстве»[20].

Очень скоро, однако, выяснилось, что «нездоровые» настроения крымчан были вполне оправданы. Не прошло и двух недель, как в конце июня 1944 года за крымскими татарами последовали греки, армяне, болгары, – оказалось, что и они «никуда не годятся».

«И то, что осталось за спиною, – распахнутые, еще не остывшие дома, и разворошенное имущество, весь быт, налаженный в десять и в двадцать поколений, – тоже единообразно достается оперативникам карающих органов, а что – государству, а что – соседям из более счастливых наций, и никто не напишет жалобы о корове, о мебели, о посуде». Эти строки из главы «Ссылка народов» знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына как нельзя точно передают трагедию выселенных народов[21].

Факты мародерства в Крыму были зафиксированы даже официальными документами: «В селе "Акат" Карасубазарского района бойцы из Приморской армии взломали дверь сарая, где хранилась мебель татарских квартир, и забрали кровати, столы и другую домашнюю утварь»[22]. А вот что вспоминает крымский татарин Асан Усеинов, которому в качестве солдата Приморской армии довелось не только освобождать Крым от фашистов и наблюдать ужасные картины выселения своего народа, но и быть свидетелем последующих событий: «Наши солдаты начали взламывать двери, брать оставшиеся вещи и отправлять их посылками по почте к себе домой. Брали даже наволочки от подушек. Все вокруг было полно пуха и перьев [...]. Наши земляки во время оккупации спрятали от немцев ценные вещи, закопав их в огороде или в сарае и сверху посадив картофель или что другое. Советские солдаты, вооружившись железными прутьями, находили эти тайники. Более всего меня возмутило это. Ведь как радовался народ, что наши пришли»[23].

Остается только догадываться, сколько на самом деле нашлось любителей поживиться на чужом горе. В одном из партийных документов 1944 года содержится весьма экстравагантная трактовка подобных случаев: «Немцы развратили известную часть населения, что нашло свое выражение в актах мародерства (воровство городского имущества или имущества, оставленного татарами), в слабой дисциплине колхозников, в пробуждении частнособственнических инстинктов»[24].

В результате войны, оккупации и депортаций[25] население Крыма уменьшилось втрое – с 1.126.426 (по Всесоюзной переписи 1939 года) до 379.000 (данные Крымского обкома на 14.10.1944 года[26]), что потребовало новых трудовых ресурсов. Решением от 18 августа 1944 года в целях «быстрейшего освоения плодородных земель, садов и виноградников» ГКО признал необходимым переселить в Крым из различных областей РСФСР и Украинской ССР «добросовестных и трудолюбивых колхозников» – всего 51 000 человек[27]. Земли бывших татарских, болгарских и других колхозов, откуда были «произведены спецпереселения в 1944 г., с имеющимися посевами и насаждениями» передавались вновь организуемым колхозам переселенцев и закреплялись за этими колхозами в «вечное пользование»[28]. (Ранее, в июле 1944г., по районам был распределен крупный рогатый скот, овцы и козы, «принятые от спецпереселенцев в Крыму».[29])

Дома депортированных перешли «в жилищный фонд исполкомов местных советов»[30]. Их занимали «новые колхозники» – переселенцы,

прибывшие в основном из различных областей России, меньше – из Украины.

Как докладывал в октябре 1944 г. уполномоченный Карасубазарского района в вышестоящий партийный орган Крыма, переселенцы были приняты «очень внимательно и тепло»: «... В колхоз "Борьба за урожай" прибыло 20 хозяйств, они остались очень довольны тем, что места очень хорошие, что в каждом дворе колодезь [...] что хорошие огороды, сожалели, что садов нет [...] высказывались о выдаче обещанного им хлеба».

«Новым хозяевам», обустройство которых было признано делом первостепенной, государственной важности, прощалась даже излишняя привередливость. Один из анекдотичных, но весьма показательных случаев сохранился в партийной документации: «В колхозе "Иллери" Тайганского сельсовета [...] избы все низкие, очень плохие, переселенцы были недовольны, волновались непригодностью квартир. Переселенка Баева Н. обращалась к встречающим и завопила: "Такие гостеприимные люди здесь, а живут в таком плохом месте"»[31].

Уже к 1 декабря 1944 года в Крым прибыло 64000 переселенцев, в т.ч. 30444 трудоспособных[32].

Совершенно иным был путь крымскотатарских спецпереселенцев.

Дорога в неизвестность (а маршруты следования, по многочисленным свидетельствам, стали известны лишь во второй половине пути) запомнилась всем, кто ее пережил.

Основную часть выселенцев составляли женщины и дети, размещенные в товарных вагонах, оборудованных нарами:

«В вагоне было много семей. Нас ехало три семьи – 18 человек: нас десятеро и семья сестры отца – 3 человека, и другие сестры – 5 человек. У них не было ни одного мужчины. А у нас было два мужика – два моих брата: Эфрасияб 1931 года рождения и Оздемир – 1940-го. Остальные 16 человек были все женского пола – такое феминистское сборище. Начиная с 1942 года моя мама 1899 года рождения была среди них самой старшей (***Касиде Бекирова***)[33].

В дороге кормили плохо, эшелоны подолгу простаивали; было много больных и умерших, тела последних конвоиры, без всякого оформления документов, попросту выбрасывали по пути следования эшелона.

Большую часть крымских татар направили в Узбекистан. В деле «Материалы по выселению из Крыма» в Государственном архиве Российской Федерации (ф.9479, оп.1с, д.179) среди прочих документов сохранилась и телеграмма заместителя наркома внутренних дел Узбекистана Бабаджанова в адрес Л.Берии о прибытии последнего эшелона с депортированными крымскими татарами.

Телеграмма №1476 от 8 июня 1944 13 час.00 мин.

Из Ташкента

Москве, НКВД СССР – тов. Берия

Докладываю об окончании приема эшелонов в расселении спецпереселенцев крымских татар в Узбекской ССР.

8 июня с.г. прибыл и разгружен последний эшелон СК-579 в составе семей 385, людей 1813, в том числе: мужчин – 303, женщин – 685, детей – 825, для Кашка-Дарьинской области. Всего принято и расселено в Узбекистане спецпереселенцев семей 33.775, людей 151.529, в том числе: мужчин – 27.558, женщин – 55.684, детей – 68.287. Умерло в пути следования во всех эшелонах 191 чел.[34] Расселено по областям: Ташкентской 56.362 человека, Самаркандской – 31.540 человек, Андижанской – 19.630 человек, Ферганской – 16.039, Наманганской – 13.804, Кашка-Дарьинской – 10.171, Бухарской – 3.983. Расселение в основном произведено в совхозах, колхозах и предприятиях промышленности, в пустующих жилых помещениях и за счет уплотнения местных жителей=Бабаджанов[35].

В отличие от тех, кто занимал их дома на родине, спецпереселенцев на новых местах никто не ждал. Никому не было дела до того, чтобы обеспечить их хотя бы самым необходимым[36]. В память переживших депортацию навсегда врезался момент прибытия и первые впечатления от новых мест.

«Разгрузили в степи. Повезли в колхоз Ворошилова-2 – дали дом, как сейчас помню, без крыши. Четыре стены. Камыш набросали, рядом рос камыш. Шакалы придут, прямо рядом воют. Нас четверо детей, отца не было. Братьев забрали в колхоз» (***Эсвет Бариев***)[37].

«Через 18 суток уцелевших прямо из поезда на станции Милютинская погрузили в машины и ночью привезли в горы. Кругом одни камни. Ни деревца, ни избушки... Сами выдолбали что-то наподобие окопов. Со временем каждой семье выдали по пять горбылей. Так появились крыши» (***Эскендер Идрисов***)[38].

Крымскотатарские спецпереселенцы были определены на строительство Фархадской ГЭС в г.Бекабаде, рудники «Койташ» в Самаркандской области и «Ташкент-Сталинуголь», в колхозы и совхозы Ташкентской, Андижанской, Самаркандской области, Шахризябского, Китабского районов Кашкадарьинской области. В большинстве своем размещены они были в неприспособленных для жилья бараках, а на руднике «Койташ» и вовсе оказались под открытым небом[39].

По данным Отдела спецпоселений НКВД СССР, в ноябре 1944 года в местах выселения находились 193.865 крымских татар, из них в Узбекистане – 151.136, в Марийской АССР – 8.597, в Казахской ССР – 4.286, остальные были распределены «для использования на работах» в Молотовской (10.555), Кемеровской (6.743), Горьковской (5.095), Свердловской (3.594), Ивановской (2.800), Ярославской (1.059) областях РСФСР[40].

Говоря о том, что были «вывезены все», речь идет лишь о тех, кто находился в ту трагическую ночь 18 мая 1944 года на территории Крымского полуострова. Большая часть мужского населения была в это время в Красной Армии.

Директивы НКВД СССР №1/21826 от 16 ноября 1944 года и №1/1559 от 12 августа 1945 года категорически воспрещали «направлять демобилизованных из Красной Армии: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев – на территории бывшей Чечено-Ингушской ССР, бывшей Карачаевской автономной области и на территорию бывшей Кабардино-Балкарской АССР; калмыков – на территории бывшей Калмыцкой АССР, Ростовской и Сталинградской областей; крымских татар, крымских болгар, греков, армян – на территорию бывшей Крымской АССР»[41].

Свои семьи бывшие защитники Родины находили уже в местах спецпоселений...

Примечания:

[1] Депортации в СССР затронули более 6 миллионов граждан различных национальностей. Начавшись как акции преследования неугодных классов (кулаки, казаки), получив продолжение в зачистках «приграничных» и «прифронтовых» районов от граждан «инонациональностей» (поляки, немцы, корейцы, китайцы, курды, иранцы, греки, турки), советские депортации оказались, в конце концов, инструментом репрессий против «своих» народов. – Эдиев Д.. Демографические потери депортированных народов СССР: http://px.zhurnal.ru/research/demoscope/2004/02/27/demoscope147_print.html

[2] В качестве примера укажем на случаи пьяных погромов, совершенных партизанами в отношении населения крымскотатарских деревень Коуш и Маркур, которое до этих событий всячески помогало продовольствием тем же партизанам.

[3] Подр. см.: Бекирова Г. Галочка Берии // Полуостров. – 2003. – №15(18). – С.1-2.

[4] Например, среди арестованных в донесении Берии на имя Сталина и Молотова был назван бывший главврач поликлиники Якубович – председатель созданного немцами «Комитета по оказанию помощи военнопленным и увечным воинам».

[5] После смерти писателя в 1932 году Нина Николаевна Грин осталась жить с больной матерью в Старом Крыму. Здесь же их застала оккупация. Первое время жили, продавая старые вещи. Когда продавать стало нечего, пришлось искать работу. А какую работу можно было найти слабой интеллигентной женщине в оккупированном Крыму? Нина Николаевна считала, что ей еще повезло – подвернулось место корректора в типографии открытой при немцах газетенки. Знать бы, чем обернется это «везение» в будущем... Никаких заметок, прославляющих «новый порядок», она, естественно, не писала и писать не могла. При любом режиме корректор – самая скромная должность, от которой мало что зависит. Но именно сотрудничество с немцами было поставлено ей в вину после войны. Плюс еще пребывание на невольничьих работах в Германии, куда Нину Николаевну вместе с другими местными жителями насильно увезли в 1944 году. Там она находилась в лагере под Бреслау. Воспользовавшись бомбежкой союзников, в 1945-м бежала, с трудом добралась обратно в свой любимый Крым. А вскоре снова угодила в лагерь – теперь уже сталинский. Не помогло даже свидетельство очевидцев о том, что в годы войны жена Грина лично спасла жизнь 13 человек, взятых в заложники после убийства немецкого офицера. Нина Николаевна бросилась в управу и каким-то чудом упросила городского голову выпустить их на свободу. – Тимохина Т. Заключенная Ассоль // Российская газета (Выпуск выходного дня). – 2004. – 20 февр. // http://www.rg.ru/2004/02/20/grin.html

[6] Из информации Ялтинского райкома ВКП(б)от 4.05. 1944. ЦГАРК, ф.1, оп.1, д.2284, л.21

[7] Книга памяти Республики Крым. В 8 т. – Симферополь. Таврида, 1994-1998.

[8] Позиция автора книги по этому вопросу подробно изложена в статье Стереотипи радянського часу щодо кримськотатарського народу та їх ретрансляція у пострадянскому інформаційному просторі //Кримськи студії». – 2002. – №3-4 (15-16). – С. 44-60, текст на укр. и англ. яз. см. на сайте Центра информации и документации крымских татар http://www.cidct.org.ua/uk/studii/15-16/5.html; версия на рус. яз. опубликована на сайте «Крым и крымские татары» http://www.kirimtatar.com/Researches/stereotypes.html)

[9] Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С.104.

[10] Померанц Г. Красная книга народов (Заметки 1987-1989) // Апрель: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – М.: Интер-Версо, 1990. – С.217

[11] Померанц Г. Красная книга народов (Заметки 1987-1989) // Апрель: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – М.: Интер-Версо, 1990. – С 209.

[12] Токаев Г. Пораженчество и оборончество(глава из книги «Сталин – это война») // Социалистический вестник. – 1951. – №5 – С.208

[13] Государственный Комитет Обороны (ГКО или ГОКО) – чрезвычайный орган власти во время войны, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти.

[14] Постановление ГКО №5859сс не оглашалось при выселении, оно было рассекречено лишь спустя 46 лет после депортации в связи с запросом Министерства юстиции СССР для работы Комиссии Совета Министров СССР по проблемам крымскотатарского народа, образованной в январе 1990 г. Впервые опубликовано в газете «Авдет» в 1991 году, впоследствии не раз публиковалось в различных изданиях. Во время работы над этой книгой мы пользовались подлинником постановления, который хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в Москве (ф.644, оп.1, д.252, л.142-144).

[15] Порой приходится слышать мнение, что Сталин был единственным виновником всех бед своего времени. Однако нам представляется, что построить столь отлаженную и успешно функционировавшую репрессивную машину было невозможно без «достойных» помощников и подручных. В этом смысле показательно свидетельство бывшего полковника Красной Армии, впоследствии оставшегося в Англии, Григория Токаева об одном из «героев» операций по выселению народов Иване Серове. «...Я никогда не видал и не представлял себе более бесчеловечного, кровожадного и лишенного всяких моральных и человеческих чувств существа». (Токаев Г. Усмирение Северного Кавказа // Социалистический вестник. – 1951. – №3. – С.67).

[16] Сейфулаев И. Выселение крымскотатарского народа на основе огульных обвинений // Голос Крыма. – 1999. – 6 авг. (№32). – С. 5.

[17] Согласно письму Л.Берии И.Сталину от 5.07.1944, «в

операциях по Крыму участвовали 23000 бойцов и офицеров войск НКВД и до 9000 человек оперативного состава органов НКВД-НКГБ» (Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. – М.: «Инсан», 2002. – С.93).

[18] Нетель – молодая, нетелившаяся корова.

[19] ГА АРК, ф.1., оп.1, д.2262, л.3-4.

[20] РГАСПИ, ф.17, оп.44, д.758, л.36об.

[21] Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. Ч. V-VII. – М., 1991. – С.60.

[22] ГА АРК, ф.1, оп.1, д.2276, л.134.

[23] Запись воспоминания А.Усеинова приведена в книге: Озенбашлы Э. Крымцы. – Симферополь, 1997. – С 36

[24] ГА АРК, ф.1, оп.1, д.2276, л.7.

[25] В конце августа 1941 г. с территории Крыма также было выселено около 50000 немцев.

[26] РГАСПИ, ф.17, оп.44, д. 763, л.141.

[27] РГАСПИ, ф.17, оп.44, д.762, л.147.

[28] РГАСПИ, ф.17, оп.44, д.762, л.148об.

[29] РГАСПИ, ф.17, оп. 44, д.762, л.25.

[30] ГАРФ, ф.9479, оп. 1с, д 265, л.81.

[31] ГА АРК, ф.1, оп.1, д.2262, л.7.

[32] Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 / Сост. В.К. Гарагуля, И.П.Кондранов, Л.П.Кравцова. – Симферополь, 1994. – С 134.

[33] Интервью с Касиде Бекировой (28 11.2002). Архив автора.

[34] Официальная цифра умерших – 191 человек – вызывает значительные сомнения, причем как у исследователей, так и у очевидцев переселения. Все без исключения пережившие путь в места выселения сообщают, что они неоднократно были свидетелями гибели соотечественников в пути. А если учесть, каковы были условия эшелонирования (скученность, духота, плохое питание, часто – отсутствие или нехватка питьевой воды, жестокость обращения конвоиров, плохая санитарная обработка вагонов, заболеваемость), есть все основания думать, что цифра, приведенная Бабаджановым, весьма приблизительна и, по крайней мере, в несколько раз меньше реальных масштабов смертности в пути.

[35] Подчеркивания воспроизводятся по подлиннику документа: ГАРФ, ф.9479, оп.1с, д.179, л.241.

[36] Правда, были на то и объективные причины. Узбекские власти (а именно в этой республике планировалось поселить основную массу крымскотатарских спецпереселенцев – около 150.000) узнали о решении ГКО от 11.05.1944 г. на следующий день после его вынесения. 13 мая 1944 г. Нарком внутренних дел Узбекистана А. Кобулов в спешном порядке известил руководителей узбекских областей о скором прибытии спецпереселенцев, приказав немедленно приступить к организации спецкомендатур. Уже в конце мая – начале июня эшелоны с крымскими татарами стали прибывать в республику.

[37] Интервью с Эсветом Барневым (15.10.2002). Архив автора.

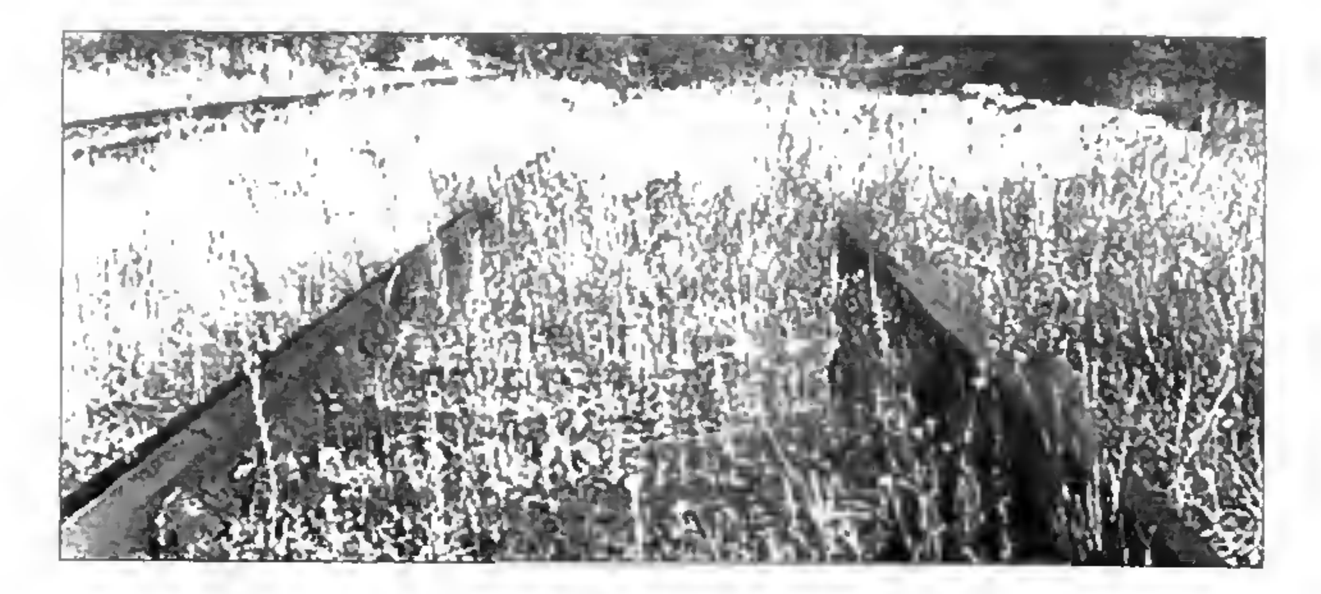
[38] Идрисов Э. Мои университеты // Мелитопольские ведомости. – 1997. – 17 мая. – С.3.

[39] РГАСПИ, ф.17, оп.44, д.758, л.36об.

[40] ГАРФ, ф.9479, оп.1с, д 187, л.1.

[41] ГАРФ, ф.9479, оп.1с, д.210, л.208.

ДЕПОРТАЦИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Из воспоминаний Аевиз Усеинова, уроженца села Узунджи, бывшего Балаклавского района Крыма. А.Усеинов был призван на войну 22 июня 1941 года.

После расформировки 9-й армии меня перевезли в Приморскую армию. Весной 1944 г. нас на баржах высадили с десантом близ Керчи. Я радовался, что освобождаю Родину. Мы закрепились на плацдарме, затем выбили немцев из района каменоломен и двинулись в сторону Феодосии. В эти дни резко изменилось ко мне отношение командира роты . Он начал придираться по мелочам. Приказал мне постричься, хотя волосы у меня не были длинные. Я постригся под бокс. Но капитан, увидев меня, за невыполнение приказа постричься наголо – объявил мне 10 суток ареста. Я отсидел в деревне Япсала 10 суток на гауптвахте. После этого меня назначили дежурным по батальону. Только я сдал дежурство – за мной пришел связной с приказом явиться к начальнику штаба. Я отсидел, взял автомат. «Примите дежурство по батальону», – приказал начштаба. И я вновь заступил на дежурство.

Майор по политчасти Еременко, увидев меня, сказал: «Смотри, сегодня ночью никуда из штаба не выходи». И пригрозил, положив руку на пистолет. Утром,

часа в четыре, раздались крики: «Выходи, выходи быстрее!» Это пограничники НКВД выгоняли крымскотатарскую семью – старуху и девочку-подростка, которые жили по соседству со штабом. Услышав крики, шум, я вышел: творилось что-то ужасное. Наш народ грузили на заранее подготовленные военные машины и везли их в сторону Бахчисарая.

Кто сопротивлялся, хватали за руки, за ноги и забрасывали в машины. После того, как всех увезли, скотина, оставшаяся без присмотра, еды, стала дико реветь. «Наши» солдаты начали взламывать двери, брать оставшиеся вещи и отправлять их посылками по почте к себе домой. Брали даже наволочки от подушек.

Всё вокруг было полно пуха и перьев. К пчелиным ульям солдаты, надев противогазы, шли брать мед. Наши земляки во время оккупации спрятали от немцев ценные вещи, закопав их в огороде или сарае. Советские солдаты, вооружившись железными прутьями, находили эти тайники. Ведь как радовался народ, что наши пришли.

После 18 мая мне перестали доверять. В Севастополь не отправили. Я стал замечать, что за мной следят. Как-то меня вызвал старшина и сказал: «Берите продукты, вы поедете в другую часть, в артполк. С вами поедет попутчик брать пополнение». Я сдал автомат, а продукты не взял. Мой попутчик, старший сержант, привел меня в так называемый артполк, расположенный за Симферополем и огороженный колючей проволокой. Здесь мне дали новую одежду. В этом полку собрали со всего Крыма крымских татар, фронтовиков, 150-200 человек.

На вышках «охраняли» вооруженные солдаты. У нас же ни у кого оружия не было. Здесь находилось немало офицеров – крымских татар – и несколько медсестер. Однажды ночью всех погрузили на машины и привезли в Симферополь, где нас оцепили «зеленые фуражки». Всю ночь мы простояли.

Утром приказали построиться по четыре и идти к вокзалу. Строй вели наши, но по краям с автоматами шли «зеленые фуражки». На вокзале подали команду – «Смирно!». К нам вышел генерал. Мы не дали ему говорить, стали кричать, чтобы убрали оцепление. Генерал дал команду убрать и спросил: «Вам известно, куда вы едете?» «Нет, не знаем», – ответили мы. Он обратился к нам со следующими словами: «Ваши семьи находятся в Средней Азии. Простите, у нас не было возможности разобраться с ними. Вы сейчас без всякой охраны поедете в Узбекистан. Ваши находятся в очень тяжелом положении. Прошу не задерживаться в дороге и, найдя свои семьи, оказать им необходимую помощь».

Я полтора месяца искал свою семью. И наконец нашел в Самарканде. Они ютились в сарае. В это время от голода, болезней, морального потрясения умерло очень много людей. Иногда даже некому было убирать трупы.

Из воспоминаний В. Круглова, жителя Новороссийска:

С 1938 по 1960 год я проживал в Ташкентской области, в городе Чирчик, станция Боз-Су. Когда началась война, мне было 10 лет. Тяжелое было время. Хлеб по карточкам давали по 200-300 граммов на иждивенца. И еще давали половник баланды, тоже по карточкам. А баланда состояла из муки и воды. Но, несмотря на это, работали и учились все с энтузиазмом, потому что верили в победу над врагом.

В 1944 году по радио и из газет стало известно, что, мол, крымские татары – изменники Родины и их будут выселять. И настал день, когда узнали о том, что уже их загнали в товарные вагоны, теплушки, и гонят сюда, в Среднюю Азию, на постоянное поселение. Люди возмущались, негодовали, ждали встречи с первыми эшелонами, стали заранее готовиться. На станции в очередях за баландой, за хлебом, на улицах, на производстве и в школах только и было разговоров: «Вот едут, татары крымские, предатели Родины, мы их встретим тут как положено. Мы им покажем, как Родине изменять и людей убивать». Короче, готовились кто как мог. Вооружались, одним словом. Кто с ружьем, кто с топором, кто с дубинкой, кто с арматурой. А мы, пацаны, приготовили заранее кучи камней.

Подъехал, наконец, долгожданный первый эшелон. Состав остановился на перроне. Все притихли. И вот сопровождающий открыл дверь, и весь народ подался вперед – каждый со своим «оружием».

То, что предстало перед нашими глазами, описать сразу нельзя. Этого я до сих пор забыть не могу! Эти глаза, эти лица, эти живые трупы, смотревшие на нас из товарных вагонов, еле приподнявшись от пола на руках. Эти полуживые люди и сейчас у меня перед глазами. И всегда они, всю мою жизнь встают предо мною, когда я смотрю на крымских татар пожилого возраста. Мне кажется, что именно их видел я тогда на перроне.

Нам стало стыдно перед собой и перед ними в особенности. Мужчины и женщины стали заглядывать внутрь вагонов, ища там глазами «предателей Родины». То есть искали мужчин, а их не было. Не было среди живых трупов ни одного мужчины призывного возраста. Лишь глубокие старцы и старушки, женщины и дети малые, допризывники-подростки.

Мы стали прятать за спины «оружие», бочком отходя от вагонов к палисаднику, бросали его там за бетонный забор. И, «разоружившись», подходили к вагонам снова. Настолько это зрелище было ошеломляющим для нас – жителей тыла, которые в глаза войны не видели, а увидели жертвы войны – людей, целый народ. На полу в вагонах едва шевелились люди. Приподнявшись на руках, они просили воды: «Сув!» Не помню точно, долго ли продолжалось это оцепенение душ и тел наших. Но как-то внезапно из груди недавно воинственно настроенных женщин и мужчин гулко вырвался не то стон, не то вздох: «О-о-о-ох!»

Люди на перроне засуетились. Кто-то куда-то побежал, кто-то вплотную подошел к вагонам и начал завязывать разговор: «Кто вы и откуда? И кто с вами так поступил? И за что? Где ваши мужчины?»

Вопросов было много, я не всё тогда понимал. Но понял основное: народ поверил «предателям» и понял, что они не виноваты. И люди, будучи сами голодные, поделились куском хлеба и водой.

Подготовил к публикации
Озенбашлы Энвер Мемет-оглу

Владимир ТОЛЬЦ

ПРИВАТИЗИРОВАННАЯ ПОБЕДА

Людей, прошедших и переживших ту действительно Великую войну, остается все меньше. Победа, завоеванная ими вместе с теми, кто не дожил до нее, – павшими на поле боя, умершими от ран, голода и непосильного труда, сгинувшими в немецком плену и советских лагерях и просто «без вести пропавшими», – эта победа по-прежнему остается, как сейчас говорят, «социально востребованной».

Но при этом давно уже оприходованной государством и приватизированной начальством.

Государство уже не то, что было. Да и нынешние начальники, чаще всего, даже не дети той войны, а внуки, не больно-то рвущиеся собирать военные воспоминания дедов.

В рассыпавшейся советской державе-победительнице (да и теперь) память о Победе 45-го использовалась (и используется) ими для вытеснения из нашей памяти множества абсолютно беспобедных военных мероприятий в самых разных концах света, от Кореи и Африки до Афганистана и Чечни, куда для «оказания братской помощи», «выполнения интернационального долга» и «наведения конституционного порядка» они бросали «ограниченные воинские контингенты» потомков победителей Великой Отечественной.

Казенно гремящая майскими воинскими парадами память о Победе 45-го помогала легитимации их власти и последующих военных авантюр, многие из которых еще долго оставались для нас тайной.

Она помогала им «консолидировать» нацию, отнюдь не единую ни в отношении своем к танковой «помощи» Чехословакии в 68-м, ни к афганской войне... Это ведь не случайно, что лирические строчки фронтовика Окуджавы

Так значит, нам нужна одна победа,

Одна на всех, мы за ценой не постоим, – давно уже распеваются всеми на мотив бодрого военного марша, а на американскую мелодию антиамериканские «белые орлы» уложили рядышком один из символов Великой войны и имя нынешнего Верховного главнокомандующего полковника:

А в чистом поле – система «ГРАД».

За нами Путин и Сталинград.

Ныне народ уже не выгнать на первомайские демонстрации (да и не нужно это теперь властям). А вот построить его в скорбном молчании у Вечного огня и памятников Неизвестному солдату – легко и политически выгодно. Как и демонстрировать по «красным датам» копеечную «заботу» о доживающих свое ветеранах и могилах павших...

Мы – в большинстве своем – не политики. У нас другие резоны. Но наше осознание политических манипуляций с памятью о Победе и людях, ее завоевавших, не может служить основанием для того, чтобы забывать о них.

Потому хотя бы, что завоеванная ими майская Победа 45-го – наша история, часть нас самих. Предать ее забвению было бы для нас коллективным духовным самоубийством.

Вечная им наша память и благодарность! Как бы не использовали ее в своих целях чиновные «приватизаторы» Великой победы...

Фото Н. Ситникова

День победы.

Владимир Тольц – историк, редактор тематических программ Радио Свобода

4 августа 1942 года. Действующая врмня

Дорогая Надя и детки! Сообщаю, что я жив и здоров. Спокойствие на нашем Южном фронте кончилось 8 июля, и вот с тех пор я не имел возможности написать вам о себе ни строчки, так как с переходом немцев в наступление на нашем Лисичанском направлении (8 июля) мы не имеем покоя ни днем, ни ночью. 12 и 13 июля мы вели бои в 60 км северо-западнее Ворошиловграда, а в ночь нв 17-е остввили красвец Ворошиловград, весь почти пылающий в огне. Дальше мы начали выходить из окружения, образовавшегося в форме бутылки, горлышко которой выходило к Ростову. При выходе из этой «бутылки» мы очень много потеряли от действия немецкой авиации, которая немилосердно бомбила нас на протяжении около 50 км. 22 июля мы подошли к Ростову, но в трех километрах от него нас встретили артиллерийско-минометный огонь противника и его бомбардировщики стаями по 20-30 самолетов. Наши войска дрогнули и побежали к переправам через р. Аксай и Дон, тут же наши понесли большие потери в людях и технике, так как эти переправы через две реки противник нещадно бомбил с воздуха. Если бы вы видели весь этот кошмар, то пришли бы в ужас. Мы отошли за Дон нв 20 км восточнее Ростова и стояли там до 27 июля, пока наше командование не отдало приказ о наступлении для занятия Аксая и Ростова, и вот 28 июля мы пошли обратно нв Ростов, но противник действиями своей многочисленной авиации встретил нас и разбил вдребезги, откуда мы бежали в беспорядке на восток. Дальше мы уже не в состоянии были оказывать ему какое-либо сопротивление и продолжали отходить все дальше и дальше, и свернули на юг, так как немцы шли по нашим пятам. И вот вчера, третьего, мы прибыли в одну из станиц на р. Кубани (Васюринская), в 30 км восточнее Краснодара. Здесь наша дивизия будет собирать свои остатки и принимать пополнение, а затем, как видно, снова бросят в бой. Мы за это время прошли около 40 км. Питались, да и сейчас питаемся в большей части фруктами и овощами, так как от своей базы снабжения мы оторвались и не знаем где она. В дороге брали у колхозов свиней и резали их для питания роты. То, что пришлось пережить за это время, описать никак нельзя. Если буду жив, приеду – расскажу.

В батальонах потери исключительно велики. Мой земляк Балобанов Михаил Михайлович из Можги пропал без вести, но его видали по ту сторону Дона. Надо думать, что он попал в другую часть, а может быть, попал под бомбежку. Сообщи об этом его жене по адресу, который я вам послал раньше. Не знаю, сумею ли я отослать вам это письмо, так как все пути в центр немцами отрезаны. Возможно, что наладят связь воздушной почтой. <...>

Командование наше стоит не на должной высоте, оно первое бросается в панику, оставляя бойцов на произвол судьбы. Относятся же они к бойцам как к скоту, не признавая их за людей, отсюда и отсутствие авторитета их среди бойцов. Даже в старой армии и тогда офицеры относились к солдатам лучше, чем сейчас эти лейтенанты относятся к красноармейцам. Да, я совсем не ожидал, чтобы именно сейчас, во время войны, наши командиры Красной Армии так похабно относились к своим бойцам.

Сегодня я просматривал свое белье и обнаружил около 50 вшей, в том числе 20 – наикрупнейшего размера. Все это результат пота, отсутствия мыла, грязи, отсутствия бани и самое главное – не разрешается купаться. Здесь стоит ужасная жара. С 16 июля не было ни капли дождя. Хлеб на полях осыпается, убирать некому. Колхозы эвакуируются. Мы все ждем открытия второго фронта, но его все нет и нет. Господи, когда же все это кончится? Неужели нам не придется свидеться?

5/IX-1941 г. Стрельба утихла, а я лежу в воде, все члены одеревенели. Решил встать, но только стал подниматься, как раздались голоса: руки вверх. Вот и поворот в жизни. Сделал преступление перед родиной. Сдался в плен. Окружили со всех сторон, кто выворачивает карманы, кто снимает звездочки.(...) Привели в палатку, дали праничных галет. Но, несмотря на голод, я кушать не мог. У палатки оказалось еще 6 человек наших. (...) Оказались здесь командир полка Кретин, раненый в бедро, и ст. политрук. Пока нас допрашивали, пленных все ведут и ведут. Потом дали покушать ржаной болтушки и чаю. Финны подходят, смотрят на нас, и каждый угощает куревом. Пленных собралось более 100. Выстроили и повели. Дорогой расстреляли политрука. Привели в деревню Семозеро.

Из записки Анатолия Ивановича Галибина, призванного из Марийской АССР, Юринского р-на, Липовского с/совета, д. Горшасино.

Письмо фронтовика. Октябрь 1942 года

Мой любимый Иосиф Виссарионович!

Вы получали и получаете тысячи телеграмм и резолюций о любви к Вам, о преданности Вам.

Иосиф Виссарионович!

Мой любимый вождь! Вы привыкли к этому. Это стало шаблоном, традицией, привычкой, обязательством.

Вы достаточно умный человек, чтобы понимать это...

Я Вам пишу это письмо не в силу традиций и обязательств.

Я Вас люблю, я люблю мою родину, я люблю мой народ, хотя за ним и много погрешностей, и я пишу не потому, что надо мной довлеют те или иные обязательства, а потому, что этого требует моя душа.

Я выходец из рабочей семьи, сам работал от чернорабочего до квалифицированного слесаря девять лет до литератора, до «короля советской драматургии», как об этом говорили многие.

Я с 1923 года комсомолец, с 1929 г. коммунист, родился в 1908 году. И имею дважды высшее образование. Хотя дело и не в образовании, а в индивидуальном развитии человека, в его индивидуальном развитии, работе над собой.

Мой дорогой вождь! Я не претендую ни на гениальность, ни на талантливость, ни на глубокомыслие. Я просто люблю мой народ, мою родину. Я понимаю законы исторического развития, я понимаю то, чего хочет и добивается моя партия большевиков.

Я участвовал в Отечественной войне с августа по октябрь 1941 года. Я был в окружении, уничтожил около 30 гитлеровцев, я, как литератор, не только участвовал, но и наблюдал, изучал все те явления, которые приходилось видеть в процессе войны и окружения и выхода из окружения.

Повторяю, Иосиф Виссарионович, что я ничего не хочу, кроме благополучия, успеха для моей партии, для родины в целях дальнейшего успешного осуществления и проведения в жизнь великой идеи марксизма-ленинизма.

Настоящее.

Привычно принято думать и считать, что «начальство», «верхи» знают больше и лучше простого рядового гражданина.

Это отчасти верно, а отчасти неправильно. Непосредственное столкновение с фактами жизни говорят разумному человеку и подсказывают ему многое, что до «верхов» не доходит, в силу традиций писать оптимистические «ура-патриотические» резолюции и постановления, вводящие иногда в заблуждение «верхи».

Наше вооружение по некоторым объектам в отношении качества превосходит германское (автоматы, артиллерия, гранаты, «катюша» Костикова).

Теоретически, исходя из высказываний Энгельса, Ленина, Ваших, наш народ должен был в начале войны, с первых ее минут, показать невиданные доселе образцы мужества, преданности, стойкости, героизма и т.п. И он показал, но не в большой массовости, а в ограниченной массовости.

Я был на передовой позиции с августа 1941 г. Я видел массу примеров героизма, но я видел и то, как целыми взводами, ротами переходили на сторону немцев, сдавались в плен с вооружением без всяких «внешних» на это причин.

Раз не было внешних, значит, были внутренние. И это заставляло меня думать о происходящем.

Да, Иосиф Виссарионович! Сознание слишком отстало от социалистической экономики, и главным образом в отношении колхозников. Рабочие не сдавались к немцам, а сдавались, переходили на сторону врага колхозники с психологией крестьян.

Я был в окружении. Два месяца я находился на оккупированной немцами территории. Я прошел десятки деревень Орловской и Тульской областей, я разговаривал с сотнями колхозников, окруженцев, неся с собой свой партийный билет и воинское удостоверение и клятву на верность Советскому Союзу. Я был не просто свидетель происходящего, а свидетель пристрастный, коммунист, любящий свою партию и родину.

И я слышал, и я видел, как мелкособственническая крестьянская душа у многих людей брала верх, ставила их против Советской власти. Они с удовольствием и поспешностью отказывались от колхозов, делили и разбирали лошадей, упряжь, инвентарь, урожай, приводили в порядок свою избу, двор, огород.

В отношении сельского хозяйства, колхозного строя на основе всего виденного, я думаю, что после войны, не во всех, но во многих районах и областях надо перейти от колхозного строя к строю сельскохозяйственных рабочих, с обязательной ликвидацией крестьянских изб как ячейки, основы, рассадника

<...> За две недели до войны нас собрали в доме комсостава на лекцию «Германия – верный друг Советского Союза». Танки поставить на консервацию, боеприпасы сдать в артсклад. Я прибежал туда в 00 часов 30 минут. В небе гудят самолеты. Настроение у всех веселое: начались маневры! Первый бомбовый удар – по складу. Второй заход – по соседнему батальону. Крики: того-то убили... Только тогда мы поняли, что это – война.

<...> Я видел в эти первые жуткие дни стреляющихся в висок, плачущих бойцов и командиров, детей, ползающих вокруг убитых и раненых матерей, брошенные санитарные части с еще живыми ранеными. В окружении, замкнутом пятью кольцами, нас беспрерывно бомбили, но мы не видели ни одного своего самолета, который сбросил бы нам весточку: что нам делать.. Питание, боеприпасы, горючее – все было уничтожено в первый день.<...>

Модест Марков, Анжеро-Судженск

частнособственнических мыслей, желаний, стремлений.

Надо будет, по моему мнению, после войны стереть с лица колхозной, точнее, с.х. земли крестьянские избы и создать, построить коллективные многоквартирные дома сельхозрабочих с оплатой по принципу за квалификацию и количество произведенной работы, как это существует на фабриках и заводах. А пока существует изба, огород, приусадебная земля, корова, свинья, овцы, козы, куры и т.д., до тех пор будет существовать мелкособственническая психология среди крестьянства, а отсюда и чаяния на возврат к прошлому, к получению земли, к созданию своего индивидуального хозяйства. А отсюда и их отношение к социализму, коммунизму.

По военным вопросам.

Основа армии – это дисциплина. И эта дисциплина начинается с приветствия, с того, как подчиненный встречается с начальником, со старшим. Пленные немцы, где бы они ни были, когда входят или вводят офицера, встают и приветствуют его. Это очень «положительный» для их дисциплины факт. Фамильярность, панибратство, извращенное понимание демократии, неправильное понимание взаимоотношений в советской армии между старшим и младшим приводили и приводят по сегодняшний день в армии к плачевным результвтам.

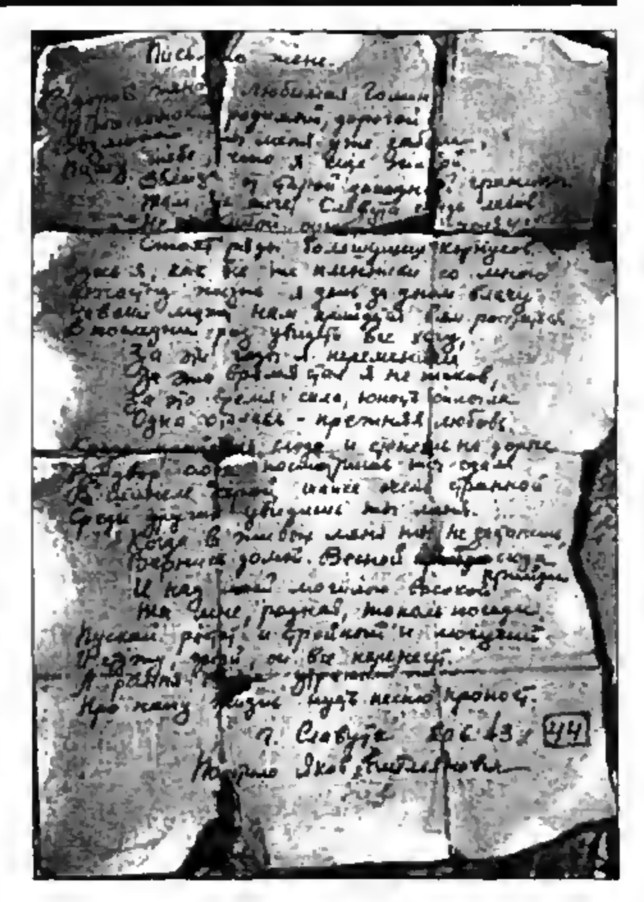
Престиж, авторитет, значение и место старших перед младшими игнорировалось и игнорируется все время. И это очень плохо. Дело в том, что мало считаются с командно-полит- и начсоставом, что не чувствуют в них старших себя, что считают всех равными, одинаковыми, равноценными. Это страшная вещь на фронте.

Командир, начальник должен иметь почти все права наказания за невыполнение его приказа сам, непосредственно. Ведь к чему приводит «демократия»? Боец не выполнил приквзания, командир не может его наказать, а передает дело в военный трибунал, а военный трибунал присуждает к 10 годам с отбытием наказания на фронте, а боец-то и находится на фронте. Так что же он теряет, чем же он наказан, как и чем отвечает за невыполнение приказа? Ничем и никак... Стоит ему убить лишних двух-трех немцев, захватить автомат или пулемет, что зачастую довольно легко удается на фронте, с него снимается приговор суда. И он даже стал героем в глазах многих. Он и приказа не выполнил командира, он и пулемет добыл!

Зачастую среди бойцов есть такой разговор: тебя ранят, наградят, ты станешь героем, а какая тебе от этого польза? Другие в тылу сидят, живут с семьями, не знают всех ужасов войны, и они в большем почете, чем ты, фронтовик, раненый, инвалид, орденоносец.

А массы? Что они получают за свое пребывание на фронте, за свои ранения, увечья, кроме ничего не дающих нашивок да знаков?

«Ура-патриот» скажет, что они получают моральное удовлетворение. Да, я, другой такой же, как я, идейный боец, получит моральное удовлетворение, которое выше всяких материальных благ, но разве нас миллионы, разве мы преобладаюшая масса армии, разве не преобладаюшая масса армии – малограмотные и зачастую далеко не столь идейные колхозники?

Любимая Галина
Одна осталась – прежняя любовь
Вернись домой.
г. Слевуга

В войне надо иметь меньше идеализма и романтики, а больше трезвости и реальности. У бойцов, младших командиров помимо идейности должна быть и какая-то материальная заинтересованность. Надо создать особенные отношения к фронтовикам.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я написал очень много. Но это потому, что я очень тороплюсь, скоро уходит поезд, который отвезет меня на фронт. Может, я оттуда не вернусь, как не возвращаются многие.

Меньше верьте, Иосиф Виссарионович, красивым резолюциям, больше старайтесь говорить с рядовыми людьми, вызывая их на откровенный разговор, это дает очень и очень много полезного для нашей родины, которую любите Вы, ее вождь, и любит простой, рядовой гражданин.

Член ВКП (б) Н. Богданов

Москва, Чернышевского 2/1, кв.5. 965 полевая почта, часть 334.

В публикации использованы материалы из ГАРО и личных архивов.

Советские военнопленные

Уличные бои в Германии.

Варшавское гетто. Евреев ведут на казнь. 1943 г.

Невольники концлагеря Бухенвальд. Автор фото – рядовой 80-й дивизии армии США Миллер (H. Miller). 16 апреля 1945 г.

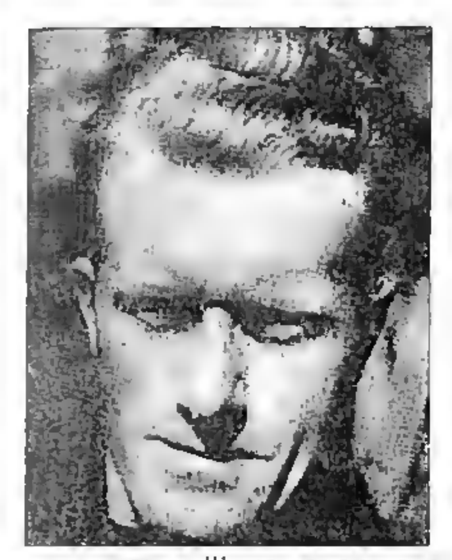
Фото Sam Gilbert

Заключенный лагеря Гузен в Австрии. 12 мая 1945 г.

Юрген БЕРТЕЛЬСМАНН

«НА ТОЙ И ДРУГОЙ СТОРОНЕ – ЛЮДИ...»

Россия глазами немецкого солдата

Юрген Бертельсманн родился 18 февраля 1913 года в семье художников Вальтера Бертельсманна и Эрны Бертельсманн-Лундбек из Ворпсведе.

Впервые интерес к рисованию и живописи пробудился в доме его родителей и в кругу их знакомых, к которым принадлежали основатели колонии художников Ворпсведе. Вальтер Бертельсманн был другом и учеником Ганса ам Энде.

Юрген Бертельсманн считал себя последователем художников круга Ворпсведе*. Но он не подражал им. Юрген активно осваивал изобилие красок и форм, окружающих его. Рисовать и писать красками было для него жизненной необходимостью. Перед ним открывались широкие возможности.

Юг мало привлекал его, северянина. Его все время тянуло на север, на побережье, в дальние края. Наверное, потому так полюбились ему просторы русского Севера.

По окончании обучения в Бремене у профессора Менца и профессора Макензена он много ездил. Женился на соученице по художественной школе.

В 1940 году Бертельсманн получил место преподавателя живописи в гимназии в Штаде, но не смог приступить к работе, так как был призван на военную службу.

В 1941 году с первыми отрядами из Дании был отправлен на Восточный фронт. Его взвод участвовал в боях под Ленинградом. В мае 1942 года он ушел с разведгруппой и не вернулся.

«Странно, что, несмотря на жестокость и суровость с обеих сторон, всегда возможны и человеческие отношения. На той и другой стороне люди тоскуют об одном и том же – праве на человеческие чувства. Лично ведь никто ничего не имеет друг против друга, каждый всей душой стремится к миру. Начинаешь понимать горе других людей, сочувствуешь им, видишь, что им тоже хочется немного радости. Посмотри на лица на моих рисунках и ты все поймешь...»

Из письма с Восточного фронта.

*Ворпсведе – объединение немецких художников-реалистов (1895–1910).

«Россия. 1941 год. Все еще идет война, безжалостная война. Мы все – только часть этой гигантской военной машины.

Повернуть колесо обратно нельзя. Однако есть еще возможность что-то самому делать и думать. До сих пор мы еще никак не можем прийти в себя. Важно было лишь одно – выжить и не попасть в плен. Нас страшат сталинские лагеря для интернированных и каторжные работы...»

1941 год.

«Стоит лютый мороз. Вчера было 38 градусов мороза, к тому же еще дул восточный ветер. Наши товарищи, вернувшиеся вчера с передовой, говорили, что там было даже больше 40 градусов мороза. Едва ли можно высунуть нос из-под шапки без риска, что он не побелеет.

В самом тяжелом положении, конечно, находятся наши пехотинцы в окопах. Что им приходится переносить – это просто невыразимо. Они нуждаются в нашем уважении, сочувствии, а потом и в нашей помощи».

12 декабря 1941 года.

«Всюду видны большие и маленькие закутанные фигуры. Почти все в валенках. Малыши в своих толстых шубах почти такие же в ширину, как и в высоту. Выглядит очень забавно, как они ковыляют...»

9 января 1942 года.

«Этот художник был освобожден немцами. Он живет здесь, в Тайцах. Мы смогли хорошо объясняться друг с другом и нашли много общего, особенно наш интерес к живописи и литературе.

Мне вдруг стало так больно при мысли о том, как я хотел бы приехать сюда, в эту страну с тобой... просто как штатский... как друг... а не как враг.

Сталина называют здесь красным царем. Им восхищаются, но его и боятся, даже его ближайшие соратники. Он ни во что не ставит ни людей, ни природу. Они для него – лишь материал для его великих планов и технических достижений.

Кто стоит на его пути или вызывает малейшее подозрение, того он приказывает немедленно устранить. Нам рассказывали, что многие в штрафных лагерях и тюрьмах даже не знают, почему они там находятся. Такие люди, естественно, приветствуют нас, как освободителей. Жаль, что население с самого начала боролось с нами, как с чужеземными захватчиками, но это вполне понятно.

Все произошло слишком быстро. Сталин никак не предполагал, что мы нападем на него. Он хотел ждать до тех пор, пока европейцы (в которых он нуждался для осуществления своих планов) не перегрызутся между собой и не обессилят. Только тогда он хотел начать наступление. В этом случае маленький полуостров Европа должен был бы, как созревший плод, упасть ему в руки. В это он твердо верил, да и сейчас, по-видимому, убежден в этом. Наверное, поэтому заманивает он нас так глубоко в свою страну».

1 февраля 1942 года.

«Трудная работа. Я едва чувствую свои пальцы, но тем не менее не бросаю рисовать, когда другие спят, а я не могу сомкнуть глаз от усталости.

Я работал даже при почти 40 градусах мороза; затем сразу же сильно натирал руки снегом и тут же засовывал их в теплые меховые перчатки, которые ты мне сшила. А затем надо было сильно хлопать по телу руками и топать ногами».

1942 год.

«Вечер закончился чудесным закатом, пламеневшим в сумерках над нашим лесом...

Россия, эти просторы и леса навсегда запечатлены в моей памяти, эти светлые, девственные леса с их пронизанной солнцем листвой и пением птиц...

Вот и настал наш черед идти на передовую. Получим ли мы приказ к выступлению уже этой ночью?.. Мы ждем...

Я думаю, что если когда-нибудь действительно наступит мир на нашей Земле, то с еще большей силой польются и заговорят неиссякаемые источники сердца и души. Так велика жажда этого...»

22 мая 1942 года.

*Редакция благодарит **Александра Осокина**, члена редакционного совета журнала «Megapolis», за предоставленный для публикации материал.*

Кенигсберг

В 1233 году Тевтонский рыцарский орден приступил к колонизации Пруссии. Создавая рыцарское государство, орден всячески заманивал на жительство немцев-колонистов. Города имели широкую независимость. Горожанам позволялось самим избирать судей, для своей безопасности создавать дружины. Всё это способствовало быстрому заселению и процветанию Пруссии.

В 1239 году немецкие рыцари сооружают замок Бальга – самый древний замок на территории нынешней Калининградской области.

1 сентября 1255 года на северном берегу реки Прегель началось строительство крепости Кенигсберг (Королевская гора). Почти одновременно с закладкой Кенигсберга образуются ряд других крепостей и немецких поселений: в 1252 году – Кранц (ныне – Зеленоградск), в 1254 году – Нёйкурен (Пионерский), в 1258 году – Лабиау (Полесск) и Раушен (Светлогорск), в 1262 году – Нёйхаузен (Гурьевск), в 1268 году – Фишхаузен (Приморск), в 1288 году – Рагнит (Неман) и Тильзит (Советск), в 1292 году – Хайнрихсвальде (Славск), в 1301 году – Хайлигенбайль (Мамоново), в 1312 году – Фридланд (Правдинск), в 1314 году – Людвигсорт (Ладушкин), в 1336 году – Инстербург (Черняховск) и Прейсиш-Эйлау (Багратионовск).

В начале XIV века завершилось формирование городов рядом с крепостью Кенигсберг. В 1339 году Альтштадт первым вошёл в торговый союз северных городов Ганза. Потом членами союза стали Кнайпхоф и Лёбенихт.

При магистре Винрихе фон Книпроде в 1351 году Кенигсберг установил торговые отношения с Англией. В 1390 году Кенигсберг налаживает торговлю со скандинавскими странами и Голландией. Пруссия вывозит за рубеж древесину, смолу, хмель, сало, копчёности, янтарь и соль. В большом количестве поставляют шкуры животных – оленя, косули, медведя и товары русского производства.

Особая страница истории Кенигсберга – создание университета. В 1542 году был заложен первый камень будущей «Альбертины», а в 1544 году состоялось торжественное открытие Кенигсбергского университета. Первый набор студентов насчитывал 318 человек. Преподавание велось на немецком, польском языках и на латыни.

К 1618 году Пруссия всё ещё находилась в составе Польши, хотя уже стала центром торговли в Прибалтике. Бурное её развитие приостановила начавшаяся в 1618 году Тридцатилетняя война. В 1626 году шведский король Густав Адольф практически без боя захватил всю прибрежную часть Восточной Пруссии. Кенигсберг он пощадил, но потребовал от городских властей немедленно заняться модернизацией укреплений Кенигсберга. В результате этого за несколько десятков лет было построено пятнадцатикилометровое городское кольцо укреплений, состоявшее из 26 бастионов, 8 полубастионов и восьми главных ворот.

В 1657 году было создано Бранденбургско-Прусское государство. Столицей его стал Берлин. В этом же году была сооружена крепость Фридрихсбург для надёжного прикрытия Кенигсберга со стороны залива. В 1701 году сын Фридриха-Вильгельма – Фридрих объявляет себя королём Пруссии Фридрихом Первым.

В 1724 году три города – Альтштадт, Кнайпхоф и Лёбенихт объединяются в один – Кенигсберг. Первым его бургомистром стал доктор юридических наук Захарис Хессе – преподаватель «Альбертины». В этом же году родился великий философ Иммануил Кант – гордость всех немцев и Кенигсберга.

С 1756 по 1763 год Пруссия ввязалась в Семилетнюю войну, в которой участвовали также Англия, Россия, Австрия и Франция. Это была борьба за колонии и господство на море. В 1758 году в Кенигсберг вошли русские войска, которые пробыли там до 1762 года, когда русский царь Пётр III заключил мир с Пруссией.

В начале XIX века, когда во главе Франции оказался Наполеон, Восточная Пруссия стала ареной сражений и объектом дележа. Это было не лучшее время и для Кенигсберга, хотя в первой половине XIX века здесь произошёл ряд знаменательных событий. В 1807 году согласно эдикту короля отменялась личная зависимость крестьян от помещиков, отменялись привилегии дворян по владению землёй. Все граждане получали право продавать и покупать землю. В 1808 году была проведена городская реформа. Все важнейшие городские дела передавались в руки выборных органов. Создавалась городская дума и магистрат. В 1830 году в Кенигсберге появился первый водопровод. В 1850 году прусский король Ф. Вильгельм IV ввёл первую в истории Пруссии конституцию.

Главное событие в истории Германии и Кенигсберга в XIX веке – объединение. Это событие связано с двумя людьми: Отто фон Бисмарком и немецким королём Вильгельмом I, который 18 января 1871 года становится первым императором единой Германии.

К концу XIX века на расстоянии пяти-семи километров от Кенигсберга сооружается оборонительное кольцо укреплений, состоящих из 12 фортов, трёх полуфортов и вспомогательных сооружений. Таким образом, Кенигсберг стал одной из самых больших крепостей Германии.

В начале XX века Пруссия делилась на Восточную и Западную, которые делились на области и уезды. К 1940 году Восточная Пруссия делилась на 4 округа с населением в Кенигсбергском около 1 миллиона 50 тысяч человек.

Кенигсбергский замок, восточная сторона, конец 19в.

Вид на здания университета и университетский (театральный) сквер, конец 19в.

Кенигсберг с птичьего полета.

Портовый Кенигсберг.

В годы 1-й мировой войны Восточная Пруссия стала театром военных действий. Эту войну, как известно, Германия проиграла.

В 1920 году открылась первая Восточно-Прусская ярмарка, ее павильоны были выдающимся техническим сооружением того времени. В 1930 году началось движение с главного железнодорожного вокзала. За 34 года до этого был открыт знаменитый Кенигсбергский зоопарк. В нем было тогда около 900 животных.

Примечательна история так называемого Данцигского (Польского) коридора – полосы территории, возвращённой Польше после 1-й мировой войны. Коридор отделял Восточную Пруссию и «Вольный город Данциг» (Гданьск) от остальной части Германии. В 1933 году правительство Германии заявило о своих притязаниях на коридор. В 1938 оно потребовало присоединить к Восточной Пруссии район «Вольного города Данцига», находившийся под контролем Лиги Наций, и разрешить Германии постройку экстерриториальных магистралей через коридор. Польша отказалась, что явилось одним из предлогов нападения Германии на Польшу.

В 1939 году гитлеровская Германия и Советский Союз, подписавшие секретные протоколы к пакту Молотов-Риббентроп (о разделе будущих оккупированных территорий Польши и стран Балтии), напали на Польшу, развязав тем самым Вторую мировую войну. А уже в июле 1941 года советская авиация совершила первый налет на Кенигсберг.

Самыми разрушительными для города были дни в апреле 1945 года. В результате боев в Кенигсберге осталось приблизительно 7-9% сооружений. 9 апреля немецкий генерал Ляш подписал ультиматум о безоговорочной капитуляции. После окончания войны советские оккупационные власти провели депортацию немецкого населения, на территории Восточной Пруссии был создан особый военный округ. В Кенигсберге было образовано 8 военных комендатур.

7 апреля 1946 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об образовании Кенигсбергской области в составе РСФСР. 4 июля 1946 Кенигсберг был переименован в Калининград. Но это уже история другого города.

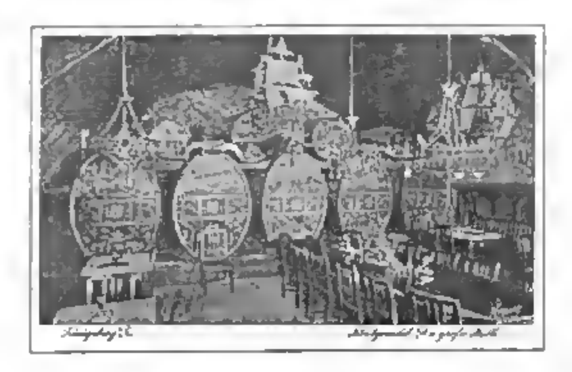
Использованная литература:
История Кенигсберга. Спб. 1992.
История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945. Т. 5. – М., 1963.
Enet.ru

Полицейское управление (ныне здание ФСБ на улице Генделя).

1-й ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ

ЛИТОВСКАЯ ССР

ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР" (с 26.1) часть сил 6 ВФ

ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР" (до 26.1) часть сил 6 ВФ

3-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Восточно-Прусская операция в ходе Второй мировой войны 1939–1945 годов – наступление в Восточной Пруссии 13 января – 25 апреля 1945 г. 2-го Белорусского (маршал К.К. Рокоссовский), 3-го Белорусского (генерал И.Д. Черняховский, затем маршал А.М. Василевский), а также части сил 1-го Прибалтийского (генерал И.Х. Баграмян) фронтов против группы армий «Север» (генерал-полковник Рендулич).

Советское наступление велось по двум направлениям: через Гумбиннен на Кенигсберг и из района Нарева в сторону Балтийского моря. В отличие от Висло-Одерской операции продвижение Красной Армии в Восточной Пруссии шло медленно. Бои за «колыбель прусского милитаризма» отличались большим упорством и ожесточением. Здесь немцы создали глубокоэшелонированную оборону, включавшую 7 оборонительных рубежей и 6 укрепленных районов. Кроме того, густой туман, характерный для этих мест в данное время года, затруднял успешное применение авиации и артиллерии.

26 января войска 2-го Белорусского фронта, выйдя севернее Эльбинга к балтийскому побережью, отсекли значительную часть группы армий «Север» от основных немецких сил на западе. Отразив настойчивые попытки немцев восстановить прибрежный коридор, Красная Армия приступила к расчленению и ликвидации отрезанных в Восточной Пруссии немецких войск. Эта задача возлагалась на 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронты. К началу февраля Восточно-Прусская группировка немцев была рассечена на три части. Наиболее крупная находилась в районе Хейльсберга (к югу от Кенигсберга). Другая оказалась зажатой в самом Кенигсберге. Третья оборонялась на Земландском полуострове (западнее Кенигсберга).

10 февраля к югу от Кенигсберга началась ликвидация 19 хейльсбергских дивизий. Бои в этом насыщенном оборонительными сооружениями районе приняли жестокий и затяжной характер. Система фортификаций Восточной Пруссии имела невероятную плотность бетонных сооружений – до 10-12 дотов на квадратный километр. В зимне-весеннем Хейльсбергском сражении практически отсутствовал маневр. Немцы, которым некуда было отступать, дрались до конца. Армию активно поддерживало местное население. Ополченцы составляли четвертую часть от общего состава оборонявших данный регион войск. Фронтальные кровопролитные бои длились полтора месяца. В них погиб командующий 3-м Белорусским фронтом генерал Черняховский. Наконец 29 марта остатки отчаянно дравшихся в Хейльсбергском котле немецких войск не выдержали натиска и капитулировали. В ходе этих сражений

Соотношение сил по разным источникам

	Советские войска	Немецкие войска
Личный состав, тыс. чел	1669	780*
Орудия и минометы	25426	8200
Танки	3859	700
Самолеты	3097	775

* Из них 200 тыс. чел. из отрядов местного ополчения (фольксштурмистов)

	Красная Армия	Вермахт	Соотношение
Состав войсковых групп	2 Белорусский Ф. м. Рокоссовский, 3 Белорусский Ф. г. а. Черняховский*, 1 Прибалтийский флот, адм. Трибуц 15 А; 1 ТА, 5 тк, 2 А	ГА Центр, г.-п. Рейнгардт** 2-я, 4-я ПА, 3-я ТА, 6-я ВФ 35 пд, 4 тд, 4 мд; 1 бр	
Личный состав	1.670.000	580.000 +200.000 фольксштурм	2,1:1
Орудия и минометы	25 426	8 200	3,1:1
Танки и САУ	3.900	700	5,6:1
Самолеты	3 100	775	4:1
Боеприпасы	620 млн патронов 2,2 млн ручных гранат 13,3 млн снарядов и мин		

* - после гибели г. а. Черняховского в командование Фронтом вступил м. Василевский

** - с 26 января ГА Север, г.-п. Рендулич

немцы потеряли 220 тыс. чел. убитыми и 60 тыс. пленными.

После разгрома Хейльсбергской группировки части Красной Армии начали стягиваться к Кенигсбергу, штурм которого начался 6 апреля. 9 апреля его защитники выбросили белый флаг. Спустя 4 дня после взятия Кенигсберга советские войска приступили к ликвидации 65-тысячной немецкой группировки на Земландском полуострове. К 25 апреля они овладели Земландским полуостровом и морским портом Пиллау. Остатки германских частей (22 тыс. чел.) отступили на косу Фрише-Нерунг и сдались там после капитуляции Германии.

Битва за Восточную Пруссию стала самым кровавым сражением кампании 1945 г. Потери Красной Армии в этой операции превысили 580 тыс. чел. (из них 127 тыс. убитыми). Потери немцев только в Хейльсбергском котле, Кенигсберге и на Земландском полуострове составили около 500 тыс. чел. (из них примерно 300 тыс. убитыми). Очень крупным был урон Красной Армии в технике. По танкам и САУ (3525) и самолетам (1450) он превзошел другие операции кампании 1945 г. После окончания Второй мировой войны по решению Потсдамской конференции (1945 г.) северная часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом вошла в состав СССР (южная часть отошла Польше).

Источники:

1) История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 10. – М., 1979. – С. 92.

2) Шефов Н.А. Битвы России. – М., 2002.

3) История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945: В 6 т. Т 5. – М., 1963.

4) Василевский А. М. Дело всей жизни Изд. 2-е. – М., 1975.

5) Штурм Кенигсберга. Изд. 3-е. – Калининград, 1973.

6) Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. – М., 1970.

7) Хронос [Электронный ресурс]. Руководитель проекта – Румянцев В.Б. (http://www.hrono.org)

8) Василевский А. М. Восточно-Прусская операция. // Военно-исторический журнал. – 1969. – №3.

Фото: А. Б. Капустянский

«На Берлин!»

Энтони БИВОР

ОГОНЬ И МЕЧ И «ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ»

Когда войска генерала Черняховского 13 января начали наступление на Восточную Пруссию, политработники фронта подготовили лозунг: «Солдаты, помните, что вы вступаете в логово фашистского зверя!»

Поначалу наступление развивалось не так, как ожидалось. Командующий немецкой 3-й танковой армией, получив разведывательную информацию, в самый последний момент сумел отвести свои войска с переднего края. Это привело к тому, что мощная артиллерийская подготовка прошла впустую. Затем германские части произвели ряд достаточно успешных контратак. Дальнейшие события показали, что прорыв обороны противника в районе Инстербурга обошелся советским войскам весьма дорогой ценой.

Необходимо отметить, что Черняховский был одним из самых решительных и интеллигентных советских военачальников. Вскоре ему представилась хорошая возможность исправить положение. Поскольку на его правом фланге 39-я армия добилась наибольшего успеха, он приказал перебросить на это направление 11-ю гвардейскую армию. Результатом неожиданного удара в промежутке между реками Прегель и Неман стала паника среди подразделений «фольксштурма». Удар был поддержан частями 43-й армии из района Тильзита. Положение в германском тылу становилось все хуже. Хаос усиливался и из-за того, что чиновники нацистской партии долгое время запрещали эвакуацию населения. Уже к 24 января войска 3-го Белорусского фронта Черняховского находились на расстоянии всего одного броска от Кенигсберга – столицы Восточной Пруссии.

Черняховский, будучи искусным военачальником, считал возможным игнорировать, когда это было необходимо, инструкции со стороны Ставки ВГК[1]. Он также не боялся действовать вразрез с устоявшимися тактическими принципами, если того требовала боевая обстановка. Василий Гроссман отмечал, что самоходные орудия сделались после форсирования Немана неотъемлемой частью наступающей пехоты[2]. Ивану Даниловичу Черняховскому было всего тридцать семь лет *(на момент описываемых событий – тридцать восемь. – Прим. ред.)* – намного меньше, чем большинству других советских командиров высшего звена. Интеллектуал по своей сути, он, переписываясь с Ильей Эренбургом, не упускал возможности процитировать кого-нибудь из поэтов-романтиков. Черняховский был соткан из противоречий[3]. Он, например, считал Сталина наглядным примером диалектического процесса и считал, что вождя невозможно понять. Все, что остается, – это просто верить в него. Черняховскому не было суждено жить при Сталине в послевоенной стране, что, возможно, стало для него не худшим исходом. Спустя некоторое время он погиб в бою, сохранив нетронутой свою непоколебимую веру в вождя государства.

Писатель Илья Эренбург между тем гипнотизировал читателей газеты «Красная звезда» своими лозунгами, призывавшими отомстить Германии. Надо сказать, что эти лозунги нашли громадное число сторонников среди солдат-фронтовиков. Геббельс относился с крайним раздражением и гневом к деятельности этого «еврея Ильи Эренбурга, любимого сталинского вожака для всякого сброда»[4]. Министр пропаганды «третьего рейха» обвинял Эренбурга в подстрекательстве к насилию над немецкими женщинами. И действительно, западные историки часто ставили этого писателя в один ряд с нацистскими пропагандистами, поскольку Эренбург никогда не гнушался использовать в своих выступлениях самые кровожадные слова. Его обвиняли в том, что он буквально понуждал советских солдат относиться к немецким женщинам как к «законному трофею» и ломать их расовую гордость. Отвечая на обвинения Геббельса, Эренбург писал, что было время, когда нацистские главари фальсифицировали важнейшие государственные документы, теперь же они опустились до того, что стали фальсифицировать его статьи[5]. Однако утверждения Эренбурга, что солдат Красной Армии интересуют не Гретхен, а лишь те фрицы, которые оскорбляли советских женщин, оказались весьма далеки от истины. Его публикации, характеризующие Германию как «белую ведьму», также отнюдь не способствовали гуманному отношению советских солдат к немкам да и к полькам.

Энтони Бивор, Великобритания. Один из крупнейших европейских историков Второй мировой войны, профессор.

Штурм Кенигсберга.

2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского перешел в наступление 14 января, день спустя после войск Черняховского.

Его главной задачей было отрезать Восточную Пруссию от остальной Германии, прорвавшись к морю в районе города Данциг и устья Вислы. План Ставки вызывал у Рокоссовского тревожные чувства, поскольку его армии должны были прикрывать все расширяющуюся брешь по мере продвижения фронта Черняховского к Кенигсбергу, а фронта Жукова – к западу от Вислы.

Командир немецкого корпуса на данном направлении отмечал, что наступление русских против немецкой 2-й армии началось в очень хороших для неприятеля погодных условиях[6]. Земля была покрыта лишь тонким слоем снега, а река Нарев покрылась льдом. К полудню туман рассеялся, и наземные войска русских получили массированную поддержку авиации. В первые два дня наступление развивалось не такими быстрыми темпами, как намечалось, но затем тяжелая артиллерия и реактивные установки «катюша» сделали свое дело. Эффективность артиллерийского огня была особенно большой, поскольку снаряды разрывались сразу же, как только касались корки мерзлой земли. Вскоре все пространство покрылось чернеющими воронками.

Вечером первого дня наступления командующий группой армий генерал Рейнгардт связался с Гитлером, который тогда еще находился в Адлерхорсте. Он предупредил фюрера, что, если сейчас же не отдать приказ об отходе, опасность будет угрожать уже всей Восточной Пруссии. Однако Гитлер отказался даже обсуждать этот вопрос. Более того, в три часа ночи Рейнгардт получил распоряжение о переброске корпуса СС «Великая Германия» на Вислу. Таким образом, он лишался своего единственного боеспособного резерва.

Рейнгардт оказался не единственным командующим, который был недоволен приказами собственного начальства. 20 января настала очередь и Рокоссовского получить неожиданный приказ изменить направление удара, поскольку его сосед справа, Черняховский, продвигался слишком медленно. Теперь Рокоссовскому предстояло повернуть на северо-восток и не просто отрезать Восточную Пруссию от рейха, но и продвигаться в ее внутренние районы. Рокоссовского беспокоила прежде всего все расширяющаяся брешь между его войсками и армиями маршала Жукова, устремившимися к Берлину. Но и для немцев разворот сил 2-го Белорусского фронта стал абсолютно неожиданным. Уже в ночь на 22 января части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса захватили Алленштейн, а 5-я гвардейская танковая армия стремительно продвигалась к Эльбингу, расположенному неподалеку от устья Вислы. Советские танки, которые поначалу немцы приняли за свои, ворвались в город 23 января. Однако вскоре они были вытеснены из него подоспевшими немецкими резервами. Тем не менее основные силы армии, развивая атаку в северном направлении, вскоре вышли к заливу Фришес-Хафф, завершив окружение Восточной Пруссии с востока.

Несмотря на то, что Восточную Пруссию готовили к обороне на протяжении нескольких месяцев, теперь на улицах ее городов и деревень царил полный хаос. В тыловом районе свирепствовала полевая жандармерия. Солдаты с фронта называли ее служащих «цепными псами», поскольку те носили на груди металлические бляхи, держащиеся на цепи.

Утром 13 января полевая жандармерия задержала отправку поезда на Берлин. Там находились солдаты, собиравшиеся в отпуск. Жандармы объявили, что все военнослужащие, которые принадлежат частям из имевшегося у них списка, должны немедленно выйти из вагонов и отправиться на фронт. Солдаты, затаив дыхание, слушали голос офицера. Они молили Бога, чтобы в списке не оказалось их части. Однако почти всем пришлось выйти на платформу. Тот, кто ослушался, был сразу же арестован. Молодой солдат

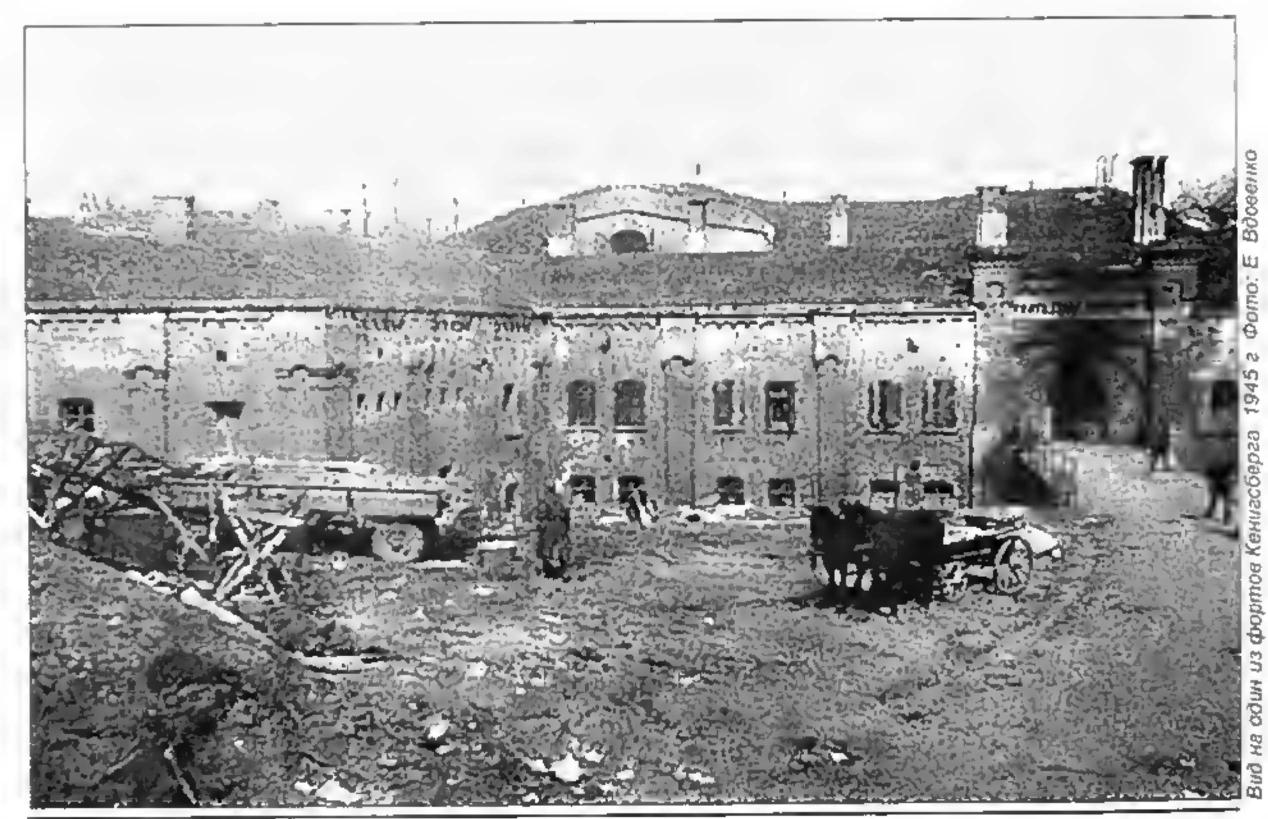
Вальтер Байер[7] оказался среди тех немногих военнослужащих, кому (по странному стечению обстоятельств) разрешили ехать дальше. Не веря своему счастью, он продолжил свой путь к Франкфурту-на-Одере, где жила его семья. Но когда солдат добрался до дома, то, к своему ужасу, обнаружил, что войска Красной Армии уже стояли у ворот города.

Основные обвинения в разразившемся хаосе были предъявлены гауляйтеру Эриху Коху, известному своим предыдущим руководством рейхскомиссариатом Украины. Кох так гордился своей жестокостью, что даже не возражал, когда его за глаза называли «вторым Сталиным»[8]. Он, как и Гитлер, и слышать не хотел о маневренной обороне и мобилизовал тысячи людей на строительство укреплений и рытье окопов. Причем он даже не посоветовался с армейским начальством, где именно возводить оборонительные рубежи. Кох стал также одним из первых нацистских чиновников, который организовал мобилизацию в фольксштурм стариков и подростков, тем самым обрекая их на верную гибель. Но хуже всего было то, что он отказался проводить эвакуацию гражданского населения.

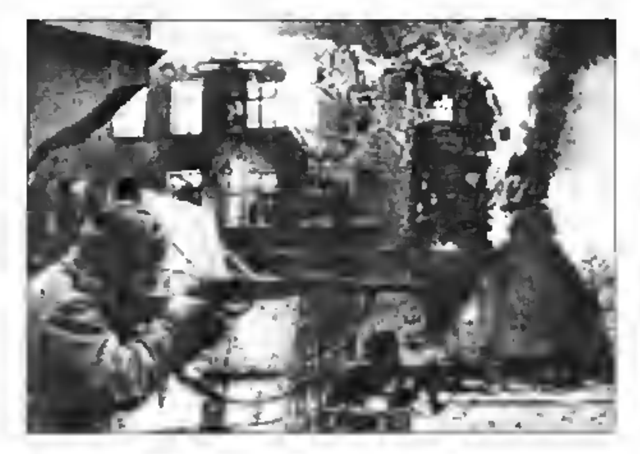
Кох и местные партийные чиновники приравнивали такую эвакуацию к пораженчеству. Тем не менее когда советское наступление все же началось, то они первыми бежали от опасности. Все последствия политики Коха обрушились теперь на женщин, детей и стариков. Люди потянулись на запад по заснеженным дорогам, когда температура воздуха упала до минус двадцати по Цельсию. Однако некоторые и вовсе не захотели никуда бежать, полагая, что хуже, чем сейчас, уже не может быть и при новых властях.

Страх людей увеличивался по мере приближения канонады. Женщины Восточной Пруссии, несомненно, слышали о жертвах Хермсдорфа. Это случилось еще прошлой осенью, когда войска Черняховского сумели захватить на непродолжительное время кусок немецкой территории. В кинотеатрах Германии потом показали страшные кадры хроники, на которых были запечатлены шестьдесят две женщины и молодые девушки, изнасилованные и убитые советскими солдатами[9]. Министерство Геббельса старалось получить как можно больше информации о подобных фактах, чтобы затем по максимуму использовать их в своей пропаганде. Собственно говоря, моральные аспекты такого рода событий Геббельса интересовали меньше всего – главное, чтобы все стали бояться прихода русских.

Драматург Захар Аграненко, воевавший в Восточной Пруссии в составе подразделения морской пехоты, писал в своем дневнике, что советские солдаты не верили, будто немецкие женщины станут добровольно вступать с ними в индивидуальные интимные контакты. Поэтому красноармейцы насиловали их коллективно – на одну женщину по девять, десять, двенадцать человек[10]. Позднее он рассказал о том, как немки сами стали предлагать себя морским пехотинцам, опасаясь за свою жизнь.

Вид на один из фортов Кенигсберга. 1945 г. Фото: Е. Вдовенко

Наступающие советские войска представляли собой довольно странный симбиоз архаики и современности. Танковые колонны «тридцатьчетверок» продвигались вперед бок о бок с казаками, к седлам которых были прикреплены мешки с награбленным барахлом. Рядом проезжали ленд-лизовские «студебекеры», «доджи» и открытые «шевроле», мощные гаубицы на гусеничном ходу. За всем этим следовали тылы – конные повозки, везущие всевозможные припасы. Характеры красноармейцев различались так же, как и их оснащение. Были солдаты, которые в каждом немецком ребенке видели будущего эсэсовца и считали, что его нужно убить еще до того, как он вырастет и вновь нападет на Россию. Но были и те, кто спасал немецких детей, заботился о них, делился пропитанием. Имелись и красноармейцы, занимавшиеся пьянством и насилием абсолютно без всякого стыда, вызывая отвращение у многих членов коммунистической партии, выходцев из интеллигенции, просто нормальных людей. Так, писатель Лев Копелев был арестован сотрудниками СМЕРШа за то, что пытался пропагандировать «буржуазный гуманизм и жалость к врагу»[11]. Кстати, Копелев также критиковал Илью Эренбурга за жестокость, присутствовавшую в его статьях.

Первоначальные темпы наступления войск Рокоссовского были настолько велики, что немецкие чиновники в Кенигсберге отправили несколько поездов с беженцами в город Алленштейн, не зная, что он уже захвачен частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для советских казаков эти поезда стали настоящим подарком, поскольку состояли из женщин и их личного имущества.

Берия и Сталин были прекрасно осведомлены о том, что происходит на захваченных советскими войсками территориях. В одном из докладов с фронта сообщалось, что многие немцы заявляют о насилиях над женщинами, оставшимися в русском тылу[12]. Приводился ряд примеров, когда жертвами становились девушки моложе восемнадцати лет или пожилые женщины. Изнасилованными могли стать даже двенадцатилетние подростки. В информации по линии НКВД из 43-й армии имелись сведения о немецких женщинах из Шпалайтена, пытавшихся совершить самоубийство. Была допрошена некая Эмма Корн, которая рассказала следующее: «Части Красной Армии вошли в город 3 февраля. Когда советские солдаты спустились в подвал, где укрывались местные жители, они направили свои автоматы на меня и еще двух женщин и приказали подняться наверх. Здесь двенадцать солдат по очереди насиловали меня. Другие солдаты насиловали еще двух женщин. Ночью в подвал спустились еще шесть пьяных солдат и

насиловали нас на глазах у других женщин. 5 февраля приходили три солдата, а 6 февраля восемь пьяных солдат, которые также насиловали и били нас». Три дня спустя эта женщина предприняла попытку убить своих детей и совершить самоубийство. Попытка не удалась. Очевидно, Эмма Корн плохо знала, как это делается.

В Красной Армии некоторые офицеры относились к служащим в ней женщинам как к своей собственности. Это стало особенно заметно после того, как сам Сталин разрешил офицерам иметь на фронте походно-полевых жен, или ППЖ. (Сокращение ППЖ стало популярным, поскольку очень напоминало сокращенное название автоматического оружия красноармейцев – ППШ.) Старшие офицеры выбирали себе любовниц из молодых девушек, служивших машинистками в штабе, связистками, медсестрами. Обычно армейские девушки носили не пилотки, как мужчины, а береты.

Большинство походных жен понимали, что у них остается мало выбора, если домогательства мужчин становились особенно настойчивыми. Молодая девушка Муся Анненкова, служившая в 19-й армии, писала своей подружке о том, что на самом деле означает на фронте мужская любовь. Она отмечала, что вначале кажется, будто мужчины относятся к тебе с нежностью, но очень трудно понять, что у них в действительности на уме. Часто они не проявляют к тебе искренних чувств, а хотят только развлечься; бывает, их любовь напоминает животную страсть. «Как это трудно, – заключала девушка, – найти здесь настоящего и верного друга»[13].

Маршал Рокоссовский издал приказ № 006, в котором говорилось о том, что чувство ненависти к врагу должно проявляться только во время боя. Приказ предусматривал наказание солдат за грабежи, кражи, насилие над местным населением, бессмысленные поджоги и разрушение зданий. Однако кажется, что этот приказ не достиг должного эффекта. Предпринимались, правда, попытки навести порядок. Ходили рассказы о том, что некий командир дивизии самолично расстрелял лейтенанта, насиловавшего вместе со своими солдатами немецкую женщину[14]. Однако в большинстве случаев начальству наводить в собственных частях порядок было очень тяжело, а среди пьяных солдат, вооруженных к тому же автоматическим оружием, – просто опасно.

Даже генерал Окороков, начальник политического управления 2-го Белорусского фронта, 6 февраля выступил против того, что он называл «отказом мстить своим врагам». В Москве же больше заботились о том, чтобы предотвратить бессмысленные разрушения, чем насилие. 9 февраля «Красная звезда» писала, что любое нарушение дисциплины только ослабляет побе-

доносную Красную Армию, месть не должна быть слепой, а злость – неразумной. Далее в газетной статье говорилось, что солдаты в слепом гневе могут разрушить то или иное производство, которое является очень ценным для Красной Армии.

Политруки на фронте пытались применить похожий подход к проблеме изнасилований. Если правильно воспитать солдат, говорилось в документах политуправления 19-й армии, то они просто не захотят иметь половые связи с немецкими женщинами. Солдаты будут испытывать к ним отвращение[15]. Однако такая софистика только осложняла дело, загоняла проблему в тупик. Даже советские женщины, находящиеся в армии, не осуждали мужчин-военнослужащих. «Поведение наших солдат в отношении немцев, особенно немецких женщин, совершенно корректное», – говорила 21-летняя девушка из разведывательного подразделения Аграненко[16]. А по словам Копелева, одна из его помощниц в политотделе даже как-то пошутила по поводу случаев изнасилования немок, что вызвало естественное раздражение у этого писателя.

Нет сомнения, что преступления, совершенные германскими войсками на оккупированной территории Советского Союза, а также специфическая политическая пропаганда способствовали тому, что по Восточной Пруссии прокатилась волна ужасных изнасилований женщин. Но месть – это только часть объяснения. Если солдаты были пьяными, то для них не имела значения национальность своей добычи. Лев Копелев вспоминал, что, будучи в Алленштейне, он вдруг услышал пронзительный крик. Затем увидел, как молодая девушка убегает от двух пьяных советских танкистов. Она кричала: «Я полька! Святая Мария, я полька!»[17]

Об изнасилованиях немецких женщин в советское время было запрещено не только писать, но и говорить. Даже сегодня ветераны войны отказываются вспоминать о таких вещах. Да, они могут признать, что слышали об этом, но затем сразу добавят, что подобные факты носили частный характер и являлись неизбежным следствием войны. И лишь немногие сейчас готовы открыто признать, что являлись свидетелями таких позорных сцен. Однако и эти люди не собираются раскаиваться. «Все они поднимали перед нами юбки и ложились на кровать», – говорил о немецких женщинах бывший комсорг танковой роты. Он даже хвастался, что «два миллиона детей рождены в Германии от советских солдат»[18].

Весьма примечательна способность ветеранов убедить самих себя, что все немецкие женщины были даже рады войти с ними в половую связь, а случаи изнасилования – неизбежный результат войны, слепой мести. Один советский майор рассказывал британскому журналисту, что советские солдаты так долго не общались с женщинами во время войны, что порой вступали в сексуальный контакт с шестидесяти-, семидесяти-, а то и восьмидесятилетними старухами.

Для этих немецких старух, продолжал майор, такие вещи были весьма удивительны, если не сказать приятны[19].

Но основным побудительным мотивом для изнасилований являлось все же пьянство. Пили всё подряд, включая различные химические препараты из лабораторий. Является фактом, что постоянное пьянство ослабляло боевые возможности Красной Армии. Ситуация стала настолько критической, что органы НКВД были вынуждены донести в Москву о массовых случаях отравления алкоголем, захваченным на оккупированной территории Германии[20]. Многие женщины, изнасилованные пьяными солдатами, оказались на всю жизнь изувеченными. Может показаться, что красноармейцам просто необходимо было напиться, чтобы изнасиловать женщину, однако порой они так напивались, что даже не могли завершить половой акт.

Разобраться в психологии советских солдат и сегодня довольно трудно. Как, например, объяснить такой факт: когда в захваченном Кенигсберге изнасилованные красноармейцами женщины стали умолять своих новых хозяев убить их, те ответили буквально следующее: «Русские солдаты не стреляют в женщин. Так поступают только немцы»[21]. Видимо, советские солдаты смогли убедить себя в том, что, поскольку они выполняют в Европе освободительную миссию, поступать с женщинами надо именно так, а не иначе.

Да, изнасилованные в Восточной Пруссии женщины были в основном жертвами мести за те преступления, которые совершили немцы на оккупированной территории СССР. Однако затем, когда первоначальный запал ярости у советских солдат несколько угас, то главной причиной унижений женщин и садистского отношения к ним стало уже нечто другое. Три месяца спустя, в период битвы за Берлин, немки являлись для красноармейцев не столько предметом ненависти, сколько объектом добычи. Солдаты продолжали унижать женщин, но это унижение было, скорее, следствием негуманного обращения советских командиров со своими подчиненными. Василий Гроссман писал в романе «Жизнь и судьба», что жестокость тоталитарной системы парализует гуманное отношение людей друг к другу на всех континентах[22].

Были, однако, и другие причины подобного поведения советских солдат. Дело в том, что в 1920-е годы вопрос о сексуальной свободе активно обсуждался внутри коммунистической партии, однако в последующее десятилетие Сталин добился того, что советские люди стали считать

себя живущими в обществе, где о сексе в принципе речи идти не может. И дело здесь не в пуританстве, а в том, что возобладала доктрина «деиндивидуализации» индивидуума[23]. Чисто человеческие устремления и эмоции были задавлены. Работы Фрейда оказались под запретом. Развод и супружеская измена вызывали серьезное неодобрение партии. Против гомосексуалистов проводились репрессии. В советской системе вообще не предусматривалось никакого сексуального образования. В живописи считалось недопустимой эротикой рисовать женщин в платье с большим вырезом на груди. Они должны были изображаться в закрытых костюмах. Режим однозначно требовал, чтобы любая форма вожделения превращалась в любовь к партии, и прежде всего к Великому Вождю.

Следствием подавления советским государством сексуальных желаний своих граждан стал так называемый «барачный эротизм»[24], который, несомненно, был более примитивным и жестоким, чем самая убогая иностранная порнография. И на все это накладывалось бесчеловечное влияние пропаганды, которая окончательно подавляла все сексуальные импульсы у людей. Таким образом, большинство советских солдат не имели необходимого сексуального образования и просто не знали, как правильно обходиться с женщиной.

Негерманское происхождение не спасало женщин от насилия, в Германии же не чувствовали себя в безопасности даже коммунисты. Долгое время они ждали своих освободителей, но, когда те пришли, просоветски настроенные немцы все равно оказались под подозрением. Улыбки на лицах встречающих Красную Армию вскоре исчезли, поскольку многих из них вызвали на допрос в управление СМЕРШа. Сотрудники этой организации ко всему относились с подозрением. Сочувствовавшим СССР они задавали поистине убийственный вопрос, который был заранее подготовлен в Москве: «А почему вы не воевали вместе с партизанами?» Тот факт, что в Германии вообще не имелось партизан, никого не волновал. Это была политическая линия, которая подпитывалась и снизу. Советские солдаты на протяжении всей войны спрашивали своих комиссаров, почему рабочий класс Германии не поднимается на борьбу против Гитлера. Но они так и не получили на него ясного ответа. Поэтому неудивительно, что, когда в середине апреля линия партии изменилась и был взят курс на то, чтобы ненависть красноармейцев распространялась только на нацистов, а не на всех немцев, многие бойцы просто не обратили на это внимания.

Пропаганда ненависти к врагу превращалась в пропаганду ненависти ко всему немецкому. «Даже деревья были нашими врагами»[25], – вспоминал красноармеец 3-го Белорусского фронта. Когда генерал Черняховский был убит шальным снарядом со стороны Кенигсберга, потрясенные советские солдаты решили похоронить его во временной могиле. Никаких цветов еще не было, и бойцы положили на гроб ветки деревьев. Неожиданно молодой солдат спрыгнул в могилу вслед за опустившимся туда гробом. Он собрал все эти ветки и выкинул их на поверхность. Это были вражеские ветки, с вражеских деревьев. Они оскверняли могилу советского героя.

После гибели Черняховского на пост командующего 3-м Белорусским фронтом был назначен по приказу Сталина бывший начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Василевский. После его прихода ситуация с дисциплиной в войсках практически не изменилась. Однажды начальник штаба Василевского стал докладывать ему о том, что солдаты ведут себя неподобающим образом – грабят имущество, бьют посуду, зеркала, мебель[26]. Офицер спросил, какие инструкции будут по этому поводу. Маршал Василевский, один из самых образованных и интеллигентных военачальников Красной Армии, какое-то время молчал, а затем ответил, что теперь настало время для наших солдат устанавливать собственные законы.

Поведение советских солдат в Восточной Пруссии стало выходить за всякие рамки. У начальства вызывало тревогу, что они не только разрушали мебель, но и поджигали дома, кото-

рые могли быть использованы для отдыха и обогрева войск. Солдаты приходили в бешенство, когда видели, что жизненный уровень немецких крестьян был намного выше, чем они могли себе представить. Это еще больше оскорбляло чувства красноармейцев, которые не могли понять, зачем богатым немцам понадобилось нападать на их Родину, грабить и разрушать ее.

В дневнике Аграненко есть запись о пожилом сапере из его части. «Как мы должны относиться к немцам, товарищ капитан? – спрашивал солдат. – Вы только подумайте, они хорошо жили, хорошо питались, имели скот, огороды, яблони. И они напали на нас. Они дошли аж до моей Воронежской области. И за это, товарищ капитан, мы должны их задушить». Спустя некоторое время сапер добавил: «Мне только жалко их детей, товарищ капитан. Хотя они и дети фрицев»[27].

Руководители советского государства, несомненно, спасая Сталина от обвинений в том, что именно он допустил трагедию 1941 года, внушили советским людям мысль о коллективной ответственности за то, что их Родина оказалась под ударом, то есть об ответственности всего народа. Очевидно, что желание искупить как бы собственную вину за эту трагедию еще больше ужесточало месть советских солдат. Но причины мести носили иногда и более приземленный характер. Дмитрий Щеглов, политрук из 3-й армии, вспоминал, что у красноармейцев вызывало отвращение количество вещей и продуктов, которые они видели в немецких подвалах и кладовых. Им был противен сам стиль жизни немцев. Щеглов писал, что ему нравилось разбивать вдребезги все эти банки и бутылки[28]. Советские солдаты могли видеть электрические провода почти на каждом германском доме. Выходило так, что СССР не являлся таким уж раем для рабочих и крестьян, как утверждала советская пропаганда. Поэтому восприятие Восточной Пруссии в умах красноармейцев было совсем неоднозначным. В нем смешались изумление, ревность, восхищение и злость. Все это, в свою очередь, тревожило политических руководителей армии[29].

Опасения политических управлений и отделов подтверждались сообщениями органов НКВД, которые проверяли солдатские письма. Цензоры подчеркивали негативные моменты синим карандашом, а позитивные – красным. Цензура усилила проверку писем, отправлявшихся с фронта, надеясь тем самым контролировать солдатские рассказы о жизни обычных немцев и связанные с этим политически неправильные выводы[30]. Сотрудники НКВД ужаснулись, когда обнаружили, что солдаты посылают домой не только письма, но и открытки. На некоторых из них были даже антисоветские лозунги, взятые из речей Гитлера[31]. Все «неправильные» слова и выражения, естественно, вычищались из текста.

Немецкие беженцы пытаются покинуть Пруссию

Полагая, что они вошли в жилище германских баронов, красноармейцы били там чайники, зеркала, часы, даже не подозревая, что находятся в доме обычного немца из среднего класса. Женщина-военврач писала домой с фронта под Кенигсбергом, что просто невозможно себе представить, сколько ценных вещей было разбито советскими солдатами и как много хороших домов сожжено. Но в то же время она считала, что солдаты правы, поскольку они не могут взять все это с собой. И когда солдат бьет зеркало величиной со стену, он начинает чувствовать себя лучше, как физически, так и морально[32].

На улицах немецких деревень разыгралась метель из пуха от вспоротых подушек и матрасов. Выходцы из советской Средней Азии множество бытовых вещей видели в первый раз в своей жизни. У красноармейцев вызывали изумление даже зубочистки. Офицеры же, по воспоминаниям Аграненко, курили трофейные сигары, затягиваясь ими все равно как дымом махорки, набитой в скрученную газетную бумагу[33].

Какой-нибудь предмет, захваченный в качестве добычи, мог через несколько минут быть

выброшенным и растоптанным. Никто не хотел оставлять что-нибудь для «штабных крыс» и особенно для «тыловых крыс». Солженицын описывал шумный рынок, где солдаты примеряли на себя женские панталоны[34]. Некоторые красноармейцы надевали под свое обмундирование так много тряпья, что им тяжело было передвигаться. Странный вид имели советские танки, на броне которых экипажи закрепляли награбленное барахло. Вещи, привязанные к лафетам, порой затрудняли разворот орудийного ствола. Подвоз боеприпасов для артиллерии также осложнился, поскольку шоферы везли на грузовиках, кроме снарядов, еще и добытые трофеи. Офицеры в изумлении качали головами, видя, как их подчиненные складывали в ежемесячные посылки домой шикарные вечерние костюмы. Лев Копелев крайне отрицательно относился к решению советского командования позволить солдатам отсылать домой посылки весом до пяти килограммов[35]. Фактически это стало косвенным одобрением грабежей. Кстати говоря, офицерам разрешалось отсылать домой посылки в два раза тяжелее. Для армейских генералов и офицеров СМЕРШа какой-либо лимит вряд ли существовал, а их подчиненные сами приносили им не самое худшее из награбленного. Даже Копелев послал своему начальнику, генералу Окорокову, охотничье ружье и гравюру Дюрера.

На фронт в Восточной Пруссии была послана группа просоветски настроенных немецких офицеров, ранее захваченных в плен. Они были поражены увиденным здесь. Граф фон Айнзидель, заместитель руководителя подконтрольного НКВД Национального комитета «Свободная Германия», по возвращении с фронта рассказывал своему товарищу, что русские абсолютно не умеют употреблять спиртное. Они насилуют женщин, напиваются до потери сознания и поджигают дома. Эти слова, кстати, немедленно передали Берии. Даже Илья Эренбург, пламенный пропагандист, был шокирован происходящим. Однако его впечатления никак не отразились на содержании публикуемых им газетных статей[36].

Красноармейцы никогда не наедались досыта в течение предыдущих военных лет. Большую часть времени, проведенного на фронте, они ощущали чувство голода. Если бы не ленд-лизовская тушенка и зерно из Америки, то многие солдаты были бы близки к голодной смерти. Они оказались просто вынуждены добывать себе пропитание среди местного населения, хотя конфискация продовольствия никогда не возводилась в Красной Армии в ранг официальной политики, как в войсках вермахта. В Польше советские солдаты воровали посевное зерно и забивали на мясо немногих оставленных немцами домашних животных. В Литве они вскрывали ульи и доставали

Немецкие пленные из «Гитлерюгенд».

Пленные немецкие фольксштурмовцы (ополченцы).

оттуда мед: осенью 1944 года лица и руки многих военнослужащих были покрыты пчелиными укусами. Но хорошо ухоженные и богатые фермы Восточной Пруссии представлялись солдатам чем-то совсем уж запредельным. Коровы с разбухшим выменем мычали от боли. Их хозяева в страхе бежали, оставив скотину на произвол судьбы. Красноармейцы убивали коров выстрелом из винтовки или автомата и прямо на месте разводили костер и жарили мясо. Солдаты писали с фронта, что немцы бежали в сильной спешке, оставив все свое хозяйство нетронутым[37]. Теперь красноармейцы имели все – и свинину, и сахар, и любое другое продовольствие. Один из них писал: у солдат стало так много еды, что они уже не хотят есть все подряд.

Хотя советские руководители были хорошо осведомлены об ужасных эксцессах, творящихся в Восточной Пруссии, они все же были раздосадованы, почти оскорблены тем фактом, что большинство немцев бежало от советских войск. Города и деревни остались фактически безлюдными. Представитель НКВД во 2-м Белорусском фронте доносил Г.Ф. Александрову, отвечавшему за идеологию в Центральном Комитете партии, что в тылу советских войск осталось очень мало немцев, многие населенные пункты совершенно опустели[38]. Он называл деревни, где насчитывалось всего с полдюжины крестьян, и города с пятнадцатью жителями. Почти всем оставшимся было уже за сорок пять лет. «Ярость благородная» вырвалась из-под контроля и стала причиной невиданной в истории паники среди населения. С 12 января до середины февраля 1945 года почти восемь с половиной миллионов немцев покинули свои насиженные места в восточных провинциях рейха.

Некоторые жители Восточной Пруссии, особенно члены фольксштурма и беззащитные женщины, пытались укрыться в лесах, чтобы ярость красноармейцев не обрушилась на их головы. Основная масса бежала в тыл незадолго до прихода Красной Армии. Многие оставляли на домах сообщения для родных. Дмитрий Щеглов обнаружил на одной из дверей следующую надпись мелом, выведенную детской рукой: «Дорогой папа! Мы уезжаем на повозке в Альт-П. А оттуда пароходом в рейх»[39]. Вряд ли кто-либо из них вновь увидел свой родной дом. Происходило тотальное разрушение всего региона с его неповторимыми культурой и характером, этого форпоста Германии на границе славянских народов. К тому времени Сталин уже планировал отрезать северную часть Восточной Пруссии вместе с Кенигсбергом

Группа Героев Советского Союза 5-й армии, удостоенных этого звания за бои в Восточной Пруссии.

и сделать ее частью Советского Союза. Остальная территория могла быть отдана союзной Польше как частичная компенсация за аннексию ее восточных земель – Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году. Сама Восточная Пруссия как единый регион должна была исчезнуть с географической карты Европы.

Когда 5-я гвардейская танковая армия 2-го Белорусского фронта Рокоссовского вышла к заливу Фришес-Хафф, для эвакуации в рейх осталась единственная возможность – морской транспорт: на корабле из порта Пиллау. Правда, еще некоторое время пролив, отделяющий Земландский полуостров от косы Фрише-Нерунг[40] и выводящий в район Данцига, можно было пересечь по льду. Пожалуй, самыми несчастными оказались те немцы, которые бежали в Кенигсберг. Он в скором времени был окружен с двух сторон и отрезан от Земландского полуострова со спасительным портом. Нацистские чиновники практически не подготовились к эвакуации столицы Восточной Пруссии, и прошло достаточно большое количество времени, прежде чем первый транспортный корабль показался на рейде Пиллау. Между тем осада столицы Восточной Пруссии стала одной из самых ужасных страниц в истории войны.

Для счастливчиков, которым все же удалось добраться до песчаной косы Фрише-Нерунг, единственным путем спасения оставалась дорога на запад, но она была занята немецкой военной техникой. Германские офицеры сгоняли беженцев с твердого покрытия, и тем приходилось оставлять свои повозки и двигаться дальше пешком по прибрежным дюнам. Многие немцы так никогда и не добрались до косы Фрише-Нерунг. Советские танковые колонны догоняли их в пути и уничтожали пулеметным огнем. 19 января советские танки перехватили конвой с беженцами и перебили людей, ехавших на машинах и повозках[41].

Хотя в Восточной Пруссии и не имелось наиболее ужасных концентрационных лагерей, но и здесь органы НКВД, обследовавшие местность, наткнулись на следы нацистских преступлений. В лесу, неподалеку от деревни Куменнен, были найдены тела ста человек в гражданской одежде, которые, вероятно, стали жертвами «марша смерти» заключенных. Когда войска Красной Армии начали приближаться, Гиммлер приказал эвакуировать концентрационные лагеря. Большинство погибших являлись женщинами в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет[42]. Согласно отчету НКВД, на их одежде оказались нашиты номера и шестиконечные звезды. Многие были в деревянных башмаках и несли с собой кружки и ложки. В карманах некоторых женщин обнаружилась незатейливая еда – в основном небольшие клубни картошки и зерно. Специальная комиссия, расследовавшая это преступление, пришла к заключению, что женщин расстреливали с близкого расстояния, вероятно, потому, что они уже не могли больше двигаться и падали от истощения. Показательно, что советские официальные представители идентифицировали их не как евреев, несмотря на нашитые шестиконечные звезды, а

как граждан СССР, Франции и Румынии. Нацисты убили во время войны порядка полутора миллионов советских евреев[43]. Убили только потому, что те были евреями. Однако Сталин хотел сфокусировать внимание общественности на том, что эти люди страдали и погибли именно за свою Родину.

Примечания

[1] Ehrenburg Ilya The War 1941–1945. – New York, 1964. – P. 100
[2] РГАЛИ. – Ф. 1710. – Оп. 3. – Д. 47
[3] Ehrenburg Ilya The War 1941–1945. – New York, 1964. – P. 100
[4] Staatsarchiv Berlin BA-B R55/793. – P. 9.
[5] Красная звезда. – 1944. – 25 ноября
[6] National Archives at College Park, Menleno –NARG338. – D-281.
[7] Ramm Gerald. Ein unbekannter Kamerad. Deutsche Kriegsgraberstatten zwischen Oderbruch und Spree. – Woltersdorf, 1993. – P. 184.
[8] Kershaw Ian and Lewin Moshe (eds.). Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. – Cambridge, 1998. – P. 406.
[9] Donhoff Marion Grifin. Namen die keiner mehr nennt. – Munich, 1964. – P. 18
[10] Архив Аграненко // РГАЛИ. – Ф. 2217. – Оп. 2. – Д. 17. – Л. 22.
[11] Kopelev Lev. No Jail for Thought. – London, 1977. – P. 10.
[12] Ткаченко – Берии // ГАРФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 94. – Л. 87.
[13] ЦАМО. – Ф. 372. – Оп. 6570. – Д. 76 // Цит. по: Сенявская Е. 1941-1945. Фронтовое поколение. – М., 1995. – С. 99
[14] Kopelev Lev. No Jail for Thought. – London, 1977. – P. 56
15 ЦАМО. – Ф. 372. – Оп. 6570. – Д. 78. – Л. 199–203
[16] Архив Аграненко. – Л. 42.
[17] Kopelev Lev. No Jail for Thought. – London, 1977. – P. 50
[18] Беседа с Мальцевым. – 2001. – 29 октября
[19] Werth Alexander, Russia at War. – London, 1964. – P. 964
[20] РГВА. – Ф. 32925. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 58.
[21] Bark D. and Cress D. A History of West Germany. – Oxford, 1989. – P. 33.
[22] Vasily Grossman. Life and Fate. – NY, 1986. – P. 241.
[23] Kon Igor. Sex and Russian Society. – Bloomington, Indiana, 1993. – P. 23
[24] Цит. по: Kon Igor. Sex and Russian Society. – Bloomington, Indiana, 1993. – P. 26.
[25] Беседа с Коваленко. – 1999. – 21 сентября
[26] Архив Аграненко. – Л. 22
[27] Там же. – Л. 26
[28] Shcheglov Dmitry. Military Council Representative // How Wars End/Ed. by Sevruk. – P. 299
[29] См.: Soltfienitsyn A. The Gulag Archipelago. – New York, 1974. – Vol. I. – P. 125
[30] ЦАМО. – Ф. 372. – Оп. 6570. – Д. 76. – Л. 92–94
[31] Там же. – Д. 68. – Л. 12
[32] Решетникова Н. 9 февраля // Сенявская Е. Психология войны в XX веке. – М., 2000. – С. 180–181
[33] Архив Аграненко
[34] Soltfienitsyn A. The Gulag Archipelago. – New York, 1974. – Vol. I. – P. 67.
[35] Kopelev Lev. No Jail for Thought. – London, 1977. – P. 52
[36] Кривенко – Берии // Решин Леонид. "Товарищ Эренбург упрощает". Подлинная история знаменитой статьи "Правды" // Новое время. – 1994. – № 8.
[37] Сенявская Е. Психология войны в XX веке. – М., 2000. – С. 273
[38] Шикин – Александрову. – 28 января // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 125. – Д. 320. – Л. 18
[39] Shcheglov Dmitry. Military Council Representative // How Wars End/Ed. by Sevruk. – P. 289.
[40] Staatsarchiv Berlin BA-B R55/616. – P. 184.
[41] KA-FU. – El: 18. – Vol. 6
[42] ГАРФ. – Ф. 9401. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 343.
[43] Merridale Catherine. Night of Stone. – London, 2000. – P. 293

Печатается по: Бивор Энтони/Beevor Anthony. Падение Берлина. 1945 / Пер. с англ. Ю. Ф. Михайлова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 622 с.- (Военно-историческая библиотека). — Тираж 5 000 экз. /// Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. — L. Viking, 2002

1945. ПАЛАЧИ И ПРАВЕДНИКИ

Зимой 1945 года, когда советские войска двигались в направлении Кенигсберга, командование СС, заметая следы, приняло решение об уничтожении узников концлагеря Штутхоф, находившегося на прилегавшей к Восточной Пруссии территории Польши.

Заключенных из нескольких сборочных пунктов – всего около десяти тысяч польских, литовских, венгерских евреев – собрали в колонну и погнали маршем на Пальмникен (нынешнее название – поселок Янтарный, Калининградская область).

Место было выбрано не случайно – директор Кенигсбергского янтарного завода нацист Герхард Раш подсказал «быстрый и экономичный способ» решения проблемы: на берегу имеются заброшенные штольни, туда «можно загнать людей и взорвать динамит или просто засыпать входы землей, чтобы не тратиться на патроны».

На пути этого плана смерти встала неожиданная преграда в лице управляющего имениями в Пальмникене по фамилии Файербенд. Он заявил, что «не позволит сделать город второй Катынью» (!), и распорядился выдать продукты узникам, которых разместили в слесарном цехе. Их к тому времени оставалось, по разным оценкам, от пяти до семи тысяч – не все пережили несколько дней пути до Пальмникена без еды и одежды на двадцатиградусном морозе.

Продукты – кофе, картошку и хлеб – для приговоренных собирали жители города. Но вслед за этим Файербенд получил приказ командования, где его предупредили об ответственности за вмешательство по законам военного времени, и он покончил с собой...

Вечером 31 января узников вывели из слесарни и построили в колонну, которую повели вдоль берега, постепенно отрезая группы по 50 человек и под пулеметным огнем загоняя их в море...

Из 10 тысяч узников в живых осталось 12 человек. Все они были спасены жителями Пальмникена – теми самыми немцами, которые по просьбе своего управляющего носили продукты узникам.

На Аллее праведников в израильском музее катастрофы «Яд-ва-Шем», где посажены деревья в честь неевреев, спасавших евреев во время войны, есть граждане многих стран, Германии в том числе. Среди них много кенигсбергских немцев.

Одна из спасенных в 1945 году узниц Штутхофа, Гелина Малинцевич, умерла в Израиле всего несколько лет назад. До самой смерти она писала письма живущей в Германии фрау Гардер, называя ее мамой. Муж фрау Гардер умер в советском лагере для военнопленных, и его последними словами, обращенными к жене, был вопрос: «Слышала ли ты что-нибудь о нашей девочке?»

По материалам музея «Яд-ва-Шем»

Игорь ШЕВЕЛЕВ

АЛЕКСАНДР МАРИНЕСКО И «ВИЛЬГЕЛЬМ ГУСТЛОФ»

Книга Нобелевского лауреата 1999 года Гюнтера Грасса (Грасс Г. Траектория Краба: Новелла // Иностранная литература. – 2002. – №10) была литературной сенсацией не только в Германии, но и в России.

Про одного из ее героев – капитана советской подводной лодки Александра Маринеско (1913-1963) мы кое-что слышали. В советское время в печати периодически поднималась кампания «за возвращение честного имени этого подводника».

Потопивший немецкие транспортные суда, Маринеско не отличался спокойным нравом, начальству не угождал, и в результате его военные деяния не были признаны, он отсидел в ГУЛАГе, вернулся инвалидом, рано умер и только посмертно был реабилитирован и награжден, получив звание Героя Советского Союза. Несколько лет назад в Петербурге появился памятник ему.

Но речь идет в повести Грасса о Маринеско только отчасти. Как и о Вильгельме Густлофе, функционере нацистской партии, застреленном в начале 1936 года в Швейцарии Давидом Франкфуртером, сыном раввина, в знак протеста против антисемитской политики гитлеровцев. Вильгельм Густлоф был объявлен геббельсовской пропагандой мучеником, "от жидов убиенным". Его именем назвали морской лайнер, который в январе 1945 года и был потоплен торпедами с подводной лодки капитана Маринеско. Так сходятся нити повествования.

Главный герой книги, журналист, от лица которого ведется рассказ, родился в день потопления «Вильгельма Густлофа». Его беременная мать находилась среди тысяч беженцев, спасавшихся на этом корабле от наступавших в Восточной Пруссии советских войск, чьи зверства против гражданского населения вызвали там дикую панику. Женщина была одной из немногих, кому удалось спастись с потопленного судна. Когда раздались первые взрывы торпед, у нее начались родовые схватки.

Александр Маринеско

Дело в том – и русский читатель узнает это из книги Гюнтера Грасса, – что гибель «Вильгельма Густлофа» была самой крупной морской катастрофой в мировой истории. Намного превосходящей по числу жертв и "Титаник", и все остальное.

Кроме тысячи резервистов-подводников и трехсот военнообязанных девушек, на борту находилось девять тысяч беженцев. Одних детей было более четырех тысяч, большинство из которых погибло или на корабле, или в ледяной воде.

Как относиться к истории, которой мы не знали, а немцы должны забыть под тяжестью принятой на себя вины за деяния гитлеризма?

Герой книги пишет об этом, опираясь на сведения в Интернете, где разворачивается полемика между фанатом Густлофа и оппонирующим ему защитником застрелившего того Франкфуртера.

«Вильгельм Густлоф» был госпитальным судном. На снимке отчетливо виден красный крест.

Ситуация становится драматической, когда герой узнает, что в роли неонациста на сайте выступает его сын, который из рассказов пережившей кошмар родной бабушки творит новую мифологию вроде бы изжитой уже истории, о которой сам он старается не задумываться.

Договорившись о личной встрече со своим «еврейским оппонентом», таким же немецким юношей, как и он сам, сын повествователя убивает его четырьмя выстрелами в знак мести «мировому еврейству» за смерть нацистского мученика. Даром, что жертва – чистокровный немец, и еврейство – это идеологическая маска, обычная при общении в Интернете.

Как относиться ко всему этому? Отстраненная манера авторского письма, обычная для Гюнтера Грасса, не снимает вопросов, а ставит их. «Я могу назвать цифры, но они неверны. Все очень приблизительны. Впрочем, цифры мало о чем говорят. Они в принципе противоречивы. Числа со множеством нулей вообще не укладываются в голове... – пишет автор о числе жертв на затонувшем "Вильгельме Густлофе". – Без надежды на ответ можно задаться вопросом: жизнью больше или меньше, что это значит?»

То, что злодеяние творится рядом с нежеланием обывателя знать о нем, известно не только жителям окрестностей Майданека и Освенцима, но и нам.

«А не все ли вам равно, сколько погибло заложников, разве их оживишь?» – вещают на страну новые циники русского официоза о собственных согражданах. Что уж тут нам до немцев? Что нам до людей? Что нам до себя?

Однако истории свойственно возвращаться. Любое преступление, любая жертва оказывается, странным образом, на совести того, кто живет рядом, делая вид, что это его не касается. Прошлое наползает неотвратимо, и ты сам должен решать его проблемы. Быть или не быть – это вопрос к тебе и твоим близким.

«Вильгельм Густлоф»

Виталий ДОЦЕНКО

АТАКА С-13: МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

<...> Писатель В. С. Геманов в книге «Подвиг "тринадцатой": Слава и трагедия подводника А. И. Маринеско», вышедшей в 1991 г., пишет, что *«своей атакой Маринеско спас от разгрома Англию»*, а также, как и некоторые другие, утверждает, что в результате потопления лайнера и 1000 отборных асов-подводников — элиты германского флота – сорвалась морская блокада Англии. Ничего подобного! Все это домыслы авторов, слабо разбирающихся не только в вопросах стратегии, но и в истории Второй мировой войны, в частности в истории так называемой битвы за Атлантику.

По имеющимся сведениям, на борту «Вильгельма Густлофа» находилось около 1300 военнослужащих германских военно-морских сил, 173 члена экипажа лайнера, 162 раненых из местного лазарета и более 9000 беженцев. Представители флота составляли персонал второго отделения второй учебной дивизии подводных сил. Некоторые утверждают, что это в основном подводники, которыми можно было укомплектовать экипажи 100 подводных лодок.

Возможно, это и так, но качество этих экипажей вызывало сомнение. Большинство этих подводников самостоятельно в море не выходили; в лучшем случае в ходе боевой подготовки они сделали 1-2 выхода в море с инструкторами. <...>

Рост противолодочных сил и средств США и Великобритании в годы Второй мировой войны приобрел небывалый размах, союзникам удалось победить в битве за Атлантику. Весной 1943 г. в действиях немецких «волчьих стай» наступил кризис. Уничтожив в Северной Атлантике 34 транспорта, немцы потеряли 33 подводные лодки. Подводные лодки становились оружием «одного выстрела». Редко какой субмарине удавалось вернуться из боевого похода. Основными причинами их гибели стали слабая подготовка экипажей и мощная противолодочная оборона англо-американских конвоев. Как можно говорить о критическом положении Англии в 1945 г.? Уже в 1944 году проблему защиты своего судоходства англичане решили полностью. <...>

Теперь о «подводнике № 1» и «атаке века». <...> В годы Второй мировой войны в тактическом отношении были атаки и посложнее. К ним следует отнести потопление американской подводной лодкой «Арчер Фиш» в 1944 г. японского авианосца «Синано». Во-первых, это был боевой корабль, а не госпитальное судно, а во-вторых, следовал он в охранении 3 эскадренных миноносцев и являлся самым крупным кораблем, потопленным подводной лодкой. <...>

Виталий Доценко – капитан первого ранга, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории военно-морского искусства Военно-морской академии

Гейнц ШЁН

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ПЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ...

На борту «Вильгельма Густлофа» во время торпедирования лайнера подводной лодкой «С-13» под командованием капитана 3 ранга Александра Маринеско, согласно собранным мною данным, находились:

918 – офицеры, унтер-офицеры и курсанты 2-го батальона 2-й учебной дивизии подводных лодок

173 – члены гражданского экипажа (моряки торгового флота)

162 – тяжелораненые солдаты из госпиталей Данцига и Готенхафена

373 – женщины вспомогательного состава ВМС

8956 – беженцы, в большинстве своем женщины с детьми и старики из Восточной Пруссии, Данцига, Готенхафена и Западной Пруссии.

ВСЕГО: **10.582** человека.

Сопровождавший «Густлоф» эсминец «Леве» и восемь подошедших на помощь гражданских и военных кораблей спасли **1.252** человека, **13** из которых из-за сильного обморожения и истощения сил затем скончались.

Таким образом, пережили катастрофу **1239** человек, в том числе:

528 – подводники 2-го батальона 2-й учебной дивизии подводных лодок

123 – женщины вспомогательного состава ВМС

86 – тяжелораненые

83 – члены экипажа (моряки торгового флота)

419 – беженцы.

Отсюда следует, что в результате катастрофы «Вильгельма Густлофа» погибли **390** подводников и **8537** беженцев (гражданских лиц). Так как предписывалось брать на борт только матерей, у которых не менее трех детей (это указание перед отплытием уже не выполнялось), то имеются все основания полагать, что среди погибших беженцев было, по меньшей мере, **4000**, а возможно, **5000** детей.

Никогда до этого во всей мировой истории в морской катастрофе не погибало столько людей одновременно.

Перевод с немецкого

Публикуется по кн.: Heinz Schön «SOS WILHELM GUSTLOFF. Die grosste Schiffskatastrophe der Geschichte» – Hamburg, 2004.

«НИ ЯЗЫКА, НИ РОДИНЫ»

Тысячи детей из Восточной Пруссии, большей частью сироты, пробирались после окончания войны подальше от какой-либо цивилизации.

Многие из них хотят теперь снова стать гражданами Германии.

Большинству из тех немецких сирот удалось пробраться в 1947 году в советскую оккупационную зону. О судьбах некоторых из таких детей рассказал в своем документальном фильме, снятом в 1991 году, гамбургский режиссер Эберхард Фехнер. До сего времени было неизвестно, что многие сотни этих «волчат» прожили почти 50 лет под чужими именами в советской Литве.

Тридцатисемилетний историк из Восточного Берлина Рут Кибелка, чей дед в двадцатых годах был немецким епископом в Литве, разыскал их и рассказал в своей недавно вышедшей книге об их борьбе за выживание.

Западногерманский журнал «Шпигель» разыскал в архивах дополнительные документы.

Пронзительные крики вырвали Ингрид из сна, которым она забылась. Когда одиннадцатилетняя девочка открыла глаза, ее обуял смертельный страх. В их товарном вагоне были солдаты Советской Армии – «совсем еще молодые парни», – которые буквально вышвыривали всех немецких женщин и детей с поезда. «Я сидела совсем тихо и шептала одну молитву за другой».

Ингрид повезло, русская шапка, которая была на ней, спасла девочке жизнь. Солдаты приняли ее за русскую.

Спустя несколько часов поезд прибыл в литовский город Каунас. Маленькая жительница из Кенигсберга, города Восточной Пруссии, носящего сегодня имя Калининград, выстояла. Она вырвалась из ада своей родины полной сиротой, завшивевшей, со вспухшим от голода животом, с воспалением легких и обмороженными руками.

Судьбы, подобные Ингрид Рамм, пережили многие тысячи немецких сирот, которые мыкались в послевоенной Восточной Пруссии и наконец пробились в соседнюю Литву. «Волчата» – называют они сами себя: полностью одичавшие, ведомые лишь одним инстинктом самосохранения. Сегодня в окружное управление Кельна «волчатами» подано около 140 заявлений на получение немецкого гражданства. Сколько их еще осталось в Литве, никто точно не знает. Дети, родившиеся после 1940 года, большей частью были усыновлены, часто забывали своих родителей и происхождение

Путь страданий начался для «волчат» с момента захвата Восточной Пруссии Советской Армией. Немцам с восточных границ рейха выпало первыми платить за военные преступления Гитлера.

Такова правда – солдаты страны-победительницы буквально набросились на мирное население. В течение нескольких месяцев продолжались грабежи, разбои, изнасилования.

Как и более, чем 100 000 немцев, которым не удалось убежать от наступающей Красной Армии, Ингрид со своей матерью испили эту чашу до дна. Они пытались хоть как-то обустроиться, выбирая верхние этажи полуразрушенных городских домов, «где мы могли в случае чего затащить лестницу наверх». Но всякий раз, как только они обживали развалины, они должны были уступать их русским солдатам.

В конце концов Ингрид со своей матерью перебрались в один из подвалов Кенигсберга. По колено в воде они мастерили настилы, на кото-

Фото: Der Spiegel / Kalnins

Ингрид Рамм: справа – в 1996 г., слева – со своим литовским приемным отцом в 1956 г.

рых могли бы спать, – свою «квартиру» они делили с крысами, которыми так и кишел город.

Но самое худшее их ждало впереди: голод. Сначала в развалинах еще можно было найти кое-какие запасы. Кто мог работать, а способна на это была едва ли треть немецкого населения, получал суп из муки и 400 г сырого хлеба, от которого «как огнем жгло в желудке». Остальным нужно было думать самим, как остаться в живых.

Особенно туго приходилось детям-сиротам. Еду они могли получить лишь в немногочисленных детских домах. Однако Ингрид не хотела отправляться туда, когда осенью 1945 года ее мать умерла от голода и тифа. «Многие дети болеют малярией и другими болезнями», – отмечалось во внутреннем докладе советских органов власти о приютах, половина контингента которых была инфицирована туберкулезом.

Одна из соседок взяла девочку к себе, «потому что я была очень ловкой». «Цап-царап» – умение раздобыть продукты – пользовалось спросом, а Ингрид это умела.

Это было небезопасно. Когда восьмилетняя тогда Кристель Апсель копалась вместе со своей подругой в поисках съестного в куче мусора перед казармами Советской Армии, часовой пустил очередь из автомата. Подружка Кристель умерла на месте.

Один немецкий врач укрыл Кристель вместе с ее сестрой у себя в больнице, «вверху, на чердаке». Они были там не одни. Кто не мог вести себя тихо, должен был покинуть укрытие. Кристель продержалась там три недели. Однако, когда на нее с ножом накинулась женщина с помутившимся рассудком, она закричала. Спустя несколько минут врач выставил ее за дверь.

Сталин, который после окончания войны присоединил северную часть Восточной Пруссии к Советскому Союзу, решил вытеснить оставшееся немецкое население. Вагонами посылал он летом 1946 года переселенцев с Украины и России на берега Преголи.

Многие коренные жители Восточной Пруссии потеряли работу, которая перешла к новоприбывшим, а вместе с ней и продовольственные пайки.

Местные жители питались тем, что могли найти: сначала картофельными очистками и крапивой, потом собаками. Потом не осталось и этого.

«Наша соседка постучалась в дверь нашего подвала, – вспоминает Кристель Апсель. – Когда я ее впустила, она набросилась на меня: или ты дашь мне что-нибудь поесть, или я съем тебя». Советские комендатуры регистрировали множественные факты каннибализма.

Кто еще мог, пытался спастись в Литве. Советский Союз аннексировал эту балтийскую страну еще в 1940 году, но от войны она пострадала не так сильно. С полными подводами приезжали в близлежащий Кенигсберг литовские крестьяне для обмена своих сельхозпродуктов. На обратном пути они захватывали с собой дешевую немецкую рабочую силу, охотнее всего детей.

Среди растерянных людей быстро разнесся слух, что по ту сторону Немана много еды. Поток истощенных и оборванных людей, в грязи и лохмотьях, устремился на Восток. Неделями бродяжничали группы из двух или четырех десяти-двенадцатилетних попрошаек от одного двора к другому, ночуя в стогах сена или, когда было тепло, в открытом поле. Путешествовать по одиночке было опасно, банды мародеров терроризировали страну. Взрослых маленькие попрошайки к себе не принимали: «детям подавали охотнее».

На каждой железнодорожной станции между Кенигсбергом и Каунасом слонялись немецкие дети, чтобы незаметно запрыгнуть на поезда, везшие советских солдат обратно на родину. Охрана была строгой. Кристель Апсель укрылась под деталями самолета, остальные ехали кто на подножках, кто согнувшись в тормозном отсеке, а кто на крыше. Шансы доехать живым были невелики, зима в 1946/47 году была лютой, и многие в дороге замерзали насмерть.

Наряду с холодом самым большим врагом была милиция. Дети прятались, как только замечали человека в форме. Им нельзя было говорить

Фото: Der Spiegel / Kalnins

Кристель Апсель (слева направо): с матерью и сестрой во время войны, в колхозе в 1952 г., в 1996 г.

по-немецки, и они не могли рассчитывать на помощь в больницах.

Когда Ингрид блуждала по Каунасу, ее лихорадило. Какая-то пожилая женщина пустила ее поспать в пустующей квартире. «Боже! Каждый день была картошка в мундире!» Едва оправившись от болезни, девочке пришлось отправиться по домам просить подаяние. Стучаться в двери она могла только с помощью ног, отмороженные руки отказывались служить.

По-литовски Ингрид не знала ни слова. Да это было и не нужно. Этих несчастных в Каунасе знали, на рынке их было много. Их обзывали фашистами и с криком «Eik, pagauk hitlerius!» («Фас, возьми Гитлеров!») натравливали собак. Но крестьянам были нужны прилежные рабочие руки, и не у всех было жестокое сердце.

Но часто крестьяне могли принять только одного ребенка, братьев и сестер разлучали, матери теряли своих детей.

Пятилетняя Ханнелоре Вейнтке приехала в Каунас со своей матерью. На улице Секлиу, напротив рынка, ослабевшая от голода и тифа женщина скончалась в уличной грязи под ничейной телегой. Торговка с рынка взяла завшивевшего и больного ребенка к себе домой. Но остаться там жить Ханнелоре не могла. Ее определили в детский дом и «олитовили».

Ханнелоре превратилась в Ангелу, Вейнтке – в Вайвадыте. Кроме своего имени и того, что она родом из Восточной Пруссии, все остальное маленькая девочка забыла. Ангела знала лишь, что она не такая, как другие дети. Она обращала на себя внимание тем, что постоянно крала немецкие книги и прятала их у себя под одеялом, хоть она и не могла их читать. Сверстники считали ее «Zemaite» – жительницей Западной Литвы, говорящей на своем диалекте.

Свои имена «волчата» потеряли. Кристель стала Кристианой, Ингрид – Марией, Хайнц – Иоганносом. Многих перекрестили в католиков. Давать приют немцам литовским крестьянам запрещалось под угрозой наказания, об этом напоминали листовки.

В Литве разгоралась гражданская война. В лесах партизаны сражались с могущественной Красной Армией. Немцев не жаловали ни красноармейцы, ни повстанцы. Кристель при каждой облаве прятали в шкаф.

В ее обязанности входило стеречь коров и кормить свиней. В школу крестьянин ее не пустил. «Батрачке незачем учиться». Воспитывавших ее людей она называла по-литовски «мама» и «папа», хотя относились они к ней хуже, чем к собственным детям.

Осенью 1947 года советское правительство решило переселить всех выживших немцев из Восточной Пруссии в Переднюю Померанию, сирот в том числе. Для них одних были приготовлены целые железнодорожные эшелоны. Для равновесия Сталин депортировал в Восточную Пруссию детские дома, находившиеся в его оккупационных зонах в Германии и Австрии.

Из Литвы осенью 1948 года тоже отправлялись товарные вагоны на Запад. Последний был отправлен в 1951 году. Сталин хотел избавиться от немецких беженцев. Ситуация в фильтрационных лагерях, как сообщала внутренняя литовская комиссия, была «нечеловечной, хуже некуда». Жившие в лагере были «не похожи на людей, оборванные и грязные».

О спрятавшихся детях забыли. До них доходили лишь слухи, которые пугали: «Я слышала, что немцев собирают, чтобы отправить в Германию. Но до меня доходили также слухи, что немцев собираются депортировать в Сибирь», – говорит Ингрид. Не доверяя советскому режиму, маленькая немка из Восточной Пруссии осталась у литовских крестьян.

Когда в 1948 году коммунистами была проведена принудительная коллективизация сельского хозяйства в Литве, дети должны были днем работать в колхозах, а ночью со страхом ожидать прихода гэбэшников. Лишь в 1952 году директива

Ханнелоре Вейнтке (слева) в приюте для сирот под Вильнюсом

Фото Der Spiegel / Kalnins

Ангела Вайвадыте в 1996 году

советского Министерства безопасности за номером 202 принесла облегчение: оставшиеся немцы смогли наконец стать законными советскими гражданами.

«Волчата», несмотря на это, предпочитали обманывать, когда подходил возраст обзаводиться собственными документами. В паспорте у Ингрид вымышлены все данные, начиная от места рождения и кончая именем.

Кто она на самом деле, своенравная женщина заявила властям своеобразно. В 1959 году, будучи тогда в возрасте 24 лет, она отправилась в Кенигсберг наводить справки о своем родительском доме. Спустя несколько часов она уже сидела в управлении КГБ на бывшей Ханзенской площади и рассказывала свою историю. Тайная полиция предложила сделку: ей позволят выехать в Федеративную Республику, если она подпишет обязательство о сотрудничестве с ними. Ингрид отказалась и прикрылась браком с литовцем. Она была медсестрой, ее муж – мелким номенклатурным работником.

Ее положение лучше, чем большинства из «волчат». Многие остались без образования, в деревнях. Они перебирались в Вильнюс, Каунас или Клайпеду работать на текстильных предприятиях или мясокомбинатах. Со своими крестьянскими семьями многие до сих пор поддерживают контакт. Потребность в семейном тепле больше, чем пережитые обиды...

То, что она немка, Кристель Апсель, маленькая женщина с теплыми глазами, никогда не скрывала. «Все это знали», на нее никто не доносил. Она вышла замуж за парня из соседней деревни. Когда она в 1966 году хотела сходить на концерт гастрольного коллектива из Германии, муж предостерег ее: «Подумай о детях». Советская пропаганда не бездействовала: немцев обзывали «фашистами» или «фрицами». Кристель осталась дома. Ночью ей приснилось, как мать ругает ее за это...

На следующий день через одну из коллег по работе, которая поддерживала контакты с Германией, Кристель передала письмо в международную службу розыска родственников. Спустя несколько недель ей написал ее отец, которого она считала погибшим. Свое письмо он сопроводил русским переводом. Вот уже 20 лет он разыскивал свою дочь под ее немецкой фамилией.

Увидеться им так и не довелось. Отец умер, прежде чем советские органы разрешили ему приехать к дочери. Лежа на смертном одре, он просил передать Кристель две куклы. Он обещал ей их, когда в 1941 году его отпуск подошел к концу, а она, четырехлетняя девочка, никак не хотела отпускать его обратно на фронт...

В середине шестидесятых Кристель убедилась, что она в Каунасе не единственный выходец из Восточной Пруссии. Она познакомилась с Кристель Фишер, которая называла себя Кристиной Янкаускайте; новая подруга была лишь с виду веселой...

Немецкое происхождение висело на ней тяжелым бременем. «Когда я слышала в Каунасе немецкую речь, я вся дрожала, но я не могла говорить», – признается она сегодня. Фишер стыдилась, что практически не знает своего родного языка, боялась КГБ. Даже мужу свою историю она рассказала лишь в 1960 году.

Дружба между женщинами является отдушиной для каждой из них. «Наконец появился человек, с которым я могу поговорить обо всем, пусть даже по-литовски». Они хотели вернуть свои настоящие имена, жить немцами в советской империи.

Этого же хотела бы и Ингрид. «У меня нет ни родителей, ни языка, ни родины. В таком случае я хочу иметь хотя бы свое настоящее имя и дату рождения».

Некоторые «волчата» добились своего, они получили новые паспорта. Однако в Германию смогли съездить лишь немногие. Большинству пришлось ждать 1991 года, когда распался Советский Союз и Литва стала независимым государством.

Лишь теперь многие «волчата» осмелились выйти из укрытия. Они образовали свой союз «Эдельвейс», который в одном Каунасе насчитывает более 50 членов. Они тренируются, разговаривая друг с другом на немецком языке, создали хор. На проходившем прошлым летом в Литве фестивале немецкой песни они завоевали первую премию. Полученные в качестве приза 150 марок они разделили между собой.

Они пели песни, которые еще помнит старшее поколение: «Lili Marleen» («Лили Марлен») и «Nach der Heimat mcht' ich wieder» («Хочу вернуться на родину»).

Таковой для них все еще остается Восточная Пруссия. Правда, жить там никто из них не хочет, за исключением Ханса Годау. Он вернулся назад в Кенигсберг уже в 1969 году. Все остальные предпочитают оставаться в Литве, даже если жить приходится на скудную пенсию. Кристель Апсель получает, в пересчете, около 70 марок в месяц. Но уровень жизни здесь продолжает оставаться выше, чем в расположенной западнее Восточной Пруссии, города здесь чище и... меньше русских.

Немецкий министр внутренних дел Манфред Кантер не хочет признавать «волчат» в качестве немецких граждан. Он считает, что они потеряли на это право, когда в 50-х годах попросили выдать себе советские паспорта. Но они, конечно, могут получить немецкое гражданство, говорит министр, наравне с другими иностранцами.

Кристель Фишер это не нужно. У нее уже есть немецкий паспорт, так как живущие в Германии родственники предоставили документы, доказывающие ее немецкое происхождение.

По материалам «Der Spiegel»

Перевод с немецкого: Вадим ШУБИН

Юрий КОСТЯШОВ

ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Сколько немцев оставалось в Кенигсберге?

По мере приближения Красной Армии к границам «Третьего рейха» население Восточной Пруссии чувствовало все большую неуверенность, временами переходящую в настоящую панику.

«...массы немцев-беженцев в Восточной Пруссии осаждают вокзалы, пытаясь выехать во внутренние районы Германии. Железные и шоссейные дороги забиты беженцами, число которых возрастает, несмотря на приказ германских властей, запрещающий эвакуироваться без специального разрешения. <...>

Население Восточной Пруссии начало осаждать банки и сберкассы, часть которых закрылась. Лодкам запрещено плавать по Балтийскому морю. С двигателей моторных лодок, мотоциклов и машин сняты важнейшие части. В запретной зоне удалены все дорожные указатели».

«Известия», 20 июля 1944 года.

Когда в октябре 1944 года советские войска вступили на территорию Восточной Пруссии, а затем развернули массированное наступление, эвакуация местного населения превратилась в беспорядочное бегство, причем по районам военных действий – мало кто представлял, где проходит линия фронта. Гражданское население перемешалось с отступающими частями германской армии и несло большие потери.

По свидетельству участника Восточно-Прусской операции Николая Исааковича Пашковского, во время нашего наступления «3-я Воздушная армия сбрасывала листовки для немцев с предупреждением, что будут бомбить, чтобы гражданское население шло на запад, на Земландский полуостров. Там скопилось порядочное число немцев». Однако и это укрытие оказалось весьма ненадежным.

«Всюду, на десятки километров, во всех направлениях Земландского полуострова простиралось побоище. Нагромождения бесчисленной немецкой техники – танки, самолеты, автомашины, самоходки – сожженные и разбитые, целые и изуродованные, – завалили дороги, заграждали опушки лесов. Мертво чернели развороченные укрепления и доты, закопченные дымом. Немецкая кровь, железо и бетон были смешаны с немецкой землей».

«Правда», 13 апреля 1945 года.

Надежда Алексеевна Агафонова в звании старшего лейтенанта медицинской службы принимала участие в штурме Кенигсберга. Она так вспоминает о тех днях:

– Большое впечатление произвело массовое бегство горожан Кенигсберга в первые дни апреля сорок пятого года, накануне штурма крепости, когда советское командование гуманно предоставило возможность мирным жителям покинуть ее. Люди, уже достаточно оголодавшие в городе, не имеющие никаких запасов с собой, потоками шли туда, где их никто не ждал. Окружали советские кухни, и женщины молча подталкивали своих детей, чтобы они попросили хлеба. Как правило, мы не отказывали, когда была возможность, жалели. Хотя и были примеры жестокого обращения с немцами – грабежи, часто – изнасилования. Иной раз в общем потоке голодных людей попадались повозки, груженные всяким добром, – то возвращались на родину советские люди, бывшие во время оккупации угнанными немцами. В общем, война – большая трагедия, и страшно, когда страдают невинные люди.

Для многих тысяч жителей Восточной Пруссии трагически закончились попытки эвакуироваться зимой и весной 1945 года морским путем: под бомбовыми ударами авиации союзников корабли шли на дно, под напором огромных масс народа ломался хрупкий лед на заливах, наспех сколоченные плоты не выдерживали схватки с морской стихией.

«На берегу залива Фриш Гаф открывалась страшная картина разгрома. По бурным волнам плыли немцы на плотах, на бочках, на резиновых подушках и камерах от автомобилей. Плыли, барахтались, тонули в воде полки, канцелярии, тылы, резервы. Фриш Гаф словно пожирал их».

«Правда», 15 апреля 1945 года.

Сколько же немцев из числа мирных жителей уцелело и оставалось в Кенигсберге и соседних районах в момент окончания военных действий, кем были эти люди?

– Немцев, когда мы приехали, было еще много, но в основном женщины, дети да старики, – говорит Нина Моисеевна Вавилова. Примерно так же отвечали и другие наши собеседники.

Юрий Костяшов – доктор исторических наук, Калининград.

«Справка.

По сведениям отдела регистрации и использования населения, зарегистрироаалось [немецкого] населения в количестве 23247 человек на 26.04.45 г.

Кроме того, имеется примерно незарегистрированного населения на проверках контрразведки «СМЕРШ» и пр., а также немецких граждан, проживающих в своих домах в районах г. Кенигсберга, около 40 тысяч.

Помимо этого население прибывает из освобожденных районов Восточной Пруссии (Пиллау).

Начельник отдела майор Кормилицин.

26.4.45 г.».

ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

Около половины оставшегося немецкого населения оказалось в Кенигсберге: остальные очень неравномерно распределялись по районам: от одной до двух тысяч в Шталлупененском (Нестеровском) и Дарке-менском (Озерском) районах до двадцати тысяч в Земландском (Зеленоградском) районе.

Из справки о наличии местного населения в районах Восточной Пруссии, отошедших к СССР (без Мемельского края), по состоянию на 1 сентября 1945 г.

Территория	Вся область	В т.ч. в Кенигсберге
Всего зарегистрировано	129614	68014
Из них мужчин	48946	20749
Из них женщин	80668	47265
В т. ч. детей до 17 лет	44511	16637

ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5914. Д. 13. Л. 87.

Было ли сопротивление?

Прибывшие в Восточную Пруссию переселенцы с любопытством и страхом ждали встречи с немцами. Особенно велико было напряжение в первые дни.

Дело доходило до курьезов. О таком случае рассказал житель Славска Александр Николаевич Пушкарев:

– Сначала, как приехали, боялись, не знали, что и как. У нас случай был в шестом совхозе. Муж и жена переселились, дали им дом. Тоже без дверей. Они проем завесили одеялом. Ночью слышат: вроде кто-то ходит вокруг дома. Жена вышла посмотреть. Никого. Она вокруг дома обошла. Никого не видно. А муж ждет, а ее все нет и нет. Он тогда взял топор и стал у двери. Тут кто-то одеяло отодвигает и в дом входит. Он и стукнул топором, а это его жена была. Но он, правда, не попал по голове, больше по плечу. Она жива осталась. Ну а потом, конечно, немцев перестали бояться.

«Великий Сталин учит нас не кичиться успехами, не зазнаваться, высоко держать революционную бдительность и воинскую дисциплину.' Эти указания вождя особенно относятся к нам, работникам военной комендатуры города, бывшего колыбелью реакционного пруссачества. Враг – подл и коварен. Разгромленные на поле брани гитлеровцы уходят в подполье и насаждают всякие шпионские, террористические и диверсионные группы для подрывной работы. Своевременно разоблачить и обезвредить эти группы можно только тогда, когда каждый боец и офицер военной комендатуры будет бдителен и дисциплинирован, будет с честью и достоинством выполнять возложенные на него задачи».

Из приказа военного коменданта Кенигсберга от 1 мая 1945 года.
ГАКО. Ф. 330. Оп. 1.Д. 2. Л. 3.

На вопрос о случаях сопротивления оставшихся немцев большинство переселенцев отвечало отрицательно. Хотя многие тут же вспоминали ходившие в ту пору слухи об отравителях и убийцах, – всех их называли «эсэсовцами». Одни им верили и опасались встреч с немцами: другие же считали слухи досужей выдумкой, подчеркивая дисциплинированность немцев, их уважение ко всякой власти, в том числе и к власти победителя.

«По ст[атье] 58-10 ч. 1 УК осуждены два немца. Контрреволюционная агитация их заключалась в том, что они среди немецкого населения распространяли слух о скорой войне России с Америкой и Англией, предсказывали поражение России, что это поражение будет в пользу немцам и поэтому рекомендовали уклоняться от работ в военных совхозах, где они работали».

Из справки о работе областного суда за август-декабрь 1946 года.
ГАКО. Ф. 361. Оп. 6. Д. 1. Л. 11.

Из бесед с переселенцами мы вполне определенно заключили, что организованного, массового со-

противления советским властям со стороны местного населения не было. Это не исключало, однако, отдельных случаев неповиновения, вредительства и даже преступных действий. Об этом несколько рассказов, которые показались нам наиболее достоверными (все рассказчики являлись непосредственными участниками описываемых событий).

Антонина Ивановна Резанова, тогда девятнадцатилетняя девушка, приехала в область в сентябре 1946 года вместе с матерью и двумя братьями. Ее первая встреча с немцами чуть было не закончилась трагически:

– Со станции переселенцев стали развозить на машинах. Нас определили в колхоз «Новая жизнь» – это примерно на полпути от Жилино до Каната. Там не поселок даже был, а хутора. Иногда по нескольку домов рядом стояли. Определили нас в один дом, до сих пор помню его номер – четырнадцатый. Дом был целый, в нем даже мебель сохранилась и утварь коекакая, вокруг прекрасный сад с яблонями. Но мне там не понравилось, прямо душа заболела. Говорю братьям: «Не останусь здесь, и все!» Заупрямилась. Ладно, вещи оставили, пошли в другой дом – он мне приглянулся, когда мы приехали. Там и переночевали. На утро нашли тачки и стали свои вещи перевозить. Когда возили, я на какое-то время осталась одна в этом 14-м доме. Ходила, рассматривала все кругом. Странно показалось: везде был рассыпан какой-то зеленый порошок. Зашла на кухню – вдруг слышу шаги. Обернулась, вижу старика-немца: осанистый такой, чистый, аккуратный. Я показываю ему на зелень и говорю, что, мол, это отрава. Он: «Найн, найн, фройлен. Кляйн», – нет, нет, значит, это дети набросали. Из объяснений старика я поняла, что это дом его и он хочет что-то здесь взять – оказалось, жернова. За ними он полез на сеновал. Я пошла в дом и вдруг слышу выстрел – пуля рядом со мной прожужжала. Оглянулась почти без чувств – за спиной этот немец с наганом в руках. В этот момент подошли брат Коля и Алексей Шаврин – он с нами приехал. Сильно они его били, ногами пинали – у того кровь из ушей хлынула. За ногу его в сад выволокли и там бросили. Когда через какое-то время мы вернулись, немца уже не было. А в эту же ночь он обложил хворостом свой дом, сарай, пристройки и поджег (это было в ночь с третьего на четвертое сентября). И сам сгорел. Так его силуэт и отпечатался на головешках – сами это видели.

Этот случай не озлобил Антонину Ивановну, через какое-то время наладились отношения с немецкими соседями, а потом даже появился жених-немец, с которым она познакомилась на танцах. Его имя было Йорган, но она его до сих пор называет просто Иваном: «Когда немцев стали выселять, Иван забежал ко мне, сказал, что будет добиваться в Кенигсберге русского подданства. Как их увезли в Калининград, так он и пропал. И куда он делся, я не знаю».

По рассказам переселенцев, немцы занимались вредительством в сельском хозяйстве: здесь и поджоги сена, и отравление скота, и порча сельхозмашин. Почти все вредители в рассказах переселенцев выступают в образе злых, скрытных и высокомерных стариков. Но вот что любопытно: такие преступления почти никогда не раскрывались. Да и были ли они? Во всяком случае, коллегия областного суда осуждала немцев почти исключительно по «агитационной» статье. За второе полугодие 1947 года, например, областной суд рассмотрел дела в отношении 78 немцев, из них 54 человека были осуждены.

> «К[онтр]р[еволюционная] агитация среди немецкого населения проводилась в различных формах устно и письменно, но преобладающей формой антисоветской агитации являлось распространение песен-прокламаций и стихов, которые сочинялись отдельными участниками антисоветских групп, затем размножались от руки и распространялись среди немецкого населения. <...>
>
> Обвинялись они [участники группы Элеоноры Везнер в количестве 9 человек] в том, что распевали песню антисоветского содержания под названием «Бригадная», в этой песне высмеивался бригадир рабочей бригады, немец».
>
> *Из справки председателя облсуда о судебной практике по делам о контрреволюционных преступлениях за второе полугодие 1947 года.*
>
> *ГАКО. Ф. 361. Оп. 6. Д. 1. Л. 21-22.*

Чаще всего пассивное сопротивление выражалось в отказе работать или сотрудничать с советскими властями, сообщать нужные сведения о городских и производственных объектах. Екатерина Петровна Кожевникова рассказала о дружбе с одной местной немкой:

– Она шила на всех. И чтобы взяла что-нибудь за работу – ничего не брала. «Ведь вы, – говорит, – столько настрадались, что я не сочту за труд сделать для вас что-нибудь бесплатно». А муж у нее был эсэсовец. Он при немцах обслуживал подземные коммуникации в Приморске, то есть водопровод, канализацию. Он знал все планы. Ничего не сказал! Вот настолько был вредным. Все ходил, улыбался, вежливый такой. Вот выпало из памяти, как его звали. И сколько его ни приглашали в управление – надо же ведь было коммуникации подземные восстанавливать – ничего-ничего не сказал.

В некоторых историях порой трудно понять, что стало причиной преступления: слепая ненависть к врагу или отчаяние человека, оказавшегося в невыносимых условиях. Такую историю нам рассказал Николай Васильевич Сорокин, в те годы работавший учителем в городе Гвардейске:

– У нас в школе, на подсобном хозяйстве, сторожем был немец по фамилии Найман. В то время было очень голодно, и вот стали замечать, что с огорода много чего пропадает. Вызывает Наймана директор, а директором у нас была товарищ Бенедиктова. Говорит: уволит. Найман оправдывается, что он тут ни при чем, огород просто ограбили. Огород грабили подряд три раза. И директор школы сторожа уволила. А что значит по тем временам лишиться работы – это лишиться продовольственных карточек. Найман, хотя его жена работала техничкой в школе и получала продовольствие по карточкам, принципиально отказывался есть эти продукты. От голода он стал пухнуть, совсем обессилел. И решил он отомстить. Нашел немецкий штык. В один из дней занятий в школе не было. Директор жила на первом этаже школы, он постучал к ней в дверь – ее дома не оказалось. Тогда он стал ожидать ее за дверью. Вскоре она пришла, увидела, что он стоит, и говорит ему: «Заходи, Найман, заходи». Повернулась лицом к двери, чтобы ее открыть, а он ударил ее штыком по голове. Но силенок не хватило, удар был слабый. Она повернулась к нему лицом, он ударил еще раз, уже по лицу – порезал губу. Она закричала – Найман убежал. Директора сразу направили в госпиталь, а его стали искать – и нигде не могли обнаружить. Немцы все переполошились и стали активно помогать, по своему прежнему опыту они догадывались, чем это могло обернуться для них. Поэтому они сами были заинтересованы его найти. И вот совершенно случайно нашли его в уличном туалете – им почти никто не пользовался. Найман залез внутрь и стоял там со своим штыком. Сделали петлю и достали его. На руке у него запеклась кровь, видимо, он хотел покончить с собой, но от слабости не смог этого сделать. При помощи шланга пожарной машины его отмыли. Был затем суд, ему присудили сколько-то лет. После отсидки он был депортирован в Германию.

И все-таки приведенные нами примеры относятся скорее к исключениям. Правилом были лояльность и выполнение приказов новой власти.

Из домов в подвалы и мансарды

Среди первых распоряжений, которые круто изменили привычный образ жизни коренного населения, был комплекс мер по «квартирному вопросу».

Справедливости ради надо сказать, что для многих немцев привычный образ жизни изменился еще раньше. Как уже говорилось, вместе с отступающей германской армией в путь двинулись тысячи и тысячи местных жителей. Кому-то удалось перебраться на запад, но многие, не выдержав тягот перехода, останавливались на полпути. По свидетельству очевидцев, особенно много беженцев скопилось в Зеленоградском и Багратионовском районах и, конечно, в самом Кенигсберге.

После окончания военных действий новые власти были озабочены установлением эффективного контроля над местными жителями: «В Кенигсберге их старались селить компактно. На отдельных улицах жили только немцы, например, на нынешней улице Чернышевского» (Яков Лукич Пичкуренко). Екатерина Максимовна Коркина назвала еще один район – Сад-Розенау (нынешнее Борисово), куда «немцев переселяли из своих домов практически без вещей». В поселке Поречье Правдинского района оставшихся жителей разместили в помещении склада (Екатерина Афанасьевна Букштан), в Железнодорожном – на двух улицах возле аптеки (Иван Васильевич Самара).

В Маршальском перед приездом советских переселенцев немецкое население перевели в здание будущего сельсовета. «Они не хотели уходить из своих домов, – вспоминает Николай Васильевич Купчин. – Это были в основном пожилые люди, женщины и дети-подростки. Но им сказали, что их все равно будут отправлять в Германию».

Примерно такой же была картина по всей области. Везде бывшие хозяева «уплотнялись». Не всегда это означало выселение, зачастую немецкой семье оставляли одну комнату из четырех-пяти, которыми они владели. Поэтому, несмотря на старания властей ограничить контакты советских граждан с немцами, вплоть до 1948 года жилые кварталы часто имели смешанный национальный состав. При этом наши переселенцы занимали квартиры, а немцы перемещались в подвалы, мансарды и на чердаки.

Мария Дмитриевна Машкина, живущая в Калининграде с 1946 года, рассказывает:

– Я сначала не знала, что в подвалах живут немцы. Но однажды пошла за водой и спустилась за ней в подвал по приставной лестнице. Смотрю, а там семья живет, говорят по-немецки. Я испугалась, но они приняли меня очень радушно, а пожилой мужчина-немец помог мне вынести ведро наверх.

– В подвале нашего дома на улице Гоголя тоже жила немецкая семья: старик, женщина лет сорока и три девочки школьного возраста,– говорит Мария Павловна Тетеревлева, приехавшая в Калининград в апреле 1948 года. – Но я их видела буквально несколько недель, потом они уехали. Наши соседи – армянская семья, которые и выселили немцев в подвал, – кое-что рассказывали – без злобы, совершенно равнодушно. Им казалось абсолютно естественным выгнать эту семью и так же естественно пользоваться их услугами: женщина (кажется, ее звали Марта) шила одежду, стирала белье моим соседям.

Матрена Федотовна Букреева , Мария Семеновна Фадеева и некоторые другие наши собеседники приписывают инициативу переселения немцев военным, а Елена Ивановна Неберо добавляет, что им помогали «домоуправы из числа самих немцев». Впрочем, встречались и другие объяснения, например, такие: «Они жили в подвальных помещениях потому, что там теплее и безопаснее. Окна небольшие – они русских боялись» (Мария Николаевна Токарева).

Вновь прибывшим советским переселенцам обычно говорили, что хозяева дома, в который их

поселили, бежали в Германию. Но иногда встречи все-таки случались. Анна Александровна Гуляева в 1947 году прибыла в совхоз № 73 (бывший немецкий поселок Голгарбен):

– Через два дня после нашего приезда пришла хозяйка дома и стала разговаривать со мной по-русски. Я была удивлена, почему немка так хорошо знает наш язык. Но потом она мне объяснила, что еще с Первой мировой войны они жили в России. И только в 1935 году снова уехали в Германию. Мы с ней как-то сразу нашли общий язык. Она попросила у меня порошок, который находится на чердаке. Этого красного порошка было там очень много, я не знала, для чего он. Оказывается, он был от блох и клопов. Она говорила, что в том доме, куда их поселили, очень много блох и клопов. Потом она приходила еще несколько раз и каждый раз плакала. Конечно, дом большой, новый, и ей было очень жаль расставаться с ним. Она помогала мне благоустраиваться. Вешала карнизы и шторы. Расставляла мебель, какая была. Бывшая хозяйка говорила, что на чердаке было очень много добра, но переселенцы, которые приехали раньше нас, все вынесли, потому что дома не были заперты и никем не охранялись. Брали все, что плохо лежит.

Александра Ивановна Митрофанова поселилась в пустом доме в поселке Ляптау (сейчас Муромское). К ней тоже из Зеленоградска пришла бывшая хозяйка дома:

– Милостыню просила с девочкой. Девочке примерно лет восемь-десять. Пришла и говорит: «Фрау, дас хауз – мой». Я говорю: «Я не виновата». Дала ей милостыню, они пошли. А уже было холодно. И вот, недалеко от Зеленоградска, у колхоза «Победа», хуторок был разрушенный. Они там затопили печку, у печки грелись. И замерзли...

Переселение на чердаки и в подвалы было далеко не самым худшим исходом. В первые послевоенные месяцы существовала еще одна категория немцев – бездомные: одинокие старики, беспризорные дети. Создававшиеся в спешном порядке дома престарелых и детские приемники не могли вместить всех нуждающихся.

Мария Павловна Кубарева, работавшая ответственным секретарем редакции газеты «Новое время», издававшейся на немецком языке, рассказала о таком случае:

– Однажды в кабинет к редактору вошла старая немка лет семидесяти-восьмидесяти и с плачем упала перед ним на колени. Ее подняли, успокоили. Она рассказала, что одинока и бездомна, во время бомбежки английскими самолетами улица, где она жила на берегу реки Прегель, была полностью разрушена; дочь ее погибла при пожаре. Женщина просила устроить ее в дом престарелых. Легко сказать, но где найти там место? Мне поручили отвести немку в учреждение, которое занималось этими вопросами и размещалось где-то в конце улицы Тельмана или на улице Александра Невского (уже не помню точно). Дело было зимой, на мостовой полно снегу, еле дотащила я эту женщину, поддерживая под руку, до нужного

Корецкий В Б

Корецкий В.Б.

дома. Но там не хотели ее принять из-за отсутствия мест в интернате. Пришлось мне идти за помощью в обком партии (он находился тогда на Советском проспекте). Все уладилось, немку удалось определить в дом престарелых.

Особенно трудно немцам было пережить жестокую зиму 1946-1947 годов. В это время Нина Моисеевна Вавилова работала на вагонзаводе: «Кому негде было жить – те ходили зимой на завод ночевать. Много стариков позамерзало в ту зиму. И возле моего станка я увидела немца-старика, трогаю его, проснись, мол, – а он уже окоченел. Такая была зима суровая, мороз сильный. Переводчица, фрау Люшкина, говорила: "О, рус, вы приехали и зиму привезли. У нас никогда такой не было"».

Голод гражданского населения

Еще более острой проблемой для оставшегося немецкого населения было пропитание. Легче было тем, кто сохранил свое жилье, а значит, имел и какие-то запасы. Об этом вспоминала Мария Алексеевна Скворцова из поселка Саранское: вместе с другими переселенцами она не раз находила спрятанные немецкие фляги с зерном. Но большинство немцев запасов не имело.

«Коменданту гор. Кенигсберга генерал-майору тов. Смирнову.

Все выявленное и выявляемое в городе Кенигсберге продовольствие и фураж передайте в распоряжение интендантского управлвния фронта.

Для снабжения немецкого населения используйте муку из затонувших барж, картофель, находящийся на складах города, и мясной сбой, имеющийся на холодильнике.

Начальник тыла 3 Белфронта генерал-майор и/с Рожков,

22 апреля 1945 года».

ГАКО. Ф. 330. Оп. 1.Д. 7. Л. 1.

Анатолий Адамович Поплавский из Багратионовска заметил, что «немцы часто прибивались к воинским частям: стирали, убирали – тем и кормились». «Когда войска стояли в городе, повсюду были походные кухни. Вместе с нашими солдатами питались и немцы. Когда походных кухонь не стало, положение немцев осложнилось» (Я. А. Л-ин).

В первые же недели после взятия Кенигсберга на местное население была распространена карточная система. Нормы получаемого по ним продовольствия были очень скромные, но и их отоваривать приходилось с большим трудом.

«Снабжение немецкого населения обеспечивается по линии отпуска продовольствия в централизованном порядке с НКО. Для трудоспособного немецкого населения хлеб отпускается 400 граммов. Нетрудоспособные и иждивенцы получают хлеба – 200 граммов.

Для работающих по строительству, канализации, водопроводу организовано общественное питание. Горячая пища выдается один раз в день. В данный момент НКО отпуск продуктов совершенно прекратил».

Из доклада о работе гражданского управления Кенигсберга за апрель-ноябрь 1945 года. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

Уже осенью 1945 года комендатуры выдавали продовольственные карточки только работающим немцам. Об этом рассказали Николай Васильевич Еник из Калининграда, Владимир Петрович Филатов из Маршальского и другие. Однако работали не все. И не хотели, как считают некоторые наши собеседники.

– Инициативы у них не было, – говорит Петр Яковлевич Немцов, живущий в Калининграде с 1945 года, – другой там ремонтирует что-то или, допустим, шьет, или обувь чистит, или велосипеды налаживает, или торгует. Но те, кто этим не занимался, жили плохо. По каким мотивам эта часть немцев не работала, я не знаю. Может, это были те, кто воспитан в нацистском духе и не хотел работать на советское государство?

Нам видится более простое объяснение: не все могли работать, да и число рабочих мест было ограничено. За работу (а значит, и паек) держались изо всех сил. «У работающей на вагонзаводе фрау Цимлер было двое детей. Очень они голодали. Мать их в холод, больных, за собой на работу таскала, чтобы только карточки не лишиться», – свидетельствует Нина Моисеевна Вавилова.

Те, кому не удавалось устроиться на работу, крутились как могли: шли в няньки, домработницы, шили одежду на заказ, ловили и продавали рыбу, продавали оставшиеся вещи.

– Когда мы жили в поселке Дружба Правдинского района, к нам ходила одна старушка-немка. Жила она с двумя внучками. У нас от коровы по три ведра молока надаивали. Так мама ей молока давала. Старушка все хотела что-то для нас сделать. То носочки поштопает, то еще что-то. Пыталась в обмен на молоко вещи приносить, а мама не брала. Что же брать-то, если у нее самой две маленькие девочки остались. Брат наловит рыбы и тоже ей давал, – вспоминает Антонина Егоровна Шадрина.

Часто немцы ходили по домам, просили работу. «Так брать что-нибудь стеснялись, – рассказывает Елена Тимофеевна Каравашкина . – Очень совестливый народ. Были как котята беспомощные. Домой приходили, просили что-нибудь из еды и обязательно расплачивались: кто хрустальную вазу даст, кто еще что-нибудь. Если не берешь – обижались: "Берите, это

гут, гут будет для вас". Другой раз им из одежды что-нибудь отдашь...»

Многие переселенцы заметили эту черту в характере немцев: насколько возможно, они старались не принимать бесплатных услуг. Владимир Дмитриевич Фомин зашел как-то на один из кенигсбергских рынков: «Зашел просто так – покупать было нечего. Стоит девчушка-немка лет тринадцати, держит щетку. Дал я ей десять рублей, но немцы подачек не брали, пришлось мне эту щетку взять. Смотрю: купила она кусочек хлеба, аккуратно его завернула, спрятала и пошла».

В главе о питании советских переселенцев мы рассказывали о страшном полуголодном существовании наших соотечественников в эту морозную зиму. Стоит ли говорить, что положение немецкого населения было еще хуже. «Немцы с голоду пухли. Их разносило, и становились они как бы стеклянные на вид. А некоторые наоборот – становились сухими, как бы высыхали. Весной они яблочки маленькие поедали, которые только-только от цветка, смородину зеленую», – свидетельствует Анатолий Семенович Карандеев из Багратионовского района.

Чтобы как-то выжить, надо было через многое переступить. Приходилось довольствоваться картофельными очистками, гнилой свеклой, лебедой. «Недалеко от нашего дома в сарае жила немка с ребенком. Матери иногда давали зерно на муку, так эта женщина зайдет к нам и сметет с жерновов остатки муки для себя. Многие немцы питались ракушками – их в реке вылавливали. Прямо в доме разводили костер, нагревали ракушки. Они лопались, тогда их содержимое ели. Кошек всех поели», – говорит Антонина Васильевна Якимова из Правдинского района. «Часто было так. Растет большой репей. Они накопают корни, начистят, потом прокрутят через мясорубку, наварят бурду и едят. Иногда, когда была, добавляли туда муку» (Альбина Федоровна Румянцева, жительница поселка Саранское).

Приходилось есть павший скот (Павел Григорьевич Белошапский), жаб и мышей (Нина Николаевна Дудченко). «Иду я однажды, – говорит Евдокия Семеновна Жукова из Багратионовска, – вижу: немец нашел мертвого аиста. Сидел и ощипывал его, дохлого. Немцы умирали здесь, как в Ленинграде». «От голода сильнее всего страдали немецкие дети. Их тельца были покрыты язвами. Чтобы прокормиться, они собирали отбросы на помойках» (Татьяна Семеновна Иванова, поселок Маршальское). Вот еще одно свидетельство Александры Афанасьевны Селезневой из Калининграда:

– В то время мусорок не было, и кучи мусора лежали во дворах и на улицах. Как-то раз я увидела, что немецкие мальчик и девочка роются в куче мусора и кладут к себе в сумку, чтобы поесть, какие-то объедки. Я принесла им по картошинке и по куску хлеба. Было это в сорок шестом году. Ведь это же дети, мне их жалко было: роются в мусоре и едят! Я ушла домой, через какое-то время снова вышла, а они все равно в мусоре роются.

> «15.1-47 года в 8 часов на ул. Александра Невского (Победа), 3-й район, около дома № 81 был обнаружен истощенный труп неизвестной женщины, по наружному виду немка, без признаков насилия смерти, труп направлен в облбольницу для вскрытия».
>
> *Из сводки происшествий по Калининграду за 1947 год. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.*

И еще одна картина, повторяющаяся из интервью в интервью.

– А немцев сколько умирало, – говорит Елизавета Васильевна Румянцева. – Бывало, иду на работу утром рано, смотрю – сидит человек. Думаю, ну, вечером пойду обратно, он уже, наверное, отойдет в мир иной. И что же вы думаете? Я вечером шла и забыла и как запнулась об него. А он действительно уже мертвый.

– Я ходила в школу по улицам Кутузова и Офицерской, – рассказывает Галина Павловна Роман, – навстречу часто попадались немцы, идут, стуча деревянными колодками, и везут на санках мертвых своих, зашитых в мешки. Каждое утро встречала одного-двух мертвых немцев. Мама все, бывало, успокаивала: в Ленинграде в блокаду наших больше умирало.

> «По состоянию на 10.11.45 года из немецкого населения в городских больницах находится больных:
>
> а) в центральной больнице – 1458 чел.
>
> б) в инфекционной больнице – 888
>
> в) в инфекционной св. Елизаветы – 340
>
> г) в больнице св. Екатерины – 248
>
> <...>
>
> Смертность немецкого населения:
>
> За октябрь умерло 1333 человека, за две декады сентября умерло 1799 человек, кроме больниц <...>
>
> Смертность местного населения по стационарам:<...> в сентябре – 881 чел., в октябре – 768 чел.»
>
> *Из доклада гражданского управления Кенигсберга за 1945 год. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 62, 64.*

К голоду и холоду добавлялись болезни, вызванные чрезмерной плотностью населения и вынужденной антисанитарией. Александр Васильевич Кузнецов весной 1948 года принимал участие в депортации немцев из Озерска, ходил по их домам.

– Жили они грязно. В домах стояли буржуйки, топили почти что по-черному. Вышел я из одного дома на улицу, гляжу: одна половина брюк у меня синяя, а другая – черная. Стряхнул, а это блохи. Я и подумал: как же они жили в таких условиях?

Наши собеседники рассказывали нам, что немцы ходили по домам и просили «мыльной водички» – той, что оставалась от стирки.

> «Немецкое население живет в домах крайне скученно, отсюда большой круг контактированных при выявлении случаев заболевания инфекционными болезнями. Мыла ни больницы, ни население не получают.
>
> В центральной больнице до 15% больных помещены на матрацах на полу (без коек), в инфекционной больнице до 80% по два человека размещены на одной койке».
>
> *Из доклада гражданского управления Кенигсберга за 1945 год. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1.Д. 5. Л. 63.*

Голод, холод, эпидемии уносили в месяц по две-три тысячи жизней. Умерших не успевали хоронить. Алексей Васильевич Трамбовицкий зашел однажды в несохранившуюся до сегодняшнего дня кирху: там было сложено около двадцати трупов немцев. По утрам выделенные из воинских частей команды проезжали по городу и собирали завернутые в простыни трупы для последующего захоронения. Зимой сорок седьмого положение некоторых жителей было столь безысходным, что, «чуя смерть, они сами приходили на кладбище и ложились умирать на могилы своих родственников» (Владимир Дмитриевич Фомин, Калининград).

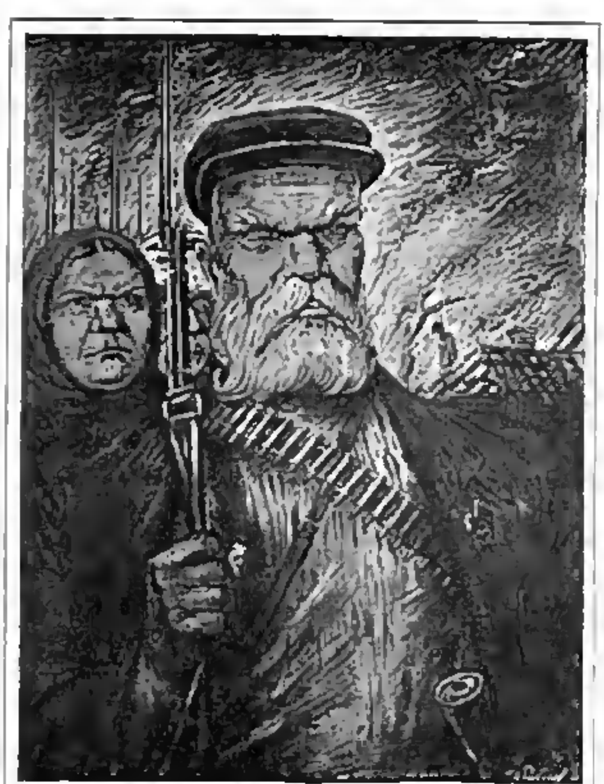
Кто знает, какова бы была жатва скорби, если бы не сострадание и помощь немцам со стороны простых русских людей.

– Нам самим было голодно, но мы как могли помогали немцам, спасая их от голодной смерти, особенно немецких детей. Наши переселенцы сами приглашали к себе домой немецких женщин с маленькими детьми и кормили их, отрывая продукты от своего тощего пайка. У кого были коровы, отдавали часть молока безвозмездно немецким детям (у немцев коров не было), – рассказал Павел Григорьевич Белошапский.

– Когда я работала в Зеленоградске в воинской столовой, – вспоминает Матрена Федотовна Букреева, – пошла раз коров доить. Немцы выбегли. Просют. Голодные. Я раздала все молоко (так было два раза). Начальник мне говорит: «А своих чем будешь кормить?» И когда я у генерала Кондратьева работала,

Авакумов М.Н.

Рабичев И.Б.

две девочки ходили: «Брут, брут?» Я их кормила. Немок брала помочь полы помыть – тоже кормила. Наш генерал немцев не обижал. Никого. Всегда, когда немцы приходили, просили, говорил: «Накорми».

Наталья Петровна Любкина из поселка Гастеллово тоже жалела немцев: «Голодовали они и ко мне ходили просить молока. От коровы молока много надаивала – куда его девать? Я все время давала. Один старичок-немец ко мне приходил. Всегда налью ему. Так он не хотел оставаться в долгу: накосит тележку сена, привезет мне. Когда он не приходил, так я ему относила. Однажды мальчишки прибежали, говорят, что этот немец меня зовет. Жил-то он совсем-совсем один в избушке на окраине. Пришла я, а он лежит – помирает. Так долго смотрел на меня и все повторял: "Алее капут, алес капут", – все, значит, конец пришел. Так и помер. Потом пришли немцы, его похоронили».

Когда уже нельзя было сохранить жизнь взрослым, старались спасти хотя бы детей. Вспоминает Антонина Семеновна Николаева, работавшая в 1946 году в колхозе имени Горького близ Мамоново:

– Немцы – жители нашей деревни – пухли с голоду. Однажды пошли на соседний хутор. В одном из домов обнаружили немку-мать с дочерью. Маленькая девочка жестами объяснила, что ее мать умирает. Потом она принесла фотографии и показывала, объясняя жестами, кто изображен на фотографиях, а после этого показала могилу своей сестренки в саду. Мы накормили девочку и взяли с собой; ее мать схоронили.

Не все переселенцы были столь отзывчивы. Александре Афанасьевне Селезневой из Калининграда однажды потребовалась лопатка для работы в саду. Договорилась с соседями-немцами:

– Жили они голодно, я понесла им хлеба, хоть сами они об этом не просили. Когда шла к ним с хлебом, мне навстречу вышла женщина с такой же лопаткой. Я стала спрашивать ее, но она ничего не ответила. Я пошла в квартиру, в там жили трое немецких детей без матери, мать поехала еще в войну в Берлин, да так и не вернулась. Так эти дети мне говорили: «Рус лопатку цап-царап!» Я отдала детям хлеб и ушла без лопатки.

Поддержка нужна была людям особенно в глубинке. По свидетельству Анны Филипповны Павликовой из поселка Красноярское Озерского района, тамошние немцы даже обрадовались, когда стали прибывать переселенцы:

– Говорили: «Слава Богу, хоть Русь приехала! Нам теперь хоть соли дадут, хоть покушать чего-нибудь». Ведь делились мы всем. И хлебушка им дали, и рыбки, и соли дали, а то они одну крапиву варили несоленую – опухли даже. Молоко им давали, ведь коровка у нас была, приходили – мы им и давали. В общем, чем могли помогали. Мы сами голодными были, а людей надо было поддержать – ну куда денешься.

Немцы на работе

«В связи с наступлением летнего времени и необходимостью лучшего использования немецкой рабочей силы разрешить немецкому населению с 6 мая 1945 г. хождение по улицам города с 7 часов утра до 9 часов вечера».

Из приказа № 8 военного коменданта Кенигсберга от 6 мая 1945 года.

ГАКО. Ф. 330. Оп. 1.Д. 2. Л. 7.

В первые послевоенные месяцы, до массового переселения советских граждан, немцы оставались основной рабочей силой. Они работали на промышленных предприятиях, в военных совхозах, воинских частях, подсобных хозяйствах, леспромхозах – словом, везде, где нужны были рабочие руки. Много оставалось немцев-врачей, других специалистов. Почти все почтальоны в Кенигсберге были немцами, только они хорошо знали районы и улицы города. Интересно, что немцы стали первыми вагоновожатыми пущенного в 1946 году трамвая. «Им было трудно объявлять остановки на русском языке. Вместо "ЦБК-2" получалось "Собака-два"» (Я. А. Л-ин). Женщины устраивались уборщицами, курьерами, кто знал русский – переводчицами. Многие работали в сфере обслуживания – парикмахерами, банщицами, швеями, билетерами.

Судя по многочисленным свидетельствам, немцы получали одинаковую зарплату с русскими, формально пользовались теми же правами, им даже оплачивали больничные листы. Конечно, такая система установилась не с первых дней и относилась к тем, кто имел постоянное место работы.

Значительная часть немцев была занята на общественных работах. Каждое утро по нарядам гражданского управления их отправляли на полевые работы, стройки или расчистку улиц. Кстати, во многом благодаря им удалось расчистить завалы: они вставали в огромные цепочки и так, из рук в руки, передавали камни, обломки, битый кирпич.

Вот как описывает подобные работы в Прейсиш-Эйлау (Багратионовске) Анатолий Адамович Поплавский :

– Утром немцы все как один являлись к комендатуре. Там их назначали на работы: улицы мести, завалы разбирать и так далее. На ногах деревянные колодки. В этих колодках идут человек триста-четыреста. Гнетущее зрелище. Они уже знали свои объекты. Закончили, опять идут к комендатуре, получают новое назначение. Поработают, садятся отдыхать. Если увидят, что кто-то из наших идет, – встают как один и приветствуют: «Гитлер капут!»

«В воинских частях работает 10797 человек и на предприятиях по городу работает 7157 человек. По районным

комендатурам города на сельскохозяйственных работах занято 2999 человек и при комендатурах 2606 человек. Всего же занято на работах в среднем ежедневно 23559 человек, что составляет к общему числу трудоспособных 78%.

Рабочий день установлен 12-ть часов, в настоящее время работа производится с 8-ми часов утра до 7-ми вечера, т. е. до темного времени, выходных дней не имеется».

Из доклада гражданского управления Кенигсберга за 1945 год. ГАКО. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 64.

О том, какие немцы работники, мы слышали только превосходные оценки.

– Нас всегда поражала их пунктуальность. Работать они начинали с девяти часов и ни секундой позже, на обед шли ровно по часам и при этом могли оставить недокрученный шуруп, – вспоминает Михаил Николаевич Чуркин, работавший в 1948 году в Черняховской автоколонне.

Агния Павловна Буссель рассказывает об уборщице в библиотеке, где она работала: «Звали ее Марта. Вот тут-то мы столкнулись с немецкой аккуратностью. Кругом была чистота: ни пылинки, ни соринки. Где она умудрялась добывать уголь? В библиотеке всегда было тепло. Позже кто только уборщицей ни работал, но такой чистоты никогда ни у кого не было».

Иван Пантелеевич Лысенко делится своими впечатлениями о немцах-строителях:

– На работу ходили с вещмешками. Там все, вплоть до свинцовых труб. Он и штукатур, и печник, и сантехник. Они сами делали инструменты, мы только удивлялись. А какие малярные кисти они делали вручную! Наши маляры целовали их за это. Чуть не на руках носили. Но темпы у них, конечно, не такие, как у нас.

Насчет темпов имеются и другие любопытные свидетельства. Исаак Менделеевич Фишбейн в 1946 году был направлен на 820-й завод. У него был случай составить собственное мнение о пользе высоких темпов.

– Начиная с сорок восьмого – сорок девятого годов нам стали давать задания по ремонту сторожевых кораблей. Здесь на заводе еще работали военнопленные немцы, и вольнонаемные были. Мы как-то получили задание строить рейдовые крейсерские бочки. Это такие емкости большие, метров десять в диаметре, для швартовки кораблей в открытом море. Я был тогда мастером. Надо было построить десять бочек. А кадров своих еще не было. К нам приезжали специалисты из Николаева. Я распределил работу: пять бочек должны были сделать николаевцы, пять – немцы. У них был такой рабочий Бош, они его слушались. Начали делать, надо к сроку успеть. Наши быстро взялись за работу, все разметили, дырки просверлили, готовятся собирать. А немцы потихоньку работают, не торопятся. Я уже волноваться начал, но Бош меня успокаивает, что все вовремя сделают. Наши стали собирать, а отверстия не везде совпадают. А немцы сложили железо лист на лист колодой и стали сверлить по кондуктору, и у них все отлично вышло. Выполнили качественно и в срок. А наши, кажется, так и не доделали.

Второй рассказ на похожую тему работника того же завода Василия Андреевича Годяева:

– Они работали не как мы по принципу «давай-давай». Они работали медленно, но так, что любо было посмотреть. Я приведу пример. У нас на заводе в одном из корпусов ремонтировались машины ЗИС-5. Работали там немцы и наши. Мастера были русские. Как сейчас помню, приходит как-то раз в цех ныне покойный мастер Сандаков и говорит немцу, ремонтировавшему машину: «Камрад! Шнель! Давай-давай!» Немец терпел-терпел, терпел-терпел, потом подходит к мастеру и говорит: «Шнель нихт гут!» И объяснил, что после работы русских камрадов по принципу «шнель-шнель» и «давай-давай» отремонтированные ими машины, чтобы завести их, приходилось таскать на буксире, а после работы немецких камрадов в машину можно было сесть и спокойно в ней ехать.

Подобные качества немецкого работника проявлялись не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Вот свидетельство Александра Григорьевича Ганжи из поселка Жилино:

– Немцы работали медленно, но основательно. Приезжают с работы, бригадир спрашивает у нашего переселенца: «Сколько гектаров скосил?» – «Четыре». Лошадь вся мокрая, уставшая. А у немца – шесть гектаров. А лошадь сухая, как бы не уставшая. Немец никогда не пойдет работать, пока не приведет в порядок инструмент, не поправит сбрую. А если уж начал работать, то по пустякам останавливаться не станет. Русские пошли курить, а он продолжает работать. У него все строго по минутам: когда работать, когда отдыхать. Он сорок пять минут работает, пятнадцать минут отдыхает. На поле никогда курить не будет. Надо ему перекурить – выйдет с поля, хоть с середины, покурит и опять пойдет работать.

Отмечаемая почти всеми медлительность немцев в работе иногда диктовалась вынужденным лукавством. У Марии Николаевны Токаревой возникла проблема с печкой: «Пригласили двух немцев. Недели две они складывали мне печь кафельную. Придут, пару кирпичей положат, я их покормлю, посидят, покурят и уходят».

Нашим переселенцам запомнились трудолюбие и мастеровитость немцев не только на службе, но и дома, в быту. Многих поражало, что по утрам женщины мели щетками, мыли тротуары и мостовые у своих домов.

Была еще одна сфера, в которой на первых порах местные жители могли проявить свои деловые каче-

ства, – торговля. Летом 1945 года в Кенигсберге было зарегистрировано 33 частных магазина. Эту картину хорошо описал участник войны, оказавшийся в Кенигсберге в 1945 году, Петр Яковлевич Немцов:

– Когда была карточная система, немцы создавали свои магазинчики и мастерские, палатки, где они торговали лимонадом, продуктами питания. Видимо, где-то доставали каким-то образом; занимались выпечкой пирожных, пирожков и т. д. Ну а потом, когда нашего населения стало достаточно, от этих немцев надо было как-то, если так можно сказать, отделаться. Так делали вот что: не отбирали у немцев магазины и палатки, а заставляли платить налог, то есть налогом их постепенно вытеснили. Положим, в месяц тысячу рублей должны заплатить налога. Они, немцы, держатся. Значит, добавили им две тысячи – они торгуют. Потом еще тысячу и т. д. Немцам стало ясно, что торговать невыгодно, и они закрыли все свои лавки. Но то, что немцы имели свои магазины, палатки, мастерские, в которых продавали продукты питания и другие предметы, сыграло большую роль, потому что у нас магазинов было мало открыто при карточной системе и, конечно, это было большим подспорьем.

«Начальнику финансового отдела ст. л-ту Захарову Рапорт

Доношу, что владелец магазина Фор Алла по улице Луизен Аллея, д. 49, производит обмен готовой обуви и одежды на продукты, что подтверждают обнаруженные в шкафу четыре пары полуботинок, нательное белье и продукты: сахарный песок – 0,450 кг, мука пшеничная 0,750, фасоль – 0,1, табак легкий – 0,2. Продукты обнаружены вторично. Прошу возбудить ходатайство перед зам. в/коменданта по гражданскому управлению о наложении штрафа на Фор Аллу в сумме 20000 марок за нарушение прав торговли.

Ст. л-т. Кузнецов 23.08.45 г.»

ГАКО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 21. Л. 58.

В заключение – рассказ одной из тех, про кого написана эта глава, – немке О. К-н, поселившейся в Кенигсберге еще в 1938 году. При новой власти ей удалось устроиться кассиром в бане:

– Работала строго от начала и до конца, ни больше ни меньше, чем полагалось. Но все рабочее время я действительно работала, работала по-настоящему. Может, за это меня и не любили. Запомнилось, как пытались пройти без очереди в баню работники НКВД (или МГБ). Я их не пускала и говорила, чтобы они шли по очереди. Бывало так, что кто-нибудь из них заберется в ванную и сидит там больше получаса, я тогда стучу в дверь и говорю, что время кончается. Им это не нравилось, они говорили, что меня «посадят». Но я уже убедилась, что если русский скажет, что «я тебя посажу», – то это как раз и не произойдет. Это у нас, у немцев, если сказали бы, что «посадят», то это сделали бы наверняка. Потом я еще работала во вневедомственной охране на базе тралового флота и на пивзаводе. Я не давала начальству воровать. За это меня не любили. Как-то раз убрали с моего обычного поста и отправили на дальний пост стоять на улице на сорокаградусном морозе. Я говорила начальнику охраны, что у меня плохое здоровье. Он мне на это заявил, что я могу уволиться и возвращаться к себе в Германию. Пришлось написать жалобу в Москву. Скоро пришел ответ. Меня и начальника пригласили в управление внутренних дел. Нас развели по разным кабинетам. Меня просили, чтобы я его простила, а его ругали в другом кабинете.

Несколько портретов

Расспрашивая переселенцев о немецком населении, мы просили рассказать, как местные жители выглядели, одевались, чем отличались от русских. Эти рассказы удивительно похожи друг на друга.

– У женщин были простые вязаные чулки или гольфы и башмаки-колодки на ногах. В них и зимой ходили. Пальто зимние были на вате, только рукава – без ваты. Помню, и мне немка сшила такое пальто, я все у нее спрашивала, почему рукава пустые? Некоторые носили полупальто. На голове платок завязывали, как чалму, – делится своими впечатлениями Валентина Ивановна Текутьева из Багратионовска.

– Здесь такой район у них был – Понарт, где жили небогато. Все были чистоплотные. Женщины ходили в фартучках. На работу шли в деревянных башмачках. И рано утром было очень слышно, как они цокают по каменной мостовой. Они сумели и подвальчики свои обустроить, – свидетельствует Юлия Васильевна Гомонова.

Аккуратность немецких жителей запомнилась калининградке Ирине Васильевне Поборцевой:

– Как они следили за чистотой, как ценили аккуратность и красоту. У каждого дома стояли урны для мусора. Особенно поражалась моя дочка, что немки каждое утро выходили убирать улицу, все они были в чепчиках, белых передниках. Все отмечали, как особенно немки заботятся о своем внешнем виде: постоянно вечером накручивали волосы на бумажные рожки, стирали белые фартуки. Очень аккуратный народ. Хоть все кругом было разрушено, прошла война, а чистота поддерживалась.

Воспоминания продолжаются. Как бы из небытия возникают имена соседей, случайных знакомых и даже друзей-немцев.

– У нас на 820-м заводе был немец Лефебер, столяр. Исключительно хороший человек. Он меня просто околдовал. Часто ко мне приходил. Мы с ним разговаривали, обычно на бытовые темы. Он не напрашивался, но я его всегда угощал, – рассказывает Исаак Менделеевич Фишбейн.

Тамара Яковлевна Загородняя подружилась со своей ровесницей Вандой Фогт, с которой вместе работала на базе. Алексей Васильевич Трамбовицкий с теплотой вспоминает о своих коллегах по работе в калининградском кожно-венерологическом диспансере: докторе Атце, медсестре Дорис, санитарке Грунау – «как ее ни увидишь, она вечно за работой». В поселке Шпандиен большим уважением, по свидетельству Сергея Владимировича Даниель-Бека, пользовалась семья профессора Отто Зирке: «Он жил вдвоем с женой, был филологом, говорил по-русски, правда, плохо. Мы были знакомы семьями. Его использовали на заводе, где работала мама, переводчиком». Юрий Николаевич Трегуб помнит простую немецкую женщину, которая почти год жила у них в доме: «Фрау Рейнгардт – так мы ее всегда звали. Отец встретил ее случайно в сорок седьмом году где-то под Славском. Она там чуть не умирала с голоду. Отец привез ее с собой, и она у нас жила во второй комнате. Помогала по дому, готовила обед, так как мать с отцом работали, а мы, мальчишки, что мы могли приготовить? Она и суп сварит, и уберет в комнате, и хлеба принесет. Сама жила и нам помогала».

Было немало таких девушек и женщин, которые жили в домах офицеров или ответственных работников на положении то ли служанок, то ли членов семьи. Об этом рассказывает Галина Родионовна Косенко-Головина:

– У меня была служанка Лисбет, у соседки – Анна-Мари. Лисбет очень хотела уехать. Анна-Мари – напротив, хотя у ее мужа была здесь кондитерская фабрика. Анна была очень величественной и симпатичной. Мы звали ее «Великая Германия». Хорошие манеры. Она рассказывала, что у нее был абонемент в театр, что муж каждую неделю приносил ей подарки. Бывало, я начну играть на рояле, Анна приходит, танцует и поет. Называла меня «фрау-директор». У нее был сын – эсэсовец, но тем не менее был против войны, погиб. А второй сын остался жив, но был за войну. Власти не разрешали прислуге жить вместе с хозяевами. Лисбет в семь утра приезжала, растапливала плиту. Она считала, что надо унижаться перед нами. Однажды я поздно вернулась – приходилось возвращаться пешком через весь город. Утром Лисбет заходит с подносом, на подносе чай. Несет завтрак в кровать. Приседает, реверансы делает... Работала она очень хорошо, на все руки мастер. Мы кормили ее. Голубцы делали, обвязывали нитками, так она так торопилась есть, что ела голубцы с нитками.

Домработницу Елены Кузьминичны Зориной тоже звали Лисбет:

– У нее муж работал главным инженером в самолетостроении. У Лисбет когда-то был свой дом из 8-10 комнат и восемь человек прислуги. Она жила вместе с нами, мы ей предоставили небольшую 9-метровую комнату. В общей сложности она прожила у меня полтора года. Кроме уборки квартиры, стирки белья и приготовления еды, она занималась с детьми физикой, математикой – была образованной женщиной. За то, что она у нас работала, мы ее кормили. Причем обедали все вместе. Она для нас была как член семьи. Иногда, когда я оставалась дома, сама готовила на кухне. Немцам приходилось тяжело, и они старались помогать друг другу. Я замечала, что, когда Лисбет чистила картошку, очистки никогда не выбрасывала – тщательно их отмывала, высушивала, а потом, видимо, отдавала голодающим. Я ее никогда ни в чем не ущемляла, не подвергала жесткому контролю. Она могла свободно общаться со своей сестрой. Ее родная сестра Анна-Мария была домработницей в доме напротив. Я была ею довольна, хотя готовить она особо не умела. Когда пришло время расставаться – мне жалко было ее терять. Я дала ей часть продуктов с собой – крупу, бекон, сахар, хлеб. Мы уже распрощались. А на следующий день я шла утром около райкома партии к трамвайной остановке – вижу, стоит Лисбет с еще одной женщиной. Увидела меня, бросилась ко мне, стала целовать. После отъезда я от нее никаких сведений больше не получала.

Благодарная людская память особенно выделяет врачей, когда-то их вылечивших или даже спасших жизнь.

– В декабре сорок шестого года я серьезно заболел, – рассказывает калининградец Валерий Михайлович Виноградов. – С больной правой ногой попал в больницу. В то время в больницах почти все врачи

Корецкий В.Б.

Жуков Н.Н.

были немцы. Начальником хирургического отделения была доктор Шумская, ее заместителем – доктор Раух. Профессор Раух был замечательным врачом. У меня было воспаление кости – остеомиелит. Он сделал мне оригинальную операцию, просверлив в кости шесть отверстий: у наших врачей еще не было такого способа лечения. Четыре месяца я пролежал в гипсе, потом какое-то время ходил с палочкой. А в военное училище поступил без всяких препятствий.

Александра Ивановна Митрофанова из Приморска вспоминает хирурга Рихтера Ригеля, сделавшего операцию ее мужу. У Валентины Ивановны Текутьевой в 1948 году в Багратионовске принимал роды врач Вольф. Несколько человек рассказали о хороших врачах и безотказных людях – муже и жене Бюргер из поселка Некрасово.

В заключение еще один портрет, еще одна судьба с неизвестным концом. Рассказывает калининградка Мария Павловна Тетеревлева:

– Немецкая семья, жившая в подвале нашего дома, состояла из старика, женщины лет сорока – Марты и трех девочек школьного возраста. Старик выходил на улицу крайне редко, я видела его буквально пару раз и не могу сейчас вспомнить его лица. Девочки куда-то уходили на весь день, а Марта работала на квартире у соседки. Марта – достаточно высокая женщина, была всегда одинаково и очень чисто одетая. Она носила светлую блузку, темный жакет и юбку, довольно длинную. Я ни разу не видела на ней фартука или платка, что удивительно, поскольку она работала на дому. У нее были темные, гладко зачесанные назад волосы, собранные в узел на затылке. Она напоминала мне мою бывшую учительницу, которая занималась со мной еще до революции. Наверное, поэтому я так хорошо ее и запомнила. Она держалась прямо и этим существенно отличалась от всех встреченных мною немцев, в которых чувствовалась какая-то затравленность и даже страх. По-русски она не говорила, но знала несколько фраз и хорошо понимала то, что ей говорили. Не знаю, чем она кормила свою семью, но с кухни регулярно исчезали картофельные очистки. Буфет я не закрывала, точнее, он не закрывался (в дверцах разбиты стекла), но ни разу не пропали продукты. Я давала ей картошку и кое-что из того, что ели сами: она не отказывалась и предлагала отработать. В ее услугах я не нуждалась, но кое-что она для меня делала. Например, штопала белье и учила меня этому. У нее это получалось замечательно. Удивлялась тому, что я не крахмалю постельное белье и не укладываю волосы. Уверяла, что муж должен всегда видеть чистоту в доме и красивую жену. Я соглашалась с ней, кивала в ответ, но находила это излишним. Сейчас понимаю, что это действительно очень важно и стоило у нее поучиться. Она пробовала дарить мне некоторые вещи, чем ставила меня в неловкое положение: брать даром я считала бессовестным, а платить как следует тогда не могла. Марта уверяла, что ей не нужны эти платья, потому как она все равно уезжает, и даже одно из них очень ловко перешила Люсе, моей дочке. Расплачивалась я как могла, продуктами. Но продолжалось все это недолго. Однажды все они исчезли. Наверное, уходили рано утром, потому что Марта не зашла проститься. В подвале на стенах остались какие-то надписи, муж пытался разбирать, но понял только несколько слов. Под текстом были имена и напротив них даты смерти. Все такое разное у разных народов, но форма этой страшной фразы одна на всех языках: имя, черточка, дата...

Немецкие дети

Когда мы спрашивали наших собеседников о немцах, многие начинали говорить прежде всего о детях, вспоминали конкретные имена, рассказывали разные истории и всегда подчеркивали отличие немецких детей от их советских сверстников. «Очень вежливые, корректные, всегда здороваются. С их стороны не было случаев хулиганства или нецензурной брани. Одеты простенько, а рубашку и штанишки, но всегда отглаженные» (Петр Яковлевич Немцов). «Немцы хорошо одевали своих детей, несмотря на то, что сами одевались скромно, даже бедно, – вспоминает Тамара Яковлевна Загородняя. – Платочки, белые гольфы, уложенная прическа на голове – все это внешне отличало немецких детей от наших».

Вежливость и аккуратность немецких детей достигалась, по единодушному мнению наших переселенцев, строгостью и даже некоторой суровостью воспитания. Николай Иванович Чудинов из Краснознаменска сделал такой вывод, наблюдая за своей соседкой Мартой:

– У нее каждое утро дети плачут, кричат. Мы ее спрашивали: «Марта, что у тебя дети каждое утро плачут? Что ты с ними делаешь?» А она: «Ну как же. Вот ему надо вставать вовремя, надо умыться, постель убрать, а он не успевает. Мне же некогда». Вот она, чтобы управляться, поддает ему, порет. Уже с такого возраста они приучают к порядку. Мы своих детей так не воспитывали.

Но не все дети выглядели чистыми и ухоженными. Наталья Павловна Снегульская говорила нам, что было очень много детей бездомных: «Они по подвалам жили и ходили просить милостыню – каждый день приходили. Потом их постепенно собрали. Но они почему-то не хотели идти в детский дом. Были голодные, худые, страшные».

Домашние дети и бездомные были обречены ежедневно искать себе пропитание. Одним из распространенных способов заработка была торговля. Валентина Ивановна Цапенко хорошо запомнила кенигсбергские «толкучки» тех лет, а на них – немецких детей от трех лет и старше с пачками открыток или другой мелочью в руках.

Девочек часто брали няньками к маленьким детям в советские семьи, как правило, офицерские. Или в домработницы. Хотя и не этот мотив, как считает Исаак Менделеевич Фишбейн, был главным:

– Немцев было жалко. Слезы текли, глядя на них. Мы даже взяли к себе немецкую девочку лет четырнадцати-пятнадцати. Матильдой ее, кажется, звали. Она нам помогала по дому, но мы взяли ее не в работницы, а из чисто гуманных соображений. Одели ее как следует. В Литву посылали за продуктами, за вещами. Она два раза ездила, а в третий раз не вернулась.

Сколь тяжелой должна быть жизнь, чтобы ребенок добровольно соглашался уходить из семьи, родного дома! Об этом история, рассказанная Раисой Кузьминичной Ежковой из Светлого:

– Вот помню, когда мы корову купили, гнали ее к себе на хутор. Уже поздно было, да еще дождь начался. Мы в один дом постучались, попросились переночевать. Нас не пустили. В другом тоже отказали. Я в третий стучусь. Нас приглашают. А там немцы жили. Я говорю мужу Ивану: «Это же немцы». А он: «Ну и что?» Зашли мы к ним. Они корову в сарай поставили, печку-буржуйку растопили. У них окна были кирпичом заложены. Хозяйка несколько кирпичей взяла, нагрела на печке, нам под ноги поставила. Мокрое белье с нас сняла, сушить повесила. Завернула нас во что-то. У нее дочери были, а муж на фронте погиб. Потом мы пошли с ней в сарай, и она научила меня корову доить. А потом молока нагрели и попили. Младшая дочка, ей лет двенадцать было, все с нами просилась: «Дядя Ваня, возьмите меня с собой. Я вам всё-всё делать буду, и по дому убирать, и за коровой, только возьмите». По-русски хорошо говорила. Он ее спрашивает, откуда она русский язык знает. Оказывается, она у офицера какого-то жила, за ребенком ухаживала. Я говорю, давай возьмем ее. Где четверо есть, там пятому место найдется. А Иван отвечает: нет и всё. Старшая дочь у них ничего по-русски не понимала, а младшая провожала нас утром долго, хотела с нами.

Посильную работу для ослабевших подростков найти было трудно, оставалось самое унизительное, последнее средство – просить подаяние.

– Сначала ходили по домам и предлагали дров нарубить, воды принести или напрямую просили. Мы, конечно, отказывались от помощи и кормили, – рассказывает Вера Алексеевна Амитонова. – Ходили одни и те же. Причем, как узнала, у них даже территория города была поделена, где просить. Смотрю, большой мальчик бьет маленького. Я спрашиваю: «За что?» Оказывается, тот зашел на чужую территорию. Я тогда вынесла обоим супа и хлеба, поставила на скамейку и говорю: «Ешьте и не деритесь».

На фоне таких проблем кажется необычным тот факт, что советские власти приложили немалые усилия по созданию системы образования для немецких детей. Надежда Дмитриевна Макушина переселилась в Кенигсберг из Ряжска вместе с мамой, преподавателем немецкого языка, которая была командирована Министерством просвещения для организации немецких школ. Она рассказывает:

– По области было 56 немецких школ. Учителей брали из немцев. Конечно, никакого образования у них специального не было, но главное, чтобы они не были членами нацистской партии. Проходили они курсы несколько месяцев и направлялись на работу. Директорами были только наши, они порой обижали немецких учителей, но облоно их за это очень строго наказывало, одного директора даже уволили. Был среди этих немцев-учителей один бывший подпольщик-коммунист. Мама его очень уважала.

> **«В 46-47 учебном году на территории бывшей Восточной Пруссии функционировало 44 школы для немецких детей, из них: 8 семилетних, 36 начальных (4927 учащихся). Все учителя (150 человек) прошли месячные курсы при Калининградском облоно. В школах преподавались все учебные предметы, исключая географию, историю. Программа по родному языку была составлена на основе Берлинской программы. Преподавание велось на немецком языке».**
>
> *Из отчета Калининградского облоно за 1946/1947 учебный год. ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 71. Ч. 1. Д. 829. Л. 82-83.*

Немецкие школы, как правило, располагались отдельно, но были и смешанные. Анна Федоровна Черкашина училась в школе № 6, где существовало два параллельных немецких класса. Там были свои преподаватели, а русский язык относился к числу обязательных предметов. Где школ не было или, может быть, они не устраивали родителей, дети собирались вечерами у кого-то на квартире и обучались по своим программам. Об этом рассказала жительница Краснознаменска Прасковья Ивановна Котова .

Нашим собеседникам мы часто задавали вопрос, как складывались отношения между советскими и немецкими детьми. Ответы были разными. Некоторые убеждены, что контактов почти не было, мешал языковой барьер. Вспоминались конфликтные ситуации: «Немчурят наши мальчишки ловили и били. Били толпой, и я всегда плакала. А у меня была подруга-немка. Она говорила: "Ты – Маргарет, я – Маргарет" » (Маргарита Павловна Алексеева). Галина Павловна Романь связывает детские отношения с позицией взрослых:

– Если взрослые были между собой в нормальных отношениях, то и мы, дети, тоже дружили. По соседству с нами жила немка Эмма с дочкой моего возраста. Мы с ней постоянно играли в куклы. Я любила к ним ходить. Тетя Эмма шила, у них было много различных лоскутков, коробочек. Я с удовольствием посещала их дом. Когда они уезжали, тетя Эмма подарила мне большую коробку с лоскутками. Она долго у меня потом хранилась как самый бесцен-

ный подарок. Но были в наших детских отношениях и другие настроения. Наши мальчишки, идя из школы, набирали полные портфели камней и с криками «Бей фашистов!» бросали в немецких мальчишек. Немецкие дети обычно по одному не ходили, всегда группой. Но, в отличие от наших, они никогда никого не задевали. Даже если я шла одна, никогда меня не трогали. Проходили мимо, даже внимания никакого не обращали.

Несмотря на случавшиеся конфликты и ссоры, большинству переселенцев запомнился вполне мирный «детский интернационал».

– Дети очень быстро стали понимать друг друга, – рассказывает Лина Федоровна Черкашина. – И русские ребята легко обучались немецкому языку, многие говорили на двух языках. Приходили домой и лопотали по-немецки. Многим родителям это очень не нравилось. Мой отец ругал младших братьев и сестер за то, что очень много дома говорят по-немецки.

Так было в Кенигсберге. В сельской местности отношения, похоже, были еще раскованней, как свидетельствует Анна Александровна Гуляева из поселка Рожково Гурьевского района:

– Дети есть дети. Они всегда быстро находят контакт. Мой сын Юра, а также дети соседей дружили с немецкими детьми. Юра иногда приводил их домой, просил, чтобы я им дала молочка, потому что они голодные. Я сажала всех вместе за стол. Он с немецкими детьми и на рыбалку ходил, и играл, и картошку мороженую на поле копать ходил. Для них как будто и войны не было. Может, потому, что мой сын был еще маленький?

Отношения между взрослыми

Беседуя с первыми переселенцами, мы неизменно задавали вопрос о взаимоотношениях между ними и оставшимися здесь местными жителями. Ответы были разными. Иногда люди говорили, что с немцами они не общались и «никак к ним не относились». Иногда подчеркивали негативное отношение: «Зло на них было. Даже глядеть на них не хотели, не то что разговаривать» (Нина Николаевна Дудченко, поселок Железнодорожный). Подобные же чувства испытывала и Татьяна Семеновна Иванова из поселка Маршальское: «У нас немцы работали везде, где бы их ни поставили, и работали хорошо. Но я на них не могла спокойно смотреть: перед глазами вставало лицо расстрелянной гитлеровцами матери».

Такие чувства понятны, но преобладали все-таки другие настроения. «Они же не виноваты, что война была. Всем досталось. Мою мать немцы и под расстрел водили, и наган на нее наставляли. А она к немцам хорошо относилась. Нам объясняли, что фашисты – это одно, а немцы не все фашисты», – говорит Лариса Петровна Амелина.

Петру Яковлевичу Немцову запали в душу испуганные лица жителей Кенигсберга в 1945 году:

– Они в таком подавленном состоянии и были потому, что их напичкали разными «страстями-мордастями». Геббельсовская пропаганда говорила, что русские Иваны будут их резать, вешать, убивать и т. д. Так что они были напуганы. Но потом, когда посмотрели, что отношение к ним лояльное, нормальное, человеческое... Ведь наши люди понимали, что немцы – тоже люди, дети особенно, женщины, они ведь безвинные.

Почти все рассказчики отмечали вежливость и предупредительность немцев к советским гражданам, но не все верили в искренность такого отношения.

– Такие любезные – прямо в душу влезут, но им-то в душу не заглянешь, – это мнение Марии Николаевны Токаревой из Калининграда.

Подобные мысли приходили в голову и многим другим. Тем более что истинное отношение, иногда совершенно случайно, все же прорывалось. О таком случае рассказала Вера Алексеевна Амитонова:

– Однажды мой папа шел по улице с врачом-евреем, который хорошо говорил по-немецки. Сидит на скамейке старушка-немка, с ней мальчик лет десяти. Она и говорит мальчику: «Вот запомни, это один из них убил твоего отца». Тогда врач говорит ей: «Я еврей из Киева. Нас было пятнадцать родственников, остался я один, выходит, его отец убил всех моих? Это я должен ему сказать?»

Мария Ивановна Макеенко работала в военном совхозе Черняховского района, где большинство составляли немцы. Жили, по ее словам, очень дружно, ходили друг к другу в гости. Мария Ивановна даже научилась говорить по-немецки. Она стала невольной участницей еще одной языковой стычки: «Однажды стоим с одной немкой около железнодорожного полотна, мимо идут эшелоны на восток. Она думала, что я по-немецки не понимаю, и высказалась со злостью: "Все г...но немецкое везут в Москву". А я ей тут неожиданно ответила: "А когда ваши всё русское вывозили, ты не замечала?" Она смутилась и покраснела».

Однако бывало, что дело не ограничивалось одними разговорами, а принимало довольно крутой оборот. Семья Раисы Сергеевны Гаргун в то время находилась в поселке Поречье Гурьевского района. Рядом с их домом стоял особняк, где жила немецкая семья с пятью детьми. Отношения были самыми добродушными, дети вместе играли: «А уехали соседи, на следующий день их дом взлетел в воздух. Не захотели оставлять – часовую мину поставили. Хорошо, что никто не пострадал».

Конечно, такие случаи были чрезвычайно редки. Большинство переселенцев до сих пор убеждено, что крупных преступлений немцы не совершали.

«25.12.46 года в 7-м районе по ул. Регенштрассе дом 40 в 2 часа ночи немец проник в квартиру полковника 11 Гвард. Армии Порнова, стал собирать

вещи в узел и с вещами пытался через окно скрыться, где и был убит из пистолета полковником Порновым, при осмотре трупе документов не обнаружено. Фамилия, Имя и Отчество убитого немца не установлено, возраст 16-17 лет. Труп направлен в морг».

Из сводки происшествий по городу Калининграду за 1946 год (фамилия изменена). ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 77

Беседуя с переселенцами, мы заметили, что отчуждение и неприязнь к местным жителям возникали главным образом тогда, когда отсутствовало или было ограничено непосредственное общение. И наоборот, если люди жили или работали вместе, складывались отношения вполне дружелюбные.

Вот свидетельство Эммы Федоровны Беженовой из города Светлого:

– Рядом с нами жила одна немецкая семья: фрау Марта (мы звали ее тетя Марта), ее мама и сын Гангчурген. Муж Марты погиб на фронте. А этажом выше жили две пожилые немки. Отношения наши с ними были самые теплые. Марта и ее мама связали для нас с сестрой рукавички и носки, давали продукты, хотя сами жили нелегко, – они нигде не работали и питались прошлыми запасами. Часто по вечерам мой отец играл на баяне (он дошел до Берлина и знал несколько немецких фокстротов), тогда эти пожилые немки и другие приходили к нам танцевать. Жизнь немного скрашивалась. Мачеха порой обижала нас с сестрой, но тогда Марта забирала нас к себе и очень сочувствовала. Часто мы с Гангчургеном рассматривали большую красивую книгу с картинками – детскую Библию. Марта объясняла мне сюжеты картинок, рассказывала про Иисуса Христа. Вообще немецкое население было очень религиозно. На праздники, особенно Рождество, устраивали гадания.

Подобные бесхитростные истории, пожалуй, лучше всего подтверждают давно известную истину, что, несмотря на войну и какие-то чрезвычайные обстоятельства, люди в душе своей сохраняют человеческие чувства.

Николай Васильевич Купчин из Маршальского и его жена были знакомы с немкой Хильдой. «Однажды, когда я был в командировке, моя жена заработалась так, что забыла, что у нее в тот день – день рождения. И вот Хильда пришла вечером к моей жене, напомнила, что у нее праздник, и подарила ей кувшин и три чашки».

У Прасковьи Ивановны Котовой , когда она жила в поселке Толстово Краснознаменского района, соседкой по дому была фрау Ружат – бухгалтер в местном совхозе:

– Во время бомбежки фрау Ружат потеряла четырехлетнего сына, и старшего тоже потеряла, но он потом нашелся в Германии и прислал ей письмо. Она жила с дочерью – большая уже девочка была. Мы с ней очень дружили. Бывало, стучит она мне через стенку: «Паша, коме шнапс тренькать!» Это значит, она вернулась с базара и приглашает меня выпить.

Совместные застолья были не такими уж редкими явлениями. «Бывало, выпивали вместе, – вспоминает Александр Николаевич Игнатьев из поселка Кострово. – Но они пили мало. Да ведь тогда и мы не пили, как сейчас. Тогда пьянки такой после войны не было».

«Проживающие в районе 8-й районной комендатуры немцы Прайс и Шварцельмюллер на протяжении 1,5 месяцев занимались в своих квартирах самогоноварением, что строго запрещено Советскими законами. Проверкой установлено, что Прайс и Шварцельмюллер начали изготовлять самогон с разрешения нач. ком. отдела Гражданского управления 8-го района мл. л-та Биктеева. При этом два других офицера, работники того же Гражданского управления, капитан Коростяков и л-т Григорьев, зная о самогоноварении в указанных квартирах, не приняли мер к его прекращению, а систематически покупали этот самогон».

Из приказа по временному гражданскому управлению ОВО от 5 февраля 1946 года. ГАКО. Ф. 332. Оп. 1.Д. 2. Л. 33.

– К нам приходила немка, и мы угощали ее блинами, – говорит Юлия Васильевна Гомонова. – А к немцам мы ходили на кофе. Правда, кофе, конечно, был не настоящий, они делали его из ячменя. Немцы не обвиняли нас. Часто говорили: «Это Гитлер загнал нас в подвалы». В день Победы некоторые даже праздновали вместе с нами. А жена мельника так даже плясала...

Нашим переселенцам вообще нравилось, что немцы умели отдыхать: «Отработают свое, солнце еще не закатилось, они – свободные, отдыхают: молодежь на велосипедах катается, дети в мяч играют» (Вера Власовна Волкова, г. Гвардейск). Агния Павловна Бусель, когда жила в Правдинском районе, любила по выходным ходить на водохранилище: «Сюда собирались целыми семьями немцы. В котелках варили уху. Пели песни, разговаривали. Я, откровенно говоря, завидовала их семейной идиллии. Мы отдыхать не умели».

Случались и общие развлечения. Повсеместно устраивались танцы. Молодежь, похоже, не очень интересовалась, кто какой национальности. Самой знаменитой танцевальной площадкой в Калининграде был «Немецкий клуб», располагавшийся за нынешним диспансером на Барнаульской улице. Там бывал и Юрий Николаевич Трегуб:

– В клубе собиралась немецкая молодежь, девушки, парни. Они принимали нас неплохо, дружелюбно. Не припомню, чтобы там случались драки. И

мы к немецкой молодежи относились хорошо. Танцевали с немками-девушками под аккордеон, на котором играл немецкий парень. И девушка-немка пела немецкие песни. Это были фокстроты и танго. Еще немцы танцевали свои народные танцы, но они нам не нравились, мы требовали знакомую музыку – фокстрот, танго, линду. Приглашали немецких девушек. Они не отказывались танцевать с нашими ребятами. Немецкие парни к этому относились спокойно. Из немцев было больше девчат, чем парней. Немецкие девушки были очень привлекательны, симпатичны.

«По Вашему приказанию в феврале месяце 1946 года были созданы: Центральный немецкий клуб Кенигсбергской области и районные немецкие клубы. При центральном клубе был создан театр с труппой немецких артистов, антифашистская школа, редакция радиовещания на немецком языке и редакция по печатанию изданий на немецком языке, а с 20 мая 1946 г. и джаз-оркестр.

Первого мая была проведена демонстрация немецкого населения и митинг в гор. Кенигсберге с участием 3600 демонстрантов».

Из письма и. о. начальника центрального немецкого клуба гв. капитана Когана начальнику областного гражданского управления от 6 июня 1946 года.

ГАКО. Ф. 298. Оп. 4. Д. 2. Л. 7-72

Новые власти старались охватить немецкое население привычными для советских людей формами пропаганды. С этой целью в конце июня 1947 года стала издаваться областная газета на немецком языке, в ней работала журналист Мария Павловна Кубарева, которая нам рассказала следующее:

– Немецкая газета была создана по решению ЦК партии, а руководство ею осуществлял обком. На титульном листе газеты было написано: «Новое время. Газета для немецкого населения Калининградской области. Выходит два раза в неделю». По формату она равнялась половине «Калининградской правды», то есть печаталась на одном листе с двух сторон. В редакции работало шесть советских сотрудников и четверо немецких (переводчик с русского языка на немецкий, машинистка, два корректора). Из числа немцев газету обслуживали также рабочие типографии: наборщики вручную, верстальщик, печатники на плоской машине. Главной задачей газеты было информировать немецкое население о событиях в области, в Советском Союзе и за рубежом, знакомить с советской страной, ее республиками, законами, экономикой и культурой. Печатались и все необходимые официальные материалы. Вообще «Нойе Цайт» делалась по типу большинства газет того времени. В каждом номере печаталась передовая статья на актуальную тему, подборка о том, как идет работа на предприятиях, в сельском хозяйстве, по восстановлению жилья. Помещались выступления самих немцев о том, как они выполняют план, сколько зарабатывают. Некоторые немцы проявляли себя даже как рационализаторы. Лучших рабочих поощряли денежными премиями или талонами на обувь, отрезами на платье.

Недавно я перелистывала подшивку немецкой газеты и словно вернулась в свою молодость. Нашла несколько собственных корреспонденций о работе немцев на вагонзаводе, других предприятиях. Но своих материалов писала мало. Главной моей задачей было организовать выступления самих немцев в газете, что было не так просто. Многие, особенно молодые, наиболее отравленные фашистской пропагандой, боялись, что времена переменятся и сотрудничество в советской газете припомнится им немецкими властями. Но всегда находились и те, кто соглашались выступить, образовался даже небольшой авторский актив из рабочих, учителей, служащих, которые писали по собственной инициативе, тем более что им полагался гонорар за публикацию.

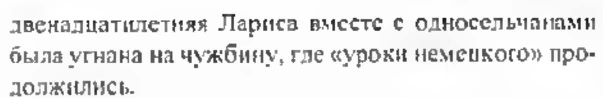
Газета «Нойе Цайт» просуществовала недолго. В связи с эвакуацией немцев на ее базе в октябре 1948 года создана молодежная газета «Калининградский комсомолец». Трудно сегодня сказать, какой популярностью пользовалось немецкое издание у самих немцев. Об этом мы спросили у одной из тех, для кого она предназначалась. Вот ответ О. К-н:

– Никакой общественной и политической работы с немцами не проводилось: кому это было надо?! О газете «Нойе Цайт» ничего не слышала. Никакой художественной самодеятельности и танцев у немцев не было. Мы думали тогда не о танцах, а об овсе и лебеде, как бы выжить!

В разговорах с переселенцами мы интересовались, как, на каком языке они общались с немцами. «Объяснялись мы с ними довольно сносно, – ответила на наш вопрос Александра Андреевна Соколова из Калининграда. – У них в ходу был солдатский немецко-русский разговорник. Так что необходимые в быту "данке", "камрад" и прочее они знали. А что непонятно было, выяснялось жестами».

Но и советские люди, особенно молодежь, быстро выучились говорить по-немецки. В их рассказах и сейчас то и дело мелькают отдельные немецкие слова и даже целые фразы. Кроме того, многим пришлось узнать чужой язык вынужденно – во время оккупации, в плену, на работах в Германии.

У Ларисы Петровны Амелиной первыми «учителями» немецкого стали австрийцы – солдаты оккупационной армии в Орловской области: «Когда они у нас в доме стояли, всё меня учили, как что будет по-немецки. Помню, взяли у меня книжки и стали смотреть. А там Ленин был нарисован и Сталин. Они говорили, что Ленин хороший, а Сталин плохой. А я тогда говорю: "А ваш Гитлер – косой!"» Эта детская дерзость не имела прямых последствий, но вскоре

двенадцатилетняя Лариса вместе с односельчанами была угнана на чужбину, где «уроки немецкого» продолжились.

И еще один вопрос показался нам любопытным: научились ли переселенцы чему-нибудь у местных жителей?

– Научились, – утверждает Александра Ивановна Митрофанова из Приморска. – Я вот приехала из Владимирской области и не знала, как компоты готовить. У нас их не делали. У нас солят в бочках: яблоки кислые в бочках, капусту в бочках, мясо в бочках. Все что есть – в бочках. А здесь я компоты в банках стала делать. Квас научилась делать. Мы на работу ходили и к одной немке зашли попить. Она нам квасу налила. Подруга боится пить, а я говорю: помрем, так помрем. А фрау: «Кушайте». Мы попробовали – как вкусно она делает! Она ревень туда кладет и хлебушка пережжет, дрожжей крошечку. Какой он вкусный! Она нам все объяснила, как готовить... Однажды я в огороде копаюсь, выкидываю такой большой куст ревеня. А соседка-немка увидела и кричит: «Ой, фрау, фрау! Дас гут!» А потом рассказала, что из него кисель можно делать. Я ей этот куст отдала. А она: «Ой, спасибо, спасибо!» Там ревень у каждого был в огороде. А мы же не знали, думали, что сорняк. И сейчас у меня он в огороде растет. Пироги с ним делаем.

Марию Ивановну Макеенко из поселка Междуречье немцы научили варить патоку из свеклы: «Долго надо было варить, кипятить, и получалось что-то похожее на черное повидло». Вообще, «фирменные» немецкие рецепты сохранились до сегодняшнего дня в некоторых калининградских семьях.

Именно здесь многие советские переселенцы впервые познакомились с тем, как был устроен традиционный европейский быт.

– Немецкие дома были хорошо оснащены. Некоторые предметы были так сделаны, что русские не знали, как с ними обращаться. Например, у нас в доме стояла стиральная машина, но мы не знали, для чего этот агрегат, и хранили в ней питьевую воду, – вспоминает Октябрина Ивановна Мешковская.

Случаи мародерства и насилия

Уже говорилось, что переселенцам трудно было разобраться в подлинных настроениях местного немецкого населения. Но одно чувство бросалось в глаза – страх.

– Они наших боялись не знаю как, – вспоминает Екатерина Сергеевна Моргунова из поселка Кострово. – Особенно когда наши мужики выпьют, они закрывались и не выходили никуда. Да и в другие дни старались из дома без нужды не показываться. Как с работы придут, в столовую сходят и домой. И не выходят. Боялись. Наши-то каких увидят, кричат: «Камрад! Камрад!» А потом как загнут матом и смеются.

– Приведите примеры гуманизма советских людей к оставшемуся немецкому населению, – так весьма категорично сформулировал свой вопрос к Юрию Николаевичу Трегубу один наш интервьюер.

– Насчет гуманизма я затрудняюсь, – ответил Юрий Николаевич, – а вот насчет злобных выходок есть примеры. Были такие случаи. На остановках трамваев, на базарах отдельные русские ругали немцев, замахивались на них, фашистами обзывали. Были случаи, когда немцев ударяли, били при всех. И никто не вступался за них, и страшно было вступаться, потому что тебе же скажут: «И ты туда же, фашист! И ты их защищаешь!» Вот такое мнение было: немец – фашист, и всё. Любой немец был фашистом: и маленький, и большой. Но это было понятно: в войну немцы уничтожали наших людей, детей. Так что в то время быть немцем означало быть изгоем. Хотя многие русские сочувствовали им и помогали.

«22.7.46 г. в поселке Рутенштайн во 2-м районе гражданин Колядин П. И. и гражданка Ивченко М. В., находясь в нетрезвом виде, с бранью напали на немку Аннер и ее брата Аннер Вили, которому отшибли ногу и раздавили половые органы. Колядин и Ивченко задержаны».

Из сводки происшествий по Калининграду за 1946 год (все фамилии изменены). ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

Незащищенным положением немецкого населения не брезговали пользоваться нечестные люди. Случалось, немцам недодавали талоны на питание, обсчитывали, задирали. Было и мародерство – вечный спутник всякой войны.

– Специально немцев никто не обижал, – считает Антонина Прокопьевна Отставных, – но иногда отношение к ним со стороны переселенцев было самым бессовестным. К сожалению, бывали случаи мародерства. Мародеры нагло вламывались в немецкие квартиры, забирали кровати и постельные принадлежности. Таких случаев было мало, но они были. На мародеров никто не жаловался. Переселенцы поругают их между собой, и все на этом.

– Наши немцев не убивали, но обижали, – говорит Матрена Федотовна Букреева. – Помню, немка на базаре продавала платье. Русская подошла, примерила, свернула под руку и пошла. Немка за ней: «Фрау, фрау!»

«Кузнецов Павел Александрович вступил в преступную связь с неустановленным гражданином и со своим братом Кузнецовым Иваном Александровичем, последние начали заниматься грабежом немецкого населения. В апреле месяце 1947 года ими ограблена немка Монке, у которой забрали домашние носильные вещи, при этом грабители были вооору-

жены гранатой и топором, в июне месяце 1947 года ограблены немки Гланер и Кригер, забрали носильные вещи, при этом был ранен немец Петершум».

Из постановления на арест 5 июля 1947 года прокуратуры г. Озерска (фамилии преступников изменены). АОР. Ф. 51. Народный суд (необработанные дела).

Большинство переселенцев убеждено, что мародерство не оставалось безнаказанным. Филипп Павлович Столповский из Багратионовска рассказал, что, когда трое русских выгребли у немцев семь мешков картошки, преступники были арестованы и осуждены.

– Двух солдат нашего батальона, которые, готовясь к мобилизации, грабили немцев по ночам, судил военный трибунал. Их приговорили к лишению свободы. Они дешево отделались: за такие дела можно было получить пулю в лоб, – свидетельствует Николай Васильевич Енин из Калининграда.

Павлу Григорьевичу Белошапскому случалось самому вступаться за немецких жителей, которых пытались ограбить или оскорбить некоторые из переселенцев. «Против таких подлецов нам, бывшим солдатам, приходилось применять физическую силу – пускать в ход кулаки».

«27/XII-46 года в 12 часов на ул. Карла Маркса в доме № 17 обнаружено два трупа. Выездом на место установлено: на втором этаже разбитого здания проживали две немки. Одна немка лежит в постели, убита топором, разбита голова, другая лежит на полу, тоже убита топором. Преступники не установлены, убийство произведено с целью ограбления, трупы направлены в больницу на вскрытие».

Из сводки происшествий по Калининграду за 1946 год. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1.Д. 2. Л. 78.

Работавшему водителем в совхозе № 13 Гурьевского района Николаю Васильевичу Купчину тоже бывало стыдно за некоторых своих соотечественников:

– Немцы, работавшие со мной (они постоянно обслуживали мою машину), жаловались мне на обиды, и мне приходилось несколько раз пресекать мерзкие выходки со стороны отдельных переселенцев, защищать немецких жителей. Вскоре вышел приказ, категорически запрещавший обижать немецкое население (это было в конце сорок седьмого года), и за нарушение этого приказа под суд было отдано несколько военнослужащих и переселенцев. Суд был показательный, в одном из помещений в правлении

Иванов В.С

Иванов К.К

совхоза, на нем присутствовали немцы. Помнится, обвиняемые получили от пяти до десяти лет лишения свободы.

Жертвами насилия становились и немецкие девушки, женщины. Вот одна история, рассказанная жительницей Правдинска Антониной Васильевной Якимовой:

– В нашем доме жила немка на втором этаже. Мы ее не трогали. Я к ней никогда не заходила. Родила она от кого-то из наших ребенка. С ним и поехала в Германию. Я ее накануне отъезда спросила: «Зачем ты на это решилась?» А та мне жестами объясняет, что не по доброй воле, пришел человек с автоматом и пригрозил. Испугалась.

> **«29 июня сего года Марьнин с целью хулиганских побуждений пытался изнасиловать немецкую жительницу Даускат Эльзу, пытался ее повалить на скамейку, а чтобы она не кричала – зажимал ей рот, но свои намерения привести в действие не удалось, т. е. Даускат у него вырвалась».**
>
> ***Из постановления об избрании меры пресечения Озерского нарсуда за 1947 год (фамилия преступника изменена).***
>
> *АОР. Ф. 51. Народный суд (необработанные дела).*

Немецкие женщины старались быть настороже, даже когда опасность оказывалась мнимой, как в рассказе Веры Алексеевны Амитоновой:

– Зимой сорок шестого года заболела мама. Пришла одна женщина – Шарлота. Помыла полы, принесла дров, угля, пробыла у нас целый день и ушла только к вечеру. Она жила в подвалах на улице Офицерской. Мама дала ей крупы. Потом Шарлота приходила еще и еще. Мама однажды говорит: «Шарлота, уже холодно, оставайся у нас». Долго та не соглашалась, но потом осталась. У нее было тревожное выражение лица, почему-то очень боялась остаться. Осталась она ночевать в той самой мансарде, где у нас стояло варенье, хранились продукты. Там было попрохладней. Мама предлагала Шарлоте перейти спать к нам в гостиную, она отказалась. А папа всегда сидит до трех ночи, работает и очень много читает. Обычно пьет чай с вареньем. Варенье кончилось, он пошел за ним на мансарду. Шарлота вскочила: «Найн, найн». Папа спрашивает: «Да что с тобой?» А она закрылась одеялом, сидит на кровати и трясется. На следующий день не осталась ночевать. Но потом пришла и прожила у нас всю зиму.

Еще одно свидетельство, без которого правда о войне была бы неполной. Это свидетельство фронтовика и замечательного человека Александра Игнатьевича Фурманова, после войны продолжившего службу в Кенигсберге:

– Общения военных с немцами не было, а наоборот, у многих оставалась ненависть к ним. Я несколько раз замечал, что ночью в пирамиде для оружия не хватало одного или двух автоматов. А поутру при построении полка нам сообщали, что ночью опять расстреляна немецкая семья или убит немец. Я уверен, что это было мщение за убитых братьев, матерей, за разграбленную нашу землю. Потому как в беседах между собой солдаты признавались, что «за отца-партизана» или «за повешенную мать рассчитался». Но это все хранили в большой солдатской тайне, так как если установят виновника или насильника, то его ждал военный трибунал.

Военнопленные

Помимо мирного немецкого населения, в области находилось большое число военнопленных. По свидетельству наших собеседников, лагеря с пленными солдатами вермахта располагались в Балтийске, Черняховске, Гусеве, Немане, поселке Ясное Славского района, недалеко от Советска и в других местах. Особенно много военнопленных было сосредоточено в Кенигсберге. В Балтийском районе целые участки обносились колючей проволокой – там они жили и работали. Иногда для их размещения использовали построенные еще немцами концентрационные лагеря, из которых в 1945 году Советская Армия вызволила русских, поляков, французов...

– А сколько здесь было лагерей! – вспоминает Александр Сергеевич Штучный, приехавший в Калининград в 1947 году. – В поселке Комсомольском был такой лагерь, где во время войны наши люди работали в тяжелых условиях, умирали – немцы ведь это видели! Моя сводная сестра была освобождена из лагеря, который находился на Куршской косе. Много русских людей работали батраками в частных домах, испытывали страх и унижения.

Нина Моисеевна Вавилова обошла, наверное, все кенигсбергские кладбища, надеясь найти могилы своих родных, угнанных фашистами с территории оккупированной Белоруссии на чужбину. Вот ее рассказ об одном из эпизодов этих скорбных поисков:

– В Кенигсберге военнопленные наши были и просто на работу сюда угнанные. Есть мост около вагонзавода. Вот мы под этим мостом надписи видели – много всяких. Помню уж мало. Ну, такое вот: «Когда-нибудь вы придете и прочитаете про нашу муку, нашу каторгу». Наши военнопленные там, под мостом, и работали, и жили. Сетками их огородили, как зверей. Есть давали сырую свеклу, брюкву, турнепс. Кидали, как скоту. За одну ночь умирали по пятнадцать человек (это мы там же, под мостом, прочитали).

Что же касается условий жизни немецких военнопленных, то они, по воспоминаниям очевидцев, были довольно сносными. Антонина Прокопьевна Отставных в 1947 году работала диспетчером на железнодорожном участке завода «Шихау» и бывала в лагере для военнопленных:

– Территория лагеря была ухожена. Чисто, много цветов и кустарников – там сейчас деревья выросли. В помещениях тоже было чисто, отопление – центральное.

Владимир Тимофеевич Максенко из поселка Междуречье Гвардейского района в то время возил пленных на работы и нередко бывал в местном лагере, у него осталось такое же впечатление:

– В лагере у них была поразительная чистота. Порядок в общежитии прямо как в госпитале. Конечно, бараки, охрана и все такое прочее имелось. Но внутри очень хорошо. Белые простыни. Кормили прямо по немецкому распорядку. Мы забывали поесть, так, иногда что-нибудь перехватим, а им строго в одно и то же время привозили обед.

Не удивительно поэтому, что среди переселенцев было распространено убеждение, что пайки у пленных больше, чем у них самих. Труд германских солдат использовался главным образом на тяжелых физических работах: они расчищали завалы, ремонтировали дома и дороги, в Славском районе укрепляли бетонными плитами дамбы в затопрайоне. Антонина Прокопьевна Отставных нередко наблюдала, как по железной дороге вагоны с углем к ТЭЦ немцы тащили вручную, если выходил из строя мотовоз или паровоз. Специалисты чинили машины, сельхозтехнику, работали у станков. Таких было много на 820-м заводе. Об этом вспоминает Михаил Иванович Иванов:

– На нашем заводе военнопленные работали честно. Когда выполняли норму, их кормили хорошо. В немецких бригадах назначались старшие, получавшие у русских мастеров задания и отвечавшие за их выполнение. Задания выполняли в срок. А еще немцы делали красивые бляхи на брючные ремни и портсигары, чтобы угодить русским. Они никогда не пререкались и не отказывались от работы. Чьи попало распоряжения не выполняли: если наш рабочий требовал от пленного сделать что-то, то тот отсылал его к мастеру за разрешением.

Военнопленные работали на вагонзаводе, на других восстанавливающихся предприятиях, в специально организованных мастерских, например, в одноэтажном кирпичном здании на месте нынешнего магазина «Океан». Использовался труд военнопленных на строительстве. По словам Якова Лукича Пичкуренко, они строили памятник 1200 гвардейцам, павшим при штурме Кенигсберга.

Помимо специально охраняемых объектов, пленных ежедневно распределяли по нарядам в различные организации и учреждения и даже направляли на сельхозработы. Постепенно к ним привыкли, и жесткий поначалу режим охраны стал ослабевать. Как это выглядело в Черняховске, рассказывает полковник в отставке Иван Сергеевич Бурденко:

– Лагерь был обнесен колючей проволокой, но охрана была слабой. Военнопленные ходили по городу достаточно свободно. Один немец у нас пилил дровишки. Они выполняли работы по нарядам в разных организациях, могли отрабатывать и у частных лиц.

Крупный лагерь находился в поселке Маёвка Черняховского района. Сюда волею случая летом 1947 года попал в качестве вольнонаемного Михаил Николаевич Чуркин.

– Я работал в мужском (а был здесь и женский) лагере, который располагался в центре поселка. На его территории находился штаб, госпиталь, где работали немецкие и русские врачи, был клуб, бараки. В лагере содержалось примерно шестнадцать тысяч человек, в основном – немцы, но были и французы, австрийцы, румыны, чехи, венгры. В числе пленных было и четыре генерала. Отличить солдата от офицера было достаточно просто, так как солдаты были наголо подстрижены, а офицеры носили короткую стрижку. Лагерь охранялся нашими солдатами, которые получали тот же паек, что и пленные. Но немецким офицерам выдавали больше сахара и папиросы, а не махорку. Все пленные выглядели хорошо по тем временам, то есть сыто. На территории лагеря были различные мастерские, в которых они работали. Знаю, что генералы изготовляли деревянные гвозди для сапожной мастерской. Были и расконвоированные немцы, которые работали в подсобном хозяйстве, но жили в зоне лагеря. Среди пленных велась активная пропаганда как нашими политработниками, так и с помощью немецких антифашистов, для чего в лагере нередко устраивались тысячные собрания. Был здесь и очень хороший оркестр из числа пленных. Иногда их выводили в город, где в доме культуры железнодорожников устраивались встречи с местным населением. Играл оркестр, многие танцевали. Где-то осенью-зимой сорок седьмого года после ряда союзнических договоров военнопленных начали отправлять в Германию. При определении очередности руководствовались степенью вины, принадлежностью к тому или иному роду войск.

В своем рассказе Михаил Николаевич упомянул межсоюзнические соглашения. Именно благодаря им военнопленные, в отличие от мирного населения, имели определенный статус и попадали под действие международных конвенций. Похоже, жилось им легче. И уже не выглядит удивительной картина их отъезда с завода «Шихау», о которой рассказал Павел Федорович Мартынов:

– Перед отъездом пленных снабдили новеньким немецким обмундированием с немецких складов, выдали заработанные ими деньги, правда, предупредили, чтоб ни одного рубля в Германию не увозили. Они закупили продуктов, водки, коньяка и устроили банкет, на который пригласили руководство лагеря. Прошло еще немного времени, однажды военнопленных построили в длинную колонну по четыре или шесть человек в ряд, и они отправились на вокзал.

Может, это были те самые пленные, которых запомнила шестилетняя девочка Раиса Сергеевна Гар-

гун : «Тогда мы уже в Гвардейске жили. Составы с немцами ставили на запасные пути. А мы, дети переселенцев, ходили туда просить хлеб. Они бросали и смеялись. А рожи у них были красивые, откормленные...»

ВЫСЕЛЕНИЕ

Акция, о которой будет рассказано в этой главе, в различных документах называется по-разному: «переселение», «депортация», «перемещение», «изгнание». И все-таки наиболее точный смысл произошедшего в 1947-1948 годах события передает народная память. Все наши собеседники в своих воспоминаниях употребляли одно и то же русское слово – «выселение».

Отсрочка депортации

На Потсдамской конференции летом 1945 года наряду с территориальным вопросом обсуждалась проблема депортации немцев с земель, которые вошли в состав других государств после окончания войны. Принудительному переселению в Германию из Польши, Чехословакии и других стран подлежало несколько миллионов человек. Союзники определили принцип и сроки выселения, общее руководство процессом поручалось Контрольному Совету в Германии.

Однако на Потсдамской конференции не заходила речь о статусе тех немцев, которые оказались в Кенигсберге и его окрестностях. Сталин давал понять, что местного населения здесь почти не осталось, союзники же не проявляли ни интереса, ни особой настойчивости в этом вопросе.

Таким образом, десятки тысяч германских граждан, оказавшихся на исходе войны в северо-восточной части Восточной Пруссии, выпадали из сферы действия Потсдамских соглашений; на них не распространялись правила репатриации; советская сторона не имела в этом плане никаких обязательств, не должна была предоставлять союзникам информацию о численности немцев, сроках и порядке их депортации. Судьба местного населения полностью зависела от новой администрации, в первую очередь от планов советского руководства и лично Сталина.

В первые два года после окончания войны случаи выезда немцев с территории Восточной Пруссии были довольно редкими. Свидетельствует Александр Георгиевич Факеев:

– При каждом гражданском управлении района или города были образованы отделы по розыску родных и близких, потерявшихся в войну и проживающих за пределами Советского Союза. В них входили и немцы, знающие русский язык. Многие находили своих родных не только в Центральной Германии, но и в других странах, им оформлялись соответствующие документы и выдавались разрешения на выезд.

Елена Ивановна Неберо уточняет, что в таких случаях «немцам разрешалось уезжать со всем скарбом».

Судя по всему, получить разрешение на выезд было непросто. Желающим уехать приходилось идти на всяческие ухищрения. О таком случае рассказал Михаил Николаевич Мешалкин из Краснознаменска:

– Один немец хотел уехать в Германию и просил пропуск у начальника участка лейтенанта Василия Жарнова. Чтобы получить разрешение, он показал зарытые в лесу в блиндаже два велосипеда и мотоцикл. Пропуск он, кажется, получил.

У нас сложилось впечатление, что на первых порах выселение местного населения не только не форсировалось, но даже сдерживалось. Отсрочка на два с лишним года депортации немцев была вызвана прежде всего практическими соображениями. Перемещение десятков тысяч людей требовало определенной подготовки. Кроме того, форсированное выселение немцев могло привлечь внимание Запада к проблеме Восточной Пруссии, ведь вопрос об окончательном урегулировании границ откладывался до мирной конференции. Наконец, советское правительство рассчитывало использовать труд и знания немецкого гражданского населения для восстановления промышленных предприятий, расчистки населенных пунктов от завалов, работы в сельском хозяйстве. А заселить новую область советскими людьми в короткие сроки было невозможно.

«Они не хотели уезжать»

После массового переселения в Калининградскую область в течение 1946-1947 годов советских людей стала возможна депортация местного населения. Она была осуществлена на основании двух секретных постановлений, подписанных Сталиным 11 октября 1947 года и 15 февраля 1948 года. Переселение немцев в советскую зону оккупации Германии должно было осуществляться в три этапа: поздней осенью 1947 года, весной и осенью 1948 года.

«1. Начальнику УМВД по Калининградской области генерал-майору тов. Демину переселить в 1947 году из Калининградской области в Советскую зону оккупации Германии 30 тыс. немцев, из них 10 тыс. человек в октябре и 20 тыс. человек в ноябре 1947 года.

2. Переселению подлежат в первую очередь немцы, проживающие в гор. Балтийске и в районе побережья Балтийского моря, а из других районов области нетрудоспособные семьи немцев, не занятые общественно-полезным трудом, немецкие дети, находящиеся в детских домах, и престарелые немцы, содержащиеся в домах инвалидов.

3. Переселяемым немцам разрешается взять с собой личное имущество до 300 кг на семью, за исключением предметов и ценностей, запрещенных к вывозу таможенными правилами».

Из совершенно секретного приказа министра внутренних дел СССР С. Круглова от 14 октября 1947 года. ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 12. Д. 229. Л. 104.

Переселяемые немцы снабжались сухим пайком на дорогу и обеспечивались медицинским обслуживанием в пути. Организация переселения возлагалась на Министерство внутренних дел. Первый эшелон с немцами отправился из Калининграда 22 октября 1947 года.

Почти все, кто нам рассказывал о выселении немцев, сходились в одном: многие из местных жителей не хотели уезжать.

– Уезжать они не хотели. Стояли на остановке с узлами, ждали машины и плакали. Здесь была их родина, здесь были похоронены их близкие. Некоторые говорили, что обязательно вернутся, что уезжают ненадолго, – рассказывает Галина Павловна Романь.

– Когда началось выселение, – вспоминает Иван Васильевич Ярославцев, – чего только они ни делали, только бы остаться в своем городе. Согласны были работать на самых трудоемких работах. Мой знакомый немец, работник ЦБЗ, когда ему было приказано выехать, плакал и спрашивал: «Неужели мы чему-то помешали?» Но был приказ из Москвы, и делалось все, чтобы «искоренить тяжелый дух».

– Из нашего совхоза № 8 выселили немцев быстро. Это были в основном женщины и дети. Подогнали десять машин, их туда посадили. А у них в руках узелки, все самое необходимое. Многие женщины плакали, не хотели ехать, но солдаты забирали всех. Один мальчик лет четырнадцати, он был у нас почтальоном, просил его оставить: у него погибли отец и мать, а в Германии родственников не было. Но его заставили уехать, – рассказывает Екатерина Михайловна Ковалева.

– Здесь их родина, их дом. Сколько было слез, когда выселяли. Плакали старики. А женщины есть женщины. Для меня слезы – это всё. Конечно, было жалко. Плакали они культурно – не так как русские – слезы в сторонке вытирали, – свидетельствует Капитолина Арсентьевна Татаринцева из Багратионовска.

Случалось, что в организационной неразберихе сталкивались два человеческих потока. В октябре 1947 года на Куршскую косу, в поселок Рыбачий, привезли большую группу переселенцев из Новгородской области. «Привезли нас в теплые хаты. Мы с баржи, а немцев – на машины: шестнадцать килограммов в руки и увезли» (Михаил Михайлович Рябов).

Выселяли всех подряд – желания не спрашивали. Сергей Владимирович Даниель-Бек рассказал о профессоре Зирке, работавшем переводчиком на 820-м заводе: «Он говорил, что у него здесь похоронены предки, что он не поедет – пусть грузят силой. И его действительно увезли насильно». Прасковья Ивановна Котова из Краснознаменска на всю жизнь запомнила сцену: «Одна немка у нас в поселке Толстово до того не хотела уезжать – подошла к своему дому, обняла его руками, стала плакать, слезы так и лились».

Среди дисциплинированных немцев находились такие, которые не желали примириться со своей судьбой. «Когда немцев стали выселять, они стали прятаться. Но их разыскивали, сажали в товарные поезда и увозили» (Антонина Семеновна Николаева, г. Ладушкин). По словам Ирины Иосифовны Лукашевич, из Зеленоградска последних немцев увозили в октябре-ноябре 1948 года: «Мама мне рассказывала про немца-доктора, который повесился из-за того, что не хотел уезжать». О другом подобном случае вспомнила Евдокия Федоровна Андрюшина из поселка Узловое: «Здесь жила молодая немка, было ей лет двадцать, жила одна, работала вместе со всеми, немного говорила по-русски, коса у нее была длинная. Очень не хотела уезжать и вот здесь, неподалеку, в лесочке, повесилась».

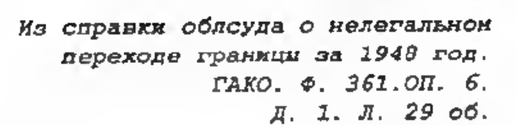
Судя по собранным нами свидетельствам, был один способ избежать депортации: укрыться в Литве. Из тех, кто поступил таким образом, некоторые в пятидесятые годы вернулись и остались жить в нашей области. О таком случае рассказала Вера Алексеевна Амитонова:

– Я знала одну немку интересной судьбы, ей в сорок восьмом году было семнадцать лет. Когда выселяли, то она ушла в Литву, там пересидела, а когда все утряслось – вернулась. Работала мужским мастером в парикмахерской рядом с политехникумом. Звали ее Кэтрин. Прошло уже много лет, а у нее все еще оставался сильный акцент.

Наконец, вывезенные насильно немцы, случалось, пытались вернуться назад нелегально через границу. Это было одним из наиболее массовых видов нарушений. Только за первое полугодие 1947 года в области за нелегальный переход границы осуждено 117 немцев – граждан Германии.

«В отношении осужденной Тома Эльзы по ст. 84 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на один год мера наказания применена чрезмерно мягкая.

Тома Эльза, 1922 года рождения, немка, проживала в г. Калининграде. В ноябре 1947 г. в числе других немцев была вывезена советскими властями в Германию. Два раза Тома Эльза нелегально переходила границу с целью пробраться в СССР, за что дважды была судима польскими судебными органами и отбывала тюремное заключение. Отбыв наказание, Тома нелегально перешла госграницу СССР с Польшей и в районе станции Гердауэн была задержана советскими пограничниками».

Из справки облсуда о нелегальном переходе границы за 1948 год. ГАКО. Ф. 361.ОП. 6. Д. 1. Л. 29 об.

Объективности ради отметим, что некоторые из наших собеседников сохранили другие впечатления о настроении выселяемых немцев. «Уезжая, они не скрывали своей радости по поводу отъезда в Германию» (Валентина Ивановна Цапенко). «Немцы уезжали с удовольствием: не хотели с русскими жить» (Мария Ивановна Токарева).

Как проходило выселение?

Уже говорилось, что депортация немцев была поручена органам МВД, но в стороне не оказались и военные (они, как всегда, обеспечивали транспортом). Привлекалась и общественность. В районах создавались комиссии по переселению, их члены составляли и уточняли списки немцев, вели среди них разъяснительную работу. Обычно подлежащих выселению предупреждали за несколько дней, но так было не всегда.

Татьяна Павловна Мулинкова работала в швейной мастерской в Балтийске вместе с немками: «Однажды пришли мы все на работу, а немцев нет, работать некому. Это было в сорок восьмом году. Тогда ночью, за одну лишь ночь, все немецкое гражданское население угнали в Германию. За одну ночь – как ветром сдуло».

Узнав о предстоящей депортации, местные жители старались припрятать (в надежде когда-нибудь вернуться) или продать наиболее ценные вещи, а некоторые, как вспоминает Нина Михайловна Алексеева из поселка Полтавка Полесского района, говорили: «Проветривайте наши квартиры, мы обязательно вернемся». «Немцы перед отъездом все-все продавали. Вдоль улиц мебель всякая стояла. Продавали за бесценок. Им можно было обменивать сколько угодно рублей на марки. Вот они и стремились все продать», – вспоминает Клавдия Алексеевна Чумакина.

Ограничения при обмене денег, видимо, все-таки были. Иначе как объяснить свидетельство Маргариты Павловны Алексеевой, в то время жившей в Немане: «После продажи своих вещей они тут же тратили деньги на рынке: покупали масло, колбасы, фрукты, сметану стаканами пили».

Перед отправкой на вокзал немцев, как свидетельствует Надежда Алексеевна Агафонова, водили обязательно в баню. Так было, по крайней мере, в Калининграде. Наши собеседники вспоминали и месторасположение сборных пунктов: на улицах Комсомольской, Киевской и Павлика Морозова. Там выселяемых сажали на грузовики и везли в сторону вокзала. О том, как это проходило, рассказал Александр Игнатьевич Фурманов:

– Подразделение нашего 83-го танкового полка участвовало в доставке немцев на Южный вокзал. Мы вывозили их на машинах «студебекер». Каждому старшему группы давалось указание, сколько семей и сколько раз вывезти на вокзал. Немцам разрешалось брать с собой носильные вещи, но они брали еще перины, одеяла, домашнюю утварь – сколько могли унести. Солдаты помогали и грузить, и тащить вещи, и залезать немцам в машину, так как те были обессилены. К приезду машины они сидели на узлах и ждали. Все были какими-то безразличными, с потухшими глазами.

Похоже, на всех машин не хватало. Алевтина Васильевна Целовальникова запомнила, что выселяемые немцы уходили из города колоннами по нынешнему проспекту Мира. Несли с собой рюкзаки, чемоданы. Конечно, крупные вещи с собой не утащишь.

Александр Николаевич Пушкарев в качестве шофера принимал участие в выселении немцев из Славского района. Вот его рассказ:

– Нас подняли ночью, приехала милиция, говорят: «Готовьте машины, поедете за немцами». Нужно было привезти немцев с окраины района в Славск на станцию. Там у них был рыболовецкий совхоз. От Славска километров пятьдесят. Темно, дороги плохие. Мы, когда за немцами поехали, по дороге нагрузились кирпичом, ямы и колдобины засыпать. Вот первая машина натолкнется на яму, остановится и сбрасывает кирпичи. Потом пропускает вперед другие, а сама становится в хвост колонны. И так мы ехали. Приезжаем в поселок, темно. Немцы уже были готовы. Быстро погрузились. Чемодан в руки – и в машину. Норма такая была: один чемодан на человека. Если в семье три человека, значит, три чемодана. Ну, конечно, перины, подушки, мебель – все оставляли. Повезли немцев в Славск, прямо на станцию. Там уже стоял состав. Для них приготовили товарные вагоны. Как немцев отправляли, я не видел. Знаю только, что милиционер на вокзале собирал с них по пятнадцать рублей, будто бы за доставку их на вокзал машинами. Деньги, конечно, взял себе. Мы потом его зажали, пришлось ему раскошелиться.

Тогда же, осенью 1948 года, Анна Викторовна Зыкова бывала на вокзале в Калининграде:

– Меня в числе других послали туда торговать. Вероятно, немцев привезли на автобусе, потом они перешли в пассажирские вагоны, идущие в Германию. Видела много монашек в одежде с белыми накидками и крестами на них. Немцы покупали колбасу, сыр, особенно шоколад. Хлеба брали мало, говорили, что в Германии его хватит всем.

По-разному провожали немцев. Некоторых эта акция оставила равнодушными, но были и трогательные моменты.

– Из Багратионовска немцев эвакуировали в конце сорок седьмого – начале сорок восьмого года, – говорит Александра Петровна Прохоренкова. – Собирались они с неделю. Хорошо мы их провожали. Продукты купили. На вокзале столы поставили, буфет организовали.

По словам Варвары Даниловны Комарецкой, «в совхозе "Канашский" жили немцы очень бедно, так совхоз им устроил прощальный вечер, купили всем пальто, обули всех. В клуб две гармошки принесли, танцевали». «Когда человек двести немцев выселяли из Штампелькена (сейчас поселок Осиновка), – вспоминает Анна Ивановна Тихомирова, – так мы прощались с ними, как с родными. Те тоже не хотели уезжать, говорили, что привыкли к русским».

А вот и совсем неожиданное свидетельство: «Как немцы уехали – повалили письма нашим рабочим. Например, Миша Сорокин переписывался». Об этом знаменательном факте сообщил калининградец Иван Пантелеевич Лысенко, работавший в то время в одной из строительных организаций города. Подвергшиеся принудительному выселению немцы в большинстве своем не держали зла на простых людей, с кем рядом жили и вместе работали.

– Когда я работал в Озерске, – рассказывает Александр Васильевич Кузнецов, – у нас сторожем был старик-немец, его звали Бауэром. Не знаю, была ли это его фамилия или просто так прозвали. Он жил со своей старухой. Если бы не я, он бы умер. Я ему то картошки дам, то муки немного. Он и его старушка выжили. Старичок Бауэр уезжать не хотел, плакал. Когда отправляли, приходит он ко мне и говорит: «Что тебе подарить?» «Ничего», – отвечаю. Он все-таки принес мне скамейку для ног, фанерный ящик вроде чемодана и бинокль. Принес все самое ценное, что у него осталось. Бинокль я не взял, сказав ему, что его можно будет еще продать. А скамейку и чемодан я сохранил как память.

Случаев, когда отъезжавшие немцы дарили вещи своим советским знакомым, было очень много. «Мне немцы, работавшие со мной на маслозаводе, отдали при расставании свои личные инструменты. Я дал им на дорогу денег и немного продуктов. Не знаю, помогло ли им это» (Павел Григорьевич Белошапский). Хасьяну Секамовичу Аляутдинову немцы «оставили всю домашнюю утварь, сказав, что они отдают ее как хорошему соседу. Моему сыну они дали девяносто рублей советских денег, потому что их вывозить не разрешалось. Отдавали со словами: "Держи, Валентин! Это тебе!"»

Таких рассказов записано множество, но изредка встречалось и другое. Анне Ивановне Трубчаниной запомнилась рыжая немка из поселка Заливное, которая била свою посуду и приговаривала: «Лучше я все разобью, но русским [...] ничего не достанется...»

А Екатерина Петровна Кожевникова из Приморска описала такую картину:

– Они когда уезжали, всё уничтожали. Тут, говорят, некоторые много вещей оставляли. Не знаю, может, в городе и оставляли, а тут всё-всё уничтожали. Это я по подсобному хозяйству сужу. Они ведь не как мы. Они на пуховой перине лежали, пуховым одеялом укрывались. Вот они на улицу выходили, раз! – пуховые перины разрезали и на ветер. Как снег летел пух. Ветер с моря сильный, все перины, одеяла выпускали. Посуду били. Посуды у них много было, красивая

Серов В.А.

Боим С.С.

такая. Работящий, культурный народ. И прямо на камни – бух!

Как уже отмечалось, при отъезде немцам разрешалось брать минимум имущества. Нам называли разные цифры: 10, 16, 20, 24 килограмма на человека. В действительности, по постановлению советского правительства, подлежало вывозу личное имущество до 300 килограммов на семью. Об этой цифре из наших переселенцев никто не слышал. Вряд ли о ней знали и немцы. Общее правило состояло в том, что на человека полагался один чемодан или узел, рюкзак, мешок. Да и много ли могли унести ослабленные старики, женщины, дети?

Что же стало с оставленным немцами имуществом? Согласно инструкциям, оно оприходовалось. «Я участвовал в выселении немцев в 1947-1948 годах, – рассказывает калининградец Александр Августович Мелнгалв. – Ходил по квартирам, описывал имущество. Я описывал имущество в двух домах у сохранившегося двойного моста. Им разрешалось брать немного. Остальное грузилось на машины и свозилось куда-то на улицу Фрунзе». Александр Игнатьевич Фурманов называет еще один склад – на Аллее Смелых.

О судьбе оставшегося имущества спрашиваем Александру Григорьевну Пермякову.

– Не знаю, – отвечает она. – Это вам лучше поговорить с В-ным.Он живет на улице Каменной, у него дом большой, немецкий. Он вывозил немцев и забирал их добро. У него сараи были большие во дворе, так чего только там не было! И мебель, и посуда, и белье. Всё завалено.

А вот ответ жителя Славска Александра Николаевича Пушкарева:

– Все оставшееся в домах имущество приказали свозить в один сарай. В радиусе двадцати километров собирали по хуторам и поселкам шкафы, стулья, столы, всю мебель. На машинах отвозили. Вроде бы для того, чтобы сохранить лучше. Переселенцы приедут, для них будет готова мебель. Только глупости это всё. Ничего они не сохранили. Дороги были разбиты, пока везли мебель на склад, от нее одни доски оставались. Ее же надо было привязывать и везти аккуратно. А так что получилось: шкафы побросали на машины как попало, везли побыстрее, машина трясется. Ну, в общем, никому дела не было. Да и на складе половина мебели сгнила, половину растащили. Само же начальство и тащило.

Несмотря на строгость решения о депортации, некоторым местным немецким жителям все же разрешали остаться. Кем были эти люди?

Во-первых, исключение делалось для германских коммунистов и участников антифашистского Сопротивления. Иван Пантелеевич Лысенко знал коммуниста Швибе, который принял советское гражданство, работал инженером в строительстве и умер в Калининграде. Во-вторых, оставляли специалистов, без которых не могли обойтись некоторые промышленные, да и сельскохозяйственные предприятия. В Железнодорожном, например, оставили мастера пивоварения. Большинство их депортировали несколько позднее, в 1949-1951 годах. Немногие, буквально единицы, все-таки остались навсегда. Причины и обстоятельства были различными.

Владимир Иванович Васильев из поселка Садовое Озерского района рассказал о таком случае: «В совхозе "Трудовик" (№11 – так его раньше называли) осталась семья немцев. Пауль – так их фамилия. Недавно только уехали, лет пять назад. Работал он трактористом, а в сезон – на комбайне. Был лучшим комбайнером совхоза, награждали его премиями, медалями, был хороший работник, общительный человек».

О другом случае поведала калининградка Нинель Алексеевна Канайлова:

– Из всех немцев здесь остался только один человек. Мы с ним были знакомы. Может быть, вы слышали про него? Он философом был, его фамилия Вайнгартен. Его старые калининградцы все знают. Рассказывали про него, что ему предложили здесь преподавать философию, но он сказал, что не в том возрасте, когда можно переучиваться. А у него была другая хорошая специальность. Он был альфрейщиком – это лепнина, лепка на стенах зданий. И он работал на восстановлении домов по этой своей специальности. У него была роскошная седая шевелюра, развевающиеся волосы, он никогда не носил головного убора... Это была запоминающаяся фигура. Он несся по улице, и волосы летели за ним. Мы познакомились с ним в иностранном отделе областной библиотеки, где собирались молодые учителя иностранного языка. И так как ему хотелось поговорить, он прекрасно говорил по-французски, по-немецки, он с нами, с молодежью, проводил вечера в библиотеке. Он прожил долго, умер сравнительно недавно.

Смешанные семьи и их судьба

Депортация имела еще одну печальную сторону. За несколько лет совместной жизни люди знакомились, начинали дружить, а случалось – влюблялись, создавали семью, заводили детей. Официальные власти не поощряли смешанные браки, рассматривали их как незаконные.

Зинаида Иосифовна Опенько приехала, когда немцев уже в основном выселили:

– Только которые оженились здесь на немках, с теми вопрос решался. То ли ему ехать туда, в Германию, то ли ей здесь оставаться. Но немки почему-то стремились уехать туда. Так семья и распадалась. Ну, нормальные люди, конечно, были, но нельзя было законно регистрироваться. Он, например, член партии. Пожили так, годик потянули, а позже разошлись.

Алексей Васильевич Трамбовицкий был знаком с семьей зубного врача по фамилии Ваксиер:

– У него была частная практика – где-то на улице Вагнера. У них были сын и дочь. Сын жил с русской женщиной, работавшей бухгалтером. Их брак не был

зарегистрирован. Когда немцев стали отправлять в Германию, Вакенер просил, чтобы его с семьей оставили, но их все же отправили: закон был один для всех.

Было еще одно побочное следствие разрушения смешанных браков. «Некоторые мужчины, которые жили с немками, после выселения вспомнили своих первых жен и стали выписывать их в Калининград из России», – говорит Мария Ивановна Самойлюк.

«В быту прочной семьи не имеет, жена давно умерла, оставив сына, которому сейчас 12 лет и находится при нем. Временно сожительствует с молодой немкой, которая уже имеет полуторемесячного ребенка. Вечерами дома часто отсутствует, посещая своих друзей и знакомых и часто выпивает с ними, но на работе пьяным не бывает. Изыскивает пути избавления от "жены-немки", но этому мешает появившийся ребенок. Надеется на скорое разрешение вопроса о выселении немцев из пограничной зоны и на этом закончить существующую связь с немкой».

Из служебной характеристики управляющего аптекоуправления Литвинова (фамилия изменена) от 18 февраля 1947 года.
ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.

«Вместо того чтобы максимум энергии уделить на организацию и улучшение медицинского снабжения, Литвинов встал на путь моральной распущенности. Свыше года сожительствовал с немкой, имеет от нее ребенка, тем самым дискредитировал себя не только как областного работника, но и как гражданина СССР.

При неоднократных беседах Литвинов и до сего времени в семейных отношениях русских с немцами не находит ничего порочного, считая связь вполне нормальным и достойным для гражданина СССР».

Из письма зам. начальника областного управления по гражданским делам в Минздрав РСФСР от 24 мая 1947 года (фамилия изменена).
ГАКО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 7. Л. 93.

Особенно много историй о разделенных семьях и несчастной любви рассказали женщины. Агния Павловна Бусель была знакома с немкой по имени Марта, с которой связана печальная история: «Полюбил ее один сверхсрочник. У них родился ребенок. Куда только он ни писал, ни обращался в Москве, чтобы разрешили оставить Марту и ребенка. Но так и не оставили. Он потом женился на русской, но очень сильно тосковал. Счастлив в новой семье не был. Так от тоски и умер очень быстро после выселения Марты с этой земли».

А вот что поведала Ирина Васильевна Поборцева:

– Молодой лейтенант ухаживал за немецкой девушкой. Они, можно сказать, поженились. Родила она ему троих детей за три года. Но в сорок девятом году ей было сказано, чтобы она покинула Калининград. И вот, знаете, до чего было больно и страшно видеть и слышать детские слезы и плач на вокзале: «Папа, а ты поедешь с нами?» Русских детей увозили в Германию. Рушилась семья. Ведь можно было их оставить, и детей, и мать. Ведь это натуральная жестокость. А результат какой? Разломанные судьбы. Что будут дети чувствовать вдали от Родины, от отца? Кстати, этот парень покончил с собой...

Наверное, такие истории запечатлелись в людской памяти своей житейской жестокостью и какой-то изначально понятной человеческой несправедливостью.

Простая история

Полное имя героини этой невыдуманной истории мы, по ее просьбе, не приводим. Назовем ее просто фрау Ольга. Наша собеседница по национальности немка, коренная жительница Восточной Пруссии, одна из очень немногих, навсегда оставшихся на своей родине. Ее рассказ начинается с 1945 года:

– Однажды, когда я работала кассиршей в бане, уже после закрытия, ко мне в окошко постучали. Я сказала, что рабочее время окончилось. Лейтенант, стучавший в окошко, сказал, что он новый начальник районного гражданского управления. Я ему ответила, что все равно открывать не буду. Потом я пошла в помещение парикмахерской, где закончили стрижку оставшиеся офицеры, и спросила их, правда ли, что приехал новый начальник управления. Они ответили утвердительно. Я пошла и открыла лейтенанту дверь. Потом он каждый раз приходил в баню в то же время, под вечер. И как-то раз лейтенант предложил мне выйти за него замуж. Я ему объяснила, что у меня есть муж. Тогда лейтенант рассердился и сказал, что выселит меня в военный совхоз №51. Я испугалась, так как знала, что там от голода умирали...

Директор бани, эстонец лет 65-ти, посоветовал мне, чтобы я пошла к этому лейтенанту и извинилась, хотя бы ради детей, потому что здесь другой власти, кроме этого лейтенанта, нет. Я так и сделала. Как-то раз я дождалась его за углом его дома, подошла к нему и попросила у него прощения. Он от радости чуть не прыгал. Стал приглашать меня в дом. Я зашла. Он стал приглашать меня в комнаты, но я сказала, что мне надо идти на работу. Лейтенант сказал, что работа обождет, что он здесь начальник. Я ему возразила, что все это, конечно, так, но надо переводить с немецкого на русский и обратно, и никто этого, кроме меня, не

сделает. Я ушла. Вскоре ко мне на работу пришел этот лейтенант и принес мне яблоки. Он пригласил меня в сад погулять. Я не согласилась. Немки-парикмахерши мне сказали: «Дура, если бы нас пригласили, мы бы пошли. Брось свою гордость». И я пошла с ним в сад. Лейтенант сделал из газеты кулек и набрал в него малины: он знал, что у меня двое детей, и сделал это для них. Он попросился ко мне домой. Я подумала сначала, что он хочет помочь мне обустроить мой быт, а он хотел остаться у меня на ночь. Я его вытурила... Потом он пришел как-то раз и с ним два его друга-офицера. Они встали на колени и стали упрашивать меня ходить к ним готовить обед. Я жила тогда в десятиметровке, рядом в комнате жили четыре немки. Они стали мне говорить: «Соглашайся. Ведь ты же не девушка, а женщина. Что тебе будет?» Время было уже позднее, половина второго ночи. Наконец-то офицеры меня уговорили, и я сказала им, что завтра приду готовить обед.

На следующий день я пришла к ним готовить. Если я обещаю что-то, то обязательно сдержу слово. Когда я шла к ним по улице, видела, что они втроем смотрят из окна; видимо, они не верили, что я приду. Лейтенант меня на входе в квартиру поцеловал. Друзья лейтенанта жили у него. Я им готовила еду два месяца. Потом лейтенант увидел, что я нравлюсь его друзьям, и прогнал их, сказав, чтобы те сами искали себе квартиры. К тому же я видела и знала, и весь район и милиция знали, что я ему нравлюсь. Он даже когда умирал, и то ревновал. Когда я в пятьдесят шестом году через Красный Крест нашла своих родственников в Западной Германии и своего первого мужа, а мой второй муж, этот лейтенант, узнал об этом, а у нас тогда уже было с ним двое своих сыновей, то он сказал мне, что если я уеду, то он повесится. Он любил меня и моих детей. Дочку он удочерил, а сына усыновил. Когда он что-то покупал для нашей семьи, то сначала он покупал мне, потом моим детям и только потом себе. Но все это было еще впереди.

Как-то раз лейтенант сказал мне: «Давай вместе жить». Я согласилась. Он везде хвалился, что у него жена-красавица. Когда я шла по улице, то в открытые окна на меня смотрели люди.

У моего нового мужа, хотя мы и не расписывались, были из-за меня неприятности. Его вызывали на заседание партийного бюро, уговаривали бросить меня, пока не поздно, что потом ему будет сделать это гораздо сложнее, что ему никто не даст зарегистрировать наш брак, что я была замужем за немцем и у меня немецкое гражданство. Но мой муж никого не слушал. В начале 50-х у нас родились сыновья, и в семье стало четверо детей. Все дети были на моей фамилии, и он из-за этого очень переживал и даже предложил мне, чтобы мы не регистрировали нашего второго ребенка, если нам не дадут возможность оформить наш брак.

Когда в 1956 году я нашла своих родственников в Германии, то у моего первого мужа там уже была вторая семья, был ребенок. И если бы я уехала, то здесь семья была бы разбита и там вторая семья моего мужа была бы разбита. Кроме того, я была благодарна своему второму мужу за то, что он спас моих детей от первого брака от голодной смерти. Вот почему я осталась в России.

Когда в 47-м шло выселение, мой муж съездил в Литву и там за пятьдесят рублей раздобыл заверенную справку, что я литовка. Перед выселением всем немцам через участкового милиционера сообщали, что мы должны будем уехать; сказали, сколько и чего можно брать с собой в дорогу. Я с детьми тоже попала в списки выселяемых. С другими немцами прибыла на вокзал. На вокзал приехал и мой муж. Перед этим он

Голованов Л. Ф.

Корецкий В. Б.

выпил в столовой. Его там увидели офицеры милиции, которые знали, что он живет с немкой. Они спросили у него: «Ты тоже свою отправляешь?» Он ответил утвердительно. На это офицеры сказали: «Дурак! Если любишь – беги и забери их!»

Я с детьми была уже в вагоне. Погрузкой немцев в вагоны распоряжался какой-то полковник. Мой муж был тогда при орденах. Он подбежал к полковнику и спросил его: «Какое право имеют отправлять советских граждан в Германию? Ведь она же литовка! Кто за это ответит?» Муж просил у полковника разрешения съездить со мной к генералу Навалихину. Он показал полковнику свой партбилет и спросил его, почему ему верили, когда он воевал, а сейчас не верят в том, что его любимая женщина – литовка. Мужу разрешили. Он со мной поехал к генералу. К нему в кабинет он зашел один, а когда вышел, то на моем пропуске на выезд в Германию было написано рукой генерала: «Оставить».

Когда я вернулась с мужем и детьми домой, то у всех соседей от изумления глаза полезли на лоб: ведь милиция их просила проследить, чтоб я уехала вместе с детьми.

В сорок восьмом году отправили не всех немцев, оставили нужных специалистов. Окончательно всех выселили в пятьдесят первом году. Тогда же меня опять решили выселять. Но в это время у нас был общий сын, и муж написал Швернику в Кремль, что свою жену никуда не отправит. Через две недели пришло указание из Москвы о выдаче мне советского паспорта. Меня в УВД спросили, когда выдавали паспорт, кто же я на самом деле: литовка или немка? Я ответила, что немка. Тогда меня спросили, почему я врала? Я сказала, что не хотела уезжать.

Отношение переселенцев к депортации немцев

Разным было отношение советских людей к выселению немцев. Были и равнодушные, и удовлетворенные этой акцией. «Русские спокойно относились к выселению. Что они были, что нет» (Маргарита Павловна Алексеева). «Тогда все равно было, все относились безразлично, – говорит Мария Николаевна Токарева. – И сейчас думаю, что правильно их выселили».

– Мы им очень сочувствовали, – вспоминает Нина Моисеевна Вавилова, – говорили: «Зачем вы их выселяете, ведь они же нам никакого вреда не делают?» А нам отвечали, что из Москвы пришло указание выселить всех до последнего человека.

Судя по интервью, сочувствуя и жалея немцев, немногие из переселенцев тогда считали депортацию мерой несправедливой.

– Мы верили, – говорит Петр Тихонович Шевченко, – что выселение само собой нужное дело. Сейчас думаю, что жили бы они здесь да и жили. Они нам не мешали.

– Нужно было спрашивать их желание, – добавляет Вера Алексеевна Амитонова. – Кроме того, применить классовый подход. А то ведь выселяли рабочих, крестьян.

Владимир Тимофеевич Максенко считает, что «не было бы толку, если бы немцы остались: к нашей безалаберной системе они непривычны».

И все же сегодня большинство первых советских переселенцев критически оценивает акцию депортации.

– Вот, кажется, что не все правильно мы тут делали, – говорит Александра Андреевна Клюка. – Не надо было немцев-то насильно увозить. Пусть бы жили себе, кто хотел. Ведь сюда много случайных людей приехало. Шли в сельское хозяйство работать, а сами ничего в нем не понимали. Вот и пошло все наперекосяк. Хозяева-то ушли, вот земля родит плохо. Не чувствуем себя хозяевами. Сердце болит.

А вот размышления Александра Игнатьевича Фурманова:

– Тогда я считал, что немцев выселяют по справедливости: они отвоевались, а эта наша земля по закону. Теперь же начинаю понимать, что мы просто безбожно уничтожили все, что осталось после немцев, даже хорошее. Это, конечно, было варварством. Но надо понять и нас. В те годы все здесь было чужое, немецкое. И у всех было стремление навсегда искоренить фашизм и пруссачество.

В заключение еще один рассказ из интервью Анны Ивановны Рыжовой:

– У меня была совсем маленькая сестричка. Родители целыми днями на работе – трудодни зарабатывали. Решили взять няньку из немок. А та немка от худобы светилась даже. Вся в лохмотьях! И глаза не двигались: смотрят прямо, бездумно, бессмысленно. Каждые три дня стирала свою одежду и тут же мокрую одевала. Но детей очень любила, очень бережно относилась к сестре – как мать. И все молчала. Дают есть – берет, забудут про нее – виду не подаст, что голодная. На груди у нее медальон какой-то был. Как вечер, снимает его, на колени встанет и долго-долго молчит. Я понимала: молится. Что у этого несчастного человека тогда в душе творилось? Сколько горя свалилось на эту почти девочку? И за что?.. Но она верила! Если молилась, значит, верила, что может вырваться из этого кошмара. А может, о душе молилась?

– Но ведь были среди немцев и такие, которые приняли новую власть?

– Приняли? Абсурд! Дело здесь не во власти. Дело в самом понятии «родина». Это для немцев святое. Я уверена, что многие из них захотели бы остаться, если бы была возможность. Одним повезло, другим нет. Жизнь. А наши власти добросовестно исполняли приказ: «изгнать прусский дух». Законы послевоенного времени...

Печатается по: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. – Бельведер – СПб. 2002.

Иван ЧУХИН

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ

Из Восточной Пруссии – в Карелию.

Из истории 517-го лагеря НКВД СССР для интернированных немецких женщин

<...> 16 декабря 1944 года, за два месяца до Ялтинской конференции, официально разрешившей СССР в качестве репарации «принудительно использовать немецкую рабочую силу», Государственный комитет обороны (ГКО) СССР постановил (7161сс):

«...мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте – мужчин от 17 до 45 лет, женщин от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы, подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии...»

В январе–марте 1945 года эту операцию провели, и 111 831 человек были интернированы в СССР (из 140 000, определенных постановлением). Все они направлялись на предприятия угледобывающей и металлургической промышленности в 17 областях Советского Союза.

3 февраля 1945 года, в связи с началом боевых действий в Восточной Пруссии и Верхней Силезии, ГКО СССР принимает еще одно постановление – 7467сс:

«...мобилизовать на территории фронтов, указанных в п.1 настоящего постановления *(1, 2 и 3-й Белорусские, 1-й Украинский. – И.Ч.)*, всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет...»

Согласно «исторической справке о деятельности ГУПВИ НКВД СССР», по этому постановлению было интернировано в СССР еще 77 741 человек.

Как же оказались в Карелии, в 517-м лагере НКВД СССР 14-летняя Гизела Гинтель или 57-летняя Гертруда Швант? Не подходят они ни под одно постановление, ни по букве, ни по духу этих достаточно жестких решений.

Была еще одна категория немецких граждан, которым пришлось покинуть родину. Специальными приказами войскам НКВД по охране тыла и подразделениям контрразведки «СМЕРШ» предписывалось арестовать и «отфильтровать» всех

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Иван Чухин на лагерном кладбище немецких женщин. Падозеро, 1992 г.

подозрительных немцев. Приказ 00101 от 22 февраля 1945 года установил следующие категории арестованных:

«а) командный и рядовой состав германской армии и других стран

– направляется в лагери военнопленных

б) гражданские лица, члены различных вражеских организаций, руководители областных, уездных дум, управ, бургомистры, руководители крупных хозяйственных и административных организаций, редактора газет, журналов, авторы антисоветских изданий и прочий враждебный элемент

– в лагери для интернированных

в) советских граждан, находившихся в плену,

– в проверочно-фильтрационные лагери

г) рабочие батальоны немцев, мобилизованных по постановлениям ГКО» *(сохранена орфография и пунктуация подлинника)*.

Подозрительных, по мнению НКВД, было много, полевые тюрьмы фронтов и бывшие нацистские концлагеря переполнены. Архивные документы свидетельствуют, что за март 1945 года только

Иван Чухин – историк, председатель Карельского общества «Мемориал». Скоропостижно скончался в 1997 г.

войсками НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта было задержано 12 160 человек. В числе задержанных 3825 женщин и 338 детей.

В апреле, после возвращения населения (беженцев) к месту постоянного жительства, число задержанных резко возросло. Для дальнейшей проверки арестованных группы «Б» также направляли в СССР. Архивные документы свидетельствуют, что на основании приказа 00101 было интернировано 18 667 человек этой категории.

Аресты подозрительных проводились не только по объективным сведениям или спискам немецкой администрации, но и во время многочисленных массовых облав в населенных пунктах. «Член фашистской организации», «дочь помещика», «эксплуататор», «торговка» – вот основания для ареста большинства немок, которые 23–25 марта были помещены в полевую тюрьму города Инстенбург, а через две недели направлены в Карелию. В основном арестованные были из городов Эльбинг, Растенбург, Хальцберг, Кристбург, Коршин и окружающих их деревень.

С большой натяжкой можно признать необходимость интернирования и дополнительной проверки Элизабет Альберг, 24 лет, крестьянки и матери трехлетнего ребенка. Ее «вина» – член партии «НСФ» – формально подпадает под категорию «Б». Трудно согласиться с интернированием Люции Бухольц, 16 лет, члена молодежной организации «БДМ». Совсем необоснованно интернирована Эльфрида Бекман, 15-летняя жительница деревни Шинненбург района Рюссель. Правда, для следователей «СМЕРШа» она, безусловно, представляла «прочий враждебный элемент»...

Треть всех заключенных 517-го лагеря НКВД составляли несовершеннолетние, в том числе девочки 14–15 лет. Большинство не имели одежды и обуви по сезону, сменного нательного белья. Много больных и обессиленных, практически поголовная завшивленность. Можно понять, какая судьба ожидала в карельских лесах, на лесоповале, этих больных, обессиленных людей.

Необходимо отметить, что судьба интернированного гражданского населения оказалась во многом хуже, чем участь заключенных в лагерях военнопленных, с их твердым порядком и централизованным снабжением продовольствием.

Из 208 239 интернированных только за 1945–1946 годы «трудфонд снизился» на 41,5 тысяч человек. Главная ответственность за это ложится на наркоматы – потребителей рабочей силы. Как говорилось в постановлениях ГКО и приказах НКВД СССР, «обеспечение мобилизованных и интернированных немцев питанием, спецодеждой, промтоварами, жильем, топливом, освещением, хозяйственным транспортом и всеми культурно-бытовыми и санитарными мероприятиями, кухонным и столовым инвентарем, постельными принадлежностями – возлагается на наркоматы, получающие мобилизованных немцев в качестве рабочей силы».

В Карелии такими получателями были два леспромхоза Наркомата лесной промышленности: Лососинский и Сумской.

Следует, однако, помнить, что война уничтожила в Карелии половину жилого фонда, а рабочая норма питания в лесу составляла 500 г хлеба в день. Так что и возможности «потребителей» рабочей силы были ограниченными. Местные жители Карелии, работавшие в лесу вместе с интернированными немцами, находились в таких же, а порой и в худших условиях. И для них свобода была понятием условным. Но они хотя бы находились дома...

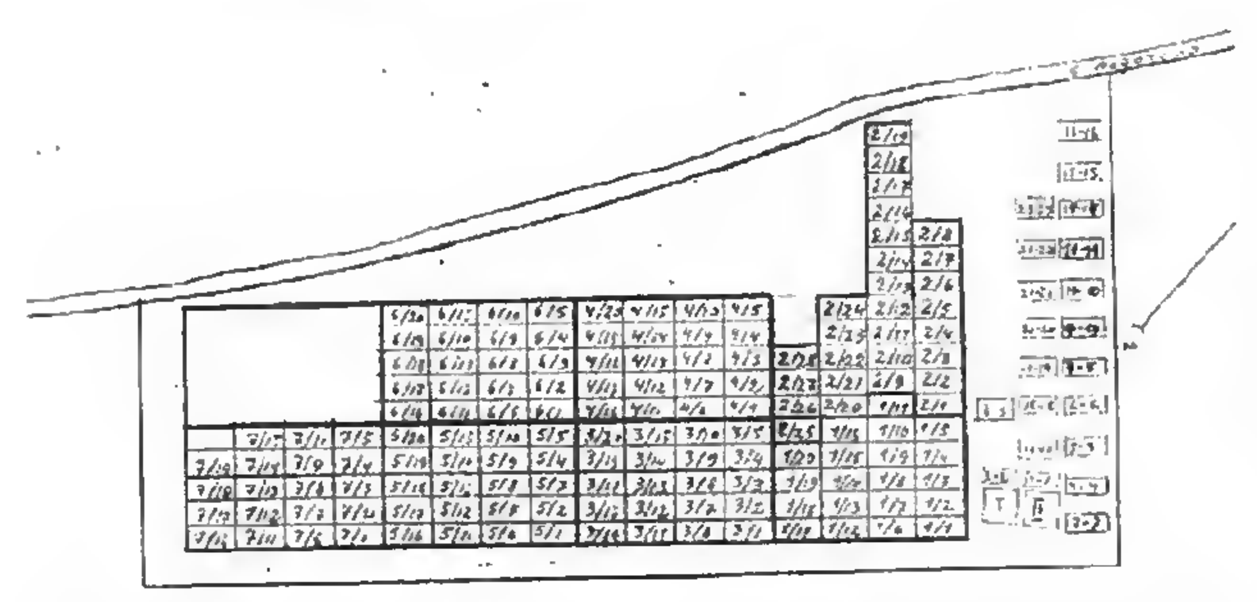
Управление 517-го лагеря интернированных немцев (в других документах – «арестованных немцев группы "Б"») располагалось в центре Петрозаводска в одноэтажном здании бывшего Наркомата противовоздушной обороны. Вместе со зданием в распоряжение НКВД передали и часть служащих во главе с майором Дмитрием Мельниковым, который стал начальником лагеря.

Общая численность военнослужащих (без учета охраны) колебалась в разное время от 15 до 30 человек. Среди них были и 18–19-летние лейтенанты, сержанты, «не нюхавшие» войны, и отягощенные памятью борьбы с фашизмом, не единожды раненные в боях ветераны. У последних имелся личный счет к «немцам», и это, пожалуй, главная причина происшествий во всех лагерях: физического насилия, поборов и т.п.

517-й лагерь состоял из двух отделений. 1-е – ст. Вирандозеро, куда 18 апреля 1945 года прибыли 983 человека (682 мужчины и 301 женщина). Начальник отделения майор Захар Воскобович. 2-е – ст. Падозеро, куда прибыла 1001 женщина. Начальник отделения майор Иван Гусев, затем – капитан Борис Суслов.

Вспоминает жительница поселка Вирандозеро Мария Федотова:

«...Приехала я сюда по мобилизации из Северодвинска в апреле 1942 года. От родителей осталась маленькая, выросла в детском доме. Немцев привезли – я еще не замужем была, девчонкой. Сами мы и зону делали – огораживали колючей проволокой. Никакого забора не было – столбы и колючая проволока. Все на виду, там пять бараков было. Бараки засыпные – из досок, в внутри опилки. Когда ветер дует, все продувает. Печки были железные, бочки такие стояли из-под бензина. Я сейчас хорошо не помню, но мне кажется, что вышек вокруг лагеря не было. Когда их привезли, с Ухтицы они пешком шли шесть километров. Снег был, а утром встали – в лагере снегу нет. Они, наверное, пить хотели. Так весь снег съели.

На второй день еле воды навозились. Когда гнали немцев, не понять: военные или гражданские. Точно как в кино, ведут колонной. В шинелях, в башлыках, на ногах у кого колодки, у кого тряпки, у кого что накручено. Как в бане их помыли, у них одежда мешками была привезена, они все оделись, стали все красивые. Девчонки все были с косами, у некоторых – завивка».

Анастасия Барбашина, поселок Вирандозеро:

«...В 1943 году сюда приехала с родителями, семей тридцать нас было, целый вагон. Поселили нас в четырех землянках... В каком году появились немцы, не помню. Холодно было. Шли они со станции пять километров пешим. Мужчины и женщины...»

Елена Шишкина, поселок Вирандозеро:

«...Приехала в 1943 году, осталось в памяти, как работали, как жили плохо. Я валила лес, грузила бревна, все время в лесу до пенсии проработала... Они с Ухтины шли, холодно было, обвязаны все. Худые все, как и мы, такие же люди. Они рассказывали: у нас женщины так не работают, понятия нет, чтобы женщина так работала, как мы тут... Где сейчас магазин на горке – зона была. Бараки были дощатые, большие, опилками засыпаны. Когда немцы уехали, наши люди жили там...»

2-е лагерное отделение располагалось в 7 км от железнодорожной станции Падозеро, на самом берегу небольшого озера Нижнее Падозеро. Четыре больших барака с двухъярусными нарами (общая площадь 1314,7 кв.м – по 1,3 кв.м на одну женщину), прачечная на шесть корыт, баня на «25 человек в час», лазарет, столовая на 200 человек одновременно.

Впрочем, в столовой не было не только столов и скамеек, но даже мисок. Четыре котла на 600 литров обеспечивали приготовление только первого блюда, воду негде и не в чем было кипятить. Лейтенант Шувалов докладывал наркому внутренних дел Карелии о том, что «ведер в лагере нет ни одного, и арестованные целыми днями едят снег, в результате процентов десять уже заболели ангиной...» Не только заболели. В день приезда, 17 апреля, на лесном кладбище появилась первая могила – умерла Маргарита Фризе, 27 лет. На следующий день – двое, 19 апреля – еще двое. Все они похоронены в первой братской могиле. Самой молодой, Хедвиг Черлинских, было 16 лет...

Промерзшая за долгую зиму карельская земля неохотно принимала тела умерших. Лопата сгребала лишь снег и прошлогоднюю траву, звенел и отскакивал от валунов тяжеленный лом. С великим трудом, отогрев землю костром, завхоз лесопункта, трудмобилизованный Алексей Кургузов выкопал общую могилу и свалил в нее трупы. Без гробов – в ночных сорочках,– без прощальных слов. Закопал, прихлопнул сверху холмик и воткнул колышек. Больше для того, чтобы не ошибиться при копке следующей могилы. Ну, как заметет завтра снегом? Оставшиеся от умерших вещи описали по-немецки и сдали на склад лагеря. Никакой инструкции «сверху» по поводу этой скорбной процедуры не существовало, и завхоз действовал по собственному разумению. А колышков на кладбище прибывало густо.

Еще сложнее оказалась ситуация в 1-м, Вирандозерском отделении. Вспыхнула эпидемия

брюшного тифа, и на 29 апреля из 195 больных тифозные составляли 55. Никаких медикаментов в лазарете не было. На весь лагерь имелось 5 расчесок. Температура на улице минусовая, а одеяло было у одного интернированного из двадцати. Неудивительно, что в апреле в 1-м отделении умерли 60 человек, в мае – еще 160. Прибывший из Петрозаводска начальник отделения майор Воскобович выявил и совсем дикий факт. В докладной наркому внутренних дел он писал:

«...Комендант II участка, помощник коменданта и два бригадира в промежуток времени с 26.IV по 3.V изнасиловали около 10 женщин, причем несколько женщин было изнасиловано группой этих лиц. Прошу указаний, кому поручить ведение следствия...»

Леспромхозы и лагерь оказались не готовыми к приему интернированных. Даже официальный приказ НКВД СССР о создании 517-го лагеря был подписан через две недели после прибытия в Карелию арестованных немцев:

«00409 от 28.04.45 г.

1. Организовать Петрозаводский лагерь для содержания контингента группы "Б" на лесозаготовках Наркомлеса Карело-Финской ССР с лимитом на 2000 человек со следующими отделениями:

а) лаготделение 1 в Ухтице на 1000 человек

б) лаготделение 2 в Падозерах на 1000 человек.

2. Вновь организованному лагерю присвоить 517.

Зам. наркома НКВД СССР Чернышов».

<...> В условиях общей неразберихи, голода военного времени и при своеобразном отношении к немцам части администрации не один лагерный снабженец ступил на скользкий путь. Не миновал этой участи и 517-й лагерь.

«У меня душа не лежала к военнопленным, хотя я знаю, что есть международное положение о военнопленных»,– такими словами оправдывал в суде свое преступление бывший интендант III ранга Виктор Соловьянов.

<...> По приказу НКВД СССР за перевыполнение нормы ослабленным и больным интернированным полагались дополнительные продукты, о чем в отделении даже не вспоминали.

В июне началась, а в июле резко активизировалась эпидемия тифа, унесшая соответственно 34 и 62 жизни. Три врача отделения – гинеколог Мартемьянов, терапевты Пестяков и Вилкова, три фельдшера из числа самих интернированных работали самоотверженно, разыскивали и закупали лекарства на «черном» рынке Петрозаводска.

Еще сложнее оказалась ситуация в 1-м, Вирандозерском отделении, где за июнь–июль умерли 138 интернированных. Северный климат, болезни, удаленность от базы снабжения – все давало себя знать. Администрация 517-го лагеря неоднократно ходатайствовала перед начальством о закрытии этого отделения, что и было решено в августе. <...>

Борис Суслов, житель Петрозаводска:

«...После ранения и излечения в госпитале я был направлен в Москву, в резерв офицерского состава: Стромынка-32, известное место. Весь офицерский состав направлялся тогда туда. Из этого резерва мне дали направление в НКВД Карело-Финской ССР для прохождения дальнейшей службы в лагерях военнопленных...

В лагере было примерно тысяча немок, которые, как говорили, были привезены из Восточной Пруссии в результате освобождения ее нашими войсками. Якобы там были диверсии со стороны населения, и этих немок арестовали. Основная цель лагеря была, как потом выяснилось, проверка, так называемая фильтрация этих немок.

Работали они на ремонте и строительстве лесовозных дорог, а также в лесу, на обрубке сучьев, пилили березовую газочурку, так как все автомашины были тогда газогенераторные.

Несколько немок ездили в поселок Чалну, где велось строительство новой зоны. Строили уже бараки, но вскоре все это бросили, там болото... В результате потом на этом месте построили поселок, уже для вольных жителей.

Рядом с Падозером, у речки был известковый карьер. В карьере были устроены специальные допотопные печи. Вот немки разводили огонь, копали, закладывали известь, обжигали...

Когда я приехал, был развернут уже целый барак, больничка. Были три врача. Пестяков, который затем работал начальником санотдела 120-го лагеря военнопленных. Был Мартемьянов, гинеколог, который даже имел научные труды. Эти два врача, насколько я знаю, были в финском плену и после освобождения попали к нам. Затем приехала и женщина-врач Зоя Вилкова. Привезены немки были, конечно, уже истощенные, больные. По-видимому, в пути или в полевом лагере началась вспышка брюшного тифа, поэтому и в нашем лагере было много смертей. Были венерические больные. Доктор Мартемьянов их спрашивал: откуда? А они пальцами так глаза растянут – Средняя Азия, мол, советские солдаты... Были беременные, но, насколько я помню, новорожденные все умерли.

Летом, в августе, к нам приехали с большим начальством из наркомата так называемые перекупщики. И всю здоровую рабочую силу, примерно человек 600, забрали. У нас были составлены на каждую немку учетные карточки: анкета, трудовая категория. Вот по этим карточкам они и брали: совершеннолетних, здоровых. А малолеток, больных, дистрофиков затем отправили на родину. Отобранных немок пешком увели на станцию и увезли в Медвежьегорск. У меня осталось человек 300, а потом, уже к сентябрю, привезли остатки 1-го отделения: мужчин и женщин. Майор Воскобович приехал... К октябрю осталось совсем немного: человек 150–200, их отправили на Беломорстрой, в Кандалакшский лагерь интернированных 513 и в 173-й лагерь.

Кроме нас, администрации и охраны, в лагере в отдельном доме располагалась специальная проверочная группа офицеров НКВД и госбезопасности во главе с подполковником Скороходом: тринадцать человек. Они говорили мне, кого сегодня оставить в зоне, или сами оставляли для своих проверок. Но что они там и как выясняли, мы не знали...»

Вопросы трудового использования интернированных немок иллюстрируют официальные данные. Так, в 1-м отделении (Вирандозеро) на 21 июля из 642 арестованных немцев группы «Б» 173 человека, или почти каждый третий, являлись инвалидами либо находились в оздоровительной команде.

В Падозерском отделении за июль интернированные немки отработали в мехлесопункте 5364 человеко-дня, на строительстве узкоколейной дороги – 342 и на разработке извести – 120 человеко-дней. Выработка на один человеко-день в денежном исчислении мизерная: от 4 рублей 11 копеек до 5 рублей 85 копеек. Всего же за месяц немками было выполнено работ на 24 615 рублей.

После отправки в августе всех более или менее пригодных к труду на Беломорстрой ситуация усугубилась. Из 450 интернированных, оставшихся в 517-м лагере, годных к тяжелому и средней тяжести труду насчитывалось... 42 человека, к легкому – 155. В оздоровительной команде (без вывода на работу) числилось 168 человек, а 85 были полностью актированы как инвалиды. В связи с уменьшением численности контингента лагеря была сокращена и охрана. В результате из-за отсутствия конвоя до 40 человек ежедневно оставались в зоне лагеря.

Таковы сухие цифры, а вот живой рассказ очевидца. 17-летний Леня Дуденков, сын «кулака», на собственном опыте познал все ужасы сталинской коллективизации, голода 30-х годов и насильственной ссылки на Север. Волею судьбы он все шесть месяцев существования Падозерского лагеря был мастером дорожных работ лесопункта и «начальником» над бригадой из 100 немок.

Они были равны по возрасту, одинаково репрессированы сталинским режимом и насильственно загнаны в чужие края.

Леонид Дуденков, житель поселка Чална:

«...В апреле месяце, я не помню, в каких числах, примерно в середине месяца, привезли немецких женщин и девушек на станцию Падозеро. Их привезли в товарных вагонах, не пассажирских. Они все вышли из этих вагонов и колонной пошли в поселок Падозеро, расположенный в семи километрах от станции. Приехали они в очень плачевном состоянии, были настолько слабы и, можно сказать, истощены. Почему? Я не знаю: или долго они были в дороге, или их плохо кормили, или они были ослаблены на своей территории, тоже ведь не питались, как хотели...

Я был молодым парнишкой, во время войны ранен и не мог физически работать в лесу. Поэтому я кончил курсы мастеров и работал мастером дорожных работ. Поскольку среди немок имелось много подростков и пожилых женщин, физически слабых, которых нельзя было использовать на работе в лесу, их направили в отдельную бригаду – 110 человек – на строительство дорог. На нашем участке они занимались следующими работами: уборка камней и засыпка ям на лесовозных дорогах – ремонт. А также строили новые дороги. Тяжелая работа – это корчевка пней, тут и я был вместе с ними. Они же ничего в этом не понимали, не умели, как нужно делать.

Помню случай... Среди них была девушка Хайка, фамилию не помню сейчас, очень красивая, лет 18-ти. Один офицер, старший лейтенант, стал ухаживать за ней. Он умел говорить по-немецки, и у них появились амурные дела. Так этого офицера быстро куда-то перевели, тогда за этим строго следили.

Я приходил на вахту, мне выдали карабин и 10 патронов. Эти патроны я тут же быстренько расстрелял в лесу, на глухарей и косачей охотился. Девушке-немке убил одного глухаря и отдал. Луиза-Катрин фон Домбровски, веселая девушка... У нее мама русская, а отец немец, и она умела немного говорить по-русски. Винтовку я в лесу вешал на дерево и работал. Потом нашел в лесу склад боеприпасов и брал там патроны для охоты. Ни одного случая не было, чтоб кто-то пытался убежать.

Нам объяснили, что эти немки из состава гитлерюгенда. Присланы они сюда для работы, чтобы помогать восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Не в порядке наказания, а как рабочая сила. Как немцы угоняли наших людей, так и их прислали работать. Но толку от них, конечно, было мало, это нужно прямо сказать. Сами они обижались, говорили, почему нас отправили сюда? Там остались люди, которые могли бы работать физически, но они являлись активистами новой немецкой власти. Тех людей оставили дома, не трогали».

19 июля, после обеда и недолгих, но щедрых слез прощания, 598 женщин и девчонок Падозерского отделения были построены в колонну по пять человек, пошли... Семь километров знакомой дороги до станции Падозеро, теплушки, и состав двинулся на юг.

В лагерных бараках стало намного просторнее, но ненадолго. Через неделю прибыл этап из Вирандозера в 167 человек (в том числе 143 женщины). Они не виделись почти четыре месяца, с тех самых пор, как в полевой тюрьме Инстенбурга формировался этап в Карелию. Вновь слезы, бесконечные разговоры. Встретились и разлученные в Инстенбурге сестры Питцонка: 20-летняя Герта и прибывшая из Вирандозера 17-летняя Хедвиг. Вирандозерские лагерницы подтвердили, что и у них 20 июля был большой этап, отцепленный от состава на станции Медвежья Гора. Так был выяснен конечный пункт этапов 517-го лагеря – строительство Беломорканала...

<...> В июне вышло еще одно распоряжение НКВД СССР (120), непосредственно касавшееся части заключенных 517-го лагеря. Оно называлось «Об учете немцев и немок до 16 лет, содержащихся в лагерях группы "Б", и отправке их к месту постоянного жительства».

В Падозерском отделении эта работа началась лишь в августе. Всего было отобрано 267 девочек и мальчиков, инвалидов и хронически больных, которые 15 августа отбыли этапом в город Познань, во фронтовой пересыльный лагерь 69. Среди освобожденных было 50 мужчин и 217 женщин. Все немцы, за исключением 16-летней Степаниды Калашник, немецкой подданной, но русской по национальности. Освободили даже мать с дочерью: Анну 43 лет и Хильдегард 17 лет, имевших «подозрительную» фамилию Мюллер. Хотя Мюллеров в Германии – как Ивановых в России, и не имели падозерские Мюллеры никакого отношения к шефу гестапо.

Так что к сентябрю 1945 года в Падозере осталось 194 интернированных (94 женщины). Существование лагеря как хозяйственной единицы потеряло всякий смысл. Поэтому 25 сентября НКВД СССР издало совершенно секретный (!) приказ 0010В7 «О ликвидации петрозаводского лагеря НКВД 517 для арестованных немцев». Согласно этому приказу 76 человек были направлены в 513-й лагерь интернированных (г. Кандалакша), 59 человек вывезены на родину во Франкфурт-на-Одере, остальные (мужчины) – в 120-й петрозаводский лагерь военнопленных.

Последняя могила на падозерском кладбище появилась 10 октября 1945 года. В ней похоронен Густав Готлински, 59 лет, 522-й умерший в 517-м лагере за полгода.

Четвертая часть всех привезенных в Карелию интернированных немцев навечно осталась в этой земле. Мертвые нашли свое пристанище. Живым оставались еще сотни дней неволи на Беломорканале и в Соликамске. День-ночь, день-ночь...

Публикуется по: Чухин И. «Интернированная юность». Москва–Петрозаводск, 1995.

Публикуется в сокращении

Ольга МИММИЕВА

УЗНИЦА ЛАГЕРЯ 517

В жизни многое решает случай. И предположить не могла 69-летняя жительница немецкого города Дюссельдорф Трауте Зоммер, что она окажется в Петрозаводске. Но неожиданно услышала о делегации сограждан, направляющихся на празднование Дня города в Петрозаводск, и вежливо, но настойчиво попросила взять ее с собой. Ей сразу ответили согласием.

В апреле 1945 года, в возрасте шестнадцати лет, фрау Зоммер вместе с другими жителями Восточной Пруссии, арестованными по подозрению в сотрудничестве с нацистским режимом, была насильно вывезена в неведомый до этого Петрозаводск, а дальше под конвоем пешком направлена по промозглому апрельскому холоду в неведомое для нее Падозеро.

За что? Для чего? Задаваться этими вопросами девушке, неожиданно схваченной и арестованной «в чем была» на улице родного Эльбленда, было бессмысленно. Ответа на них не было.

В апреле 1945 года вместе с 2 тысячами других интернированных немецких граждан ее поместили в лагерь НКВД под номером 517.

«Это только в отчетах местного коменданта, – вспоминает фрау Зоммер,– значилось, что для арестованных из Восточной Пруссии были созданы нормальные бытовые условия, мы сытно ели и ни в чем не нуждались. На самом деле спали мы на голых нарах, не мылись в бане, умываясь талым снегом, чрезвычайно скудно питались. Каждому была выдана выдолбленная из дерева десертная ложка, ими арестованные хлебали тощий суп из воды и картошки, которым ни разу не наедались досыта».

Все эти годы хранит эту ложку у себя дома Трауте Зоммер как воспоминание о пребывании в лагере, уготованном ей в России.

Изнурительная работа, которую поручили в лагере арестованным, в большинстве своем женщинам и несовершеннолетним девушкам-подросткам, никак не соответствовала тощим пайкам, которыми они поддерживали свою жизнедеятельность.

Вместе с другими несчастными Трауте Зоммер трудилась на заготовке леса, строительстве дорог и жилья, выполняла другую тяжелую физическую работу. Непомерно тяжелый труд, полуголодное лагерное существование, физическая слабость, суровый северный климат, непривычные тучи комаров, которые сопровождали арестованных повсюду в карельской тайге и оставляли непроходящие язвы, стали причиной массовых заболеваний, эпидемий тифа и дифтерии среди заключенных в лагере.

Немало было среди них тех, кто в незнакомой прежде далекой Карелии был обречен на верную смерть. За шесть месяцев пребывания во втором отделении лагеря в Падозере из-за лишений и болезней безвременно угасли невинные жизни 342 человек. Несчастных захоронили в глухом карельском лесу.

В отличие от многих других Трауте Зоммер суждено было испытать счастье возвращения на родину. Но еще несколько лет ей понадобится для того, чтобы найти в Германии своих родителей. По признанию Трауте, многие даже близкие для нее люди до сегодняшнего дня не ведают о тех ужасах, которые ей довелось пережить, будучи интернированной. Между тем заключение в лагере стоило ей подорванного здоровья, непроходящих душевных и физических ран.

Стесняясь обременять своим, личным, во время нашей встречи она все же показала болезненные язвы на ногах, которые напоминают ей о Падозере ежечасно.

Трауте Зоммер бережно протянула мне письмо, адресованное ей бывшим депутатом Государственной Думы России, председателем Карельского общества «Мемориал» Иваном Чухиным. Иван Иванович сообщил ей, что международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество и фонд имени Генриха Белля (ФРГ) начали совместную работу по проекту «Падозеро», посвященному истории 517 лагеря НКВД СССР для интернированных немцев, и любезно попросил ее прислать свои воспоминания. Завязалась переписка.

Позже в немецкой газете Трауте Зоммер прочитает статью об открытии благодаря инициативе Ивана Чухина в Карелии близ станции Падозеро лесного лагерного кладбища бывших интернированных немецких граждан.

Желание увидеть спустя годы место бывшего своего невинного заключения стало непреодолимым. Первое, что она сделала, прибыв в День праздника города в Петрозаводск, – устремилась на кладбище. Вечером на квартиру переводчика Ларисы Белахиной, которая опекала ее все дни пребывания в незнакомом городе, Трауте Зоммер возвратилась потрясенная увиденным, с охапкой полевых цветов, подаренных ей местными жителями.

Сегодня Трауте Зоммер трудно передать печальные чувства, вызванные встречей с трагической своей юностью. Немногословная, сдержанная, тактичная, она несколько раз повторила, что очень сожалеет о том, что не застала в живых мемориальца Ивана Ивановича Чухина и не смогла лично поблагодарить его за неоценимый труд по возвращению из небытия судьбы содержавшихся больше 50 лет назад в 517 лагере НКВД немецких граждан.

И еще фрау Зоммер добавила, что, несмотря на личные душевные раны, связанные с воспоминаниями о прошлом, она искренне порадовалась тому, что в тех местах, где так трагически оборвались жизни ее ни в чем не повинных подруг, продолжается жизнь...

«Северный курьер», Петрозаводск, июль 1998

Немецкие военнопленные.

Немецкий военнопленный на уборке улиц.

Клаудиа КЕЛЛЕР

«ОККУПАЦИОННЫЕ» ДЕТИ

Их дразнили, избивали, ненавидели. Предателями считались не только женщины, которые полюбили солдат оккупационной армии, но и их общие дети...

Милен

Если бы ее отец выжил в войне, он, безусловно, вернулся бы к ее матери. Он ее очень любил. Милен Ланнегран верила в это пятьдесят лет. Ее отцом был немецкий солдат Хайнц Розентретер, оккупант. Сегодня она знает, что он выжил. Но он не вернулся.

Милен, хрупкая блондинка с взъерошенными волосами, снова приехала в Берлин, где она четыре года назад обнаружила следы своего отца. Она стоит среди металлических стеллажей в Deutschen Dienststelle WASt в Берлине – бывшем справочном бюро вермахта.

В красной кирпичной постройке хранится 18 миллионов карточек, на которых нацисты фиксировали, где и когда во время войны находился тот или иной солдат вермахта. В разделе 919 под номером 667 на букву «Р» хранится карточка Хайнца Розентретера. Там написано, что после нахождения во Франции он в 1942 году получил в России легкое ранение. В 1967 году он обратился сюда за справкой, которая была ему нужна для назначения пенсии. В 1983 году он умер в Кельне. В карточке также написано, что у него есть дочь. Но это не Милен.

Когда она впервые взяла в руки эту карточку, она заплакала. «Я почувствовала такое облегчение, что наконец нашла его», – говорит она. Но одновременно ей было очень горько, что она попала сюда слишком поздно. Теперь она снова здесь, так как WASt впервые пригласила «оккупационных детей» из различных стран: дети немецких солдат встречаются с детьми американских, французских и английских солдат, которые пришли в Германию в 1945 году. Они хотят создать организацию «Бюро детей войны».

«Ни Женевская конвенция, ни Гаагская конференция о законах и правилах ведения войны не содержат положений о нас, детях войны. Это надо изменить. Ведь мы являемся продуктом этих войн», – говорится в ее декларации.

Они сетуют на то, что с ними до сих пор обращаются в соответствии с национальными законодательствами, которые очень различны, например, в том, что касается доступа к архивам. Здесь должны действовать международные положения. Они также борются за то, чтобы в пределах ЕС иметь двойное гражданство – как дополнительное признание со стороны родных стран своих отцов. В их долгосрочных планах – конвенция ООН о детях войны. Для защиты будущих детей войны.

Матери Милен было 17 лет, когда она влюбилась в Хайнца Розентретера. Он прибыл в 1940 году в маленькое место Фура на атлантическом побережье и жил в гостинице «Hotel de la Mer». Рене жила с дядей и тетей, которые вели дела в отеле. «Для моей матери это была большая любовь», – говорит Милен. 28-летний немец был очень мил и вежлив, всегда приносил ей цветы. Он не был похож на неотесанного «боша», как их изображала военная пропаганда.

Весной 1941 г. Розентретера отправили на Восточный фронт. О том, что его подруга беременна, он не знал. В декабре родилась Милен.

Во Франции насчитывается около 200 тысяч детей, родившихся в 1941-1945 годах, у которых

Немецкие солдаты и офицеры в обществе французских женщин.

Фото: Keystone

Освобожденная Франция. Людей, обвиненных в коллаборационизме, перемазав краской и обрив им головы, полуголыми, в цепях проводят с позором через весь город.

Немецкие солдаты во Франции.

мать – француженка, а отец – немецкий солдат или офицер. Большинство из них не знает своих отцов.

После того как немецкие солдаты были выбиты из Франции, мужчины из родной деревни матери Милен вытащили ее мать и еще двадцать женщин на площадь перед церковью. Они обзывали их «немецкими проститутками», там же им всем остригли половину головы наголо...

Мать Милен покинула деревню, позже она вышла замуж за француза и переехала с ним в Бордо. Милен выросла в Фура у двоюродных бабушки и деда.

«Они мне говорили, что я должна гордиться тем, что мой отец немец». Она училась играть на пианино, потому что на пианино играл ее отец, она изучила юриспруденцию, так как он был юристом. Она даже носит имя своего отца: одно из ее имен – Хайнц.

В школе ее называли «дочерью немецкой свиньи». «Я хотела доказать, что хорошо, что я есть на свете». Для этого было недостаточно иметь хорошие отметки. Она хотела быть лучшей. «Я хотела выделиться, внешне тоже». Она надевала на себя золотые цепочки. И сегодня на ней массивная золотая цепь и несколько колец.

Ее никогда не оставляли мысли, каким был Хайнц Розентретер. Любил бы он ее? Был ли он таким, каким описывала его мать, или таким, как немцы на карикатурах: толстым, с пивной кружкой в руке?

Когда она была моложе, она гнала от себя эти мысли, была занята учебой и карьерой, мужем и сыном. А что, если он еще жив? «Любопытство росло, но вместе с ним и страх столкнуться с чем-то таким, что разрушит мое представление о нем».

Шесть лет назад она не выдержала. Она раньше времени вышла на пенсию, чтобы заняться поисками своего отца. Французское посольство направило ее в Deutsche Dienststelle WASt.

Поскольку ей была известна его фамилия, сотрудники быстро нашли соответствующую карточку. В ней был указан только один ребенок, однако в результате дальнейших поисков ей удалось выяснить, что Хайнц Розентретер был женат четыре раза и у него девять детей. В первом браке у него родилось пятеро детей, во втором – один и еще один – в третьем. Плюс военный ребенок Милен.

Она не была старшей. Ее немецкие сводные братья и сестры тоже не знали всех остальных детей своего отца.

То, что ее отец не был верным возлюбленным, как она его себе представляла, не разочаровало Милен. Она счастлива своей новой большой семьей. Со своей младшей сестрой она каждый год проводит лето.

Милен в который раз берет в руки карточку ее отца из картотеки. На обратной стороне теперь написаны имена всех его детей, в том числе ее имя.

«Граждане, доверяйте немецким солдатам!» Оккупационный плакат.

Издевательства над женщинами «коллаборационистками» во Франции после освобождения от оккупации.

Франц

Франц Антхефер – это тоже «ребенок врага», сын немки и американского солдата. Поиски отца у Антхефера были не такими гладкими, в частности потому, что американские власти отказали ему в доступе к архивам.

Когда он, наконец, предстал перед своими американскими родственниками, сестра отца дала ему пощечину...

Уже несколько десятков лет Антхефер мечется между Германией и США, проводит каждый отпуск в архивах, спорит с чиновниками. Его жизнь заполнена его отсутствующим отцом.

Франц Антхефер родился в 1951 году в Раштатте, его мать полюбила американского офицера Льюиса Дж. Крейга. В отличие от матери Милен Ланнегран семья выгнала ее из дома, когда узнала, что она беременна от американского офицера.

Она нашла себе работу в Кельне в компании Lufthansa. Ведомство по делам молодежи отобрало у нее внебрачного ребенка и поместило его в приют.

Антхефера дразнили «американским выродком» и избивали. Америка в его фантазиях стала прибежищем, куда он хотел убраться из бессердечной нищей действительности.

Когда ему было 14 лет, мать уступила его настойчивым расспросам и сказала, как зовут его отца. Теперь его тоска была связана с определенным именем. В англиканской церкви в Кельне он изучал английский язык, ездил на велосипеде в Бонн, чтобы в американском клубе смотреть кинофильмы.

В 21 год Франц Антхефер прилетел в Вашингтон и отправился по довоенному адресу отца – единственному, который знал. Льюис Дж. Крейг там больше не проживал.

Через несколько лет сын отыскал следы отца в Уэстоне, маленьком городке в Западной Вирджинии. Однако Антхефер прибыл туда слишком поздно: за три недели до его приезда Льюис Дж. Крейг, адвокат и мэр, умер...

После пощечины сестра Крейга пригрозила «немецкому выродку» арестом, если он еще раз покажется ей на глаза.

Но Франц Антхефер решил-таки переехать в Америку. В 1996 году он добился эксгумации тела своего отца, чтобы провести анализ ДНК. Таким образом, с 99,9-процентной уверенностью было установлено, что он – сын Льюиса Дж. Крейга из Уэстона.

Друг его отца предоставил нотариально заверенное свидетельство: «Я могу подтвердить, что Льюис Крейг неоднократно говорил, что он желает жить вместе с сыном. Я не сомневаюсь, что Франц Антхефер, у которого такая же походка, то же лицо и та же привычка держать руки в боки, является его сыном, о котором он постоянно рассказывал».

Анализ ДНК при признании его прав на гражданство является для суда доказательством. Но процесс отложен, так как он не может явиться на слушания. В 1997 году Франц Антхефер, будучи в Вирджинии, просрочил свою трехмесячную визу, его выслали, и с тех пор въезд в США ему запрещен...

Перевод с немецкого

По материалам Der Tagesspiegel

Армия США, 10-й танковый дивизион, 419-й батальон стрелковых орудий. Германия, 1945 г.

Сотрудник армейского отдела памятников искусства и архивов (MFA&A) в хранилище немецкого музея.

Отдел трудоустройства.

Заседание оккупационного суда. Две немецкие женщины обвиняются в незаконном пересечении демаркационной линии.

Американские солдаты проводят санитарную обработку перемещенных лиц.

Американский офицер приводит к присяге бургомистра и полицейских.

Дымящиеся развалины, изуродованные бомбежкой берега реки Регниц – такое зрелище представлял собой Нюрнберг – крупный индустриальный центр Рейха и местопроведение съезда НСДАП. 20 апреля 1945 г.

Немецкие военнопленные.

Лейтенанты Билл Робертсон и Александр Сильвашко. Мост на р. Эльбе у г. Торгау. 25 апреля 1945 г. Этот снимок стал символом «встречи на Эльбе».

Бойцы 255-го пехотного полка армии США осматривают развалины Вальденбурга после штурма города 63-й дивизией.

Колонна немецких военнопленных среди развалин Ахена. Германия, октябрь 1944 г.

В публикации использованы фотографии из архива Министерства обороны США.

Выжившие еврейские женщины.

Дмитрий ЛИТВИНЕНКО

БЕЛЬГИЙСКИЙ СЫН СОЛДАТА ШЕСТЕРКИНА

Шок испытал гражданин Бельгии Жеф Фракен, когда перед смертью мама раскрыла ему семейную тайну. «Я тебе лгала, – прошептала она. – Ты носишь не ту фамилию, которую должен... Твой отец был русским партизаном. Мы его прятали во время войны...Найди его...» После этих слов она навсегда закрыла глаза... А в это время за тысячи километров, в маленьком мордовском городке Темникове, коротал девятый десяток бывший бельгийский партизан Петр Шестеркин, прошедший многие круги ада Второй мировой...

«Мы даруем вам жизнь»

Петр был призван в армию в первые дни войны вместе со своим другом, Алексеем Взоровым. Почти год судьба хранила друзей, пока весной 1942 года их 59-ю армию не бросили в новгородские болота – на выручку попавшей в окружение 2-й ударной армии, которой командовал печально известный генерал Власов.

Они попали в настоящий ад – три месяца в лесу, лишенные обмундирования и оружия... Поначалу наши самолеты сбрасывали тюки с боеприпасами и продовольствием, но скоро и эта спасительная ниточка оборвалась. Чтобы хоть как-то продержаться, грызли кору, как звери. Солдаты пухли от голода... Однажды нашли дохлую лошадь. Шестеркин делил тухлое мясо на кусочки размером со спичечный коробок. Одни варили свою порцию перед тем, как съесть, другие проглатывали сразу...

Во время очередного артобстрела Шестеркин укрылся в блиндаже. Спустя мгновение рядом разорвался снаряд. Как немцы вытаскивали контуженного из-под руин, он не помнит. Сознание вернулось лишь в строю, где кроме Петра стояли еще десятки солдат – грязных, обросших, в рваном обмундировании, заляпанном кровью.

«Помню, как перед нами прохаживался немец и вещал, что они, солдаты доблестной германской армии, даруют нам, красноармейцам, жизнь. Но при условии, что мы выдадим своих командиров и коммунистов. Среди нас не нашлось предателя, своих никто не выдал». Указав на труп немецкого солдата, офицер снова обратился к пленным: «Кто его убил?» «Война», – ответил один из русских и тут же был расстрелян.

«По трупам наших солдат»

Шестеркина и его собратьев по несчастью построили в колонну... «Вели день и ночь. Норма – четыре километра в час. Тех, кто выбивался из сил, расстреливали» Дорогу им перегородила узенькая речушка, такая мелкая, что можно перейти вброд. Только конвоиры поступили иначе. Расстреляв несколько десятков пленных, они побросали трупы в воду, соорудив переправу. «Я наступал на людей, давил их ногами. А ведь среди лежавших могли быть живые...»

Петр Шестеркин оказался в концлагере Заксенхаузен. Над металлическими воротами слова. «Труд делает свободным». Ходили слухи, что в изоляторе над заключенными проводились эксперименты. Голод Боль. Страх. «Однажды немцы потехи ради одного заключенного запрягли возить бочку с нечистотами, а второго посадили вместо кучера...»

Группа узников стала разрабатывать план побега. В туалете Шестеркин вместе с другими пленными стал рыть подкоп – порядка ста метров. Немцы в туалет для пленных заходили редко, поэтому работа продвигалась. Землю выносили кепками, передавая их по живому конвейеру. Но вырваться на свободу не успели...

В Заксенхаузен пришли грузовики с красными крестами на бортах. Пленным приказали раздеться, осмотрели с ног до головы и заставили присесть три раза. Кто не смог, погнали назад в лагерь, остальных вымыли в бане и отправили в Бельгию на угольные копи.

«Как ни старались мы с Лешкой Взоровым держаться друг за друга, развели нас по разные стороны. Он остался в бельгийском городке Эйдзене, а меня отправили в Шварцберг, что в переводе означает "черная гора".

Нас спустили в шахту на глубину 1100 метров. Наверху – один конвоир... А нас три тысячи человек, но сделать мы ничего не могли... Спуск в шахту маленький – попробуй вылезти оттуда раньше положенного срока».

Военнопленных, работавших на шахтах, кормили лучше. Лагерный хлеб на 90 процентов состоял из опилок, смешанных с мукой. А в шахтерском городке давали баланду, в которой иногда можно было разглядеть и картошку. Да и хлеб был не чета тому, «деревянному». Бельгийцы, работавшие на шахте, учили пленного языку.

Петра не покидали мысли о свободе. Разработали новый план. Разгружая вагон, Шестеркин улучил момент, когда конвоир отвернулся, и вместе с товарищем перемахнул через забор. «Бежим – впереди болото... Я поплыл, а товарищ начал тонуть. Еле вытянул его. Ковыляя, кое-как добрались до леса, увидели дом. Там нас накормили. Только много не дали, чтобы заворот кишок

не случился, завернули с собой бутербродов, переодели и отправили дальше».

Так начались скитания Петра Шестеркина и его товарища по чужой стране. Ночевали, как зайцы, под кустами, днем заходили в дома к местным жителям. Добрые бельгийцы каждый раз давали беглецам одежду, кормили, но на ночлег, опасаясь нацистов, не пускали.

«Однажды один бельгиец спрятал нас в сарае. Сидим – боимся, вдруг он с немцами связан. Утром встали пораньше, нарыли на огороде картошки, рассовали по карманам и уж хотели уходить, как появился хозяин. Он, оказывается, всю ночь не спал, охранял наш покой. Накормил, а на прощанье, добродушно подмигнув, дал с собой еще картошки».

Но удача отвернулась от беглецов. Проснувшись однажды утром, они увидели направленные на них стволы пистолетов. «Приютивший» их хозяин успел сбегать за полицейскими. Плененных повели в ближайший городок. Шестеркин, понимая, что терять нечего, шепнул товарищу: «На счет "три" бежим вправо. Раз, два, три...» Петр рванул, как и было оговорено, вправо, а его товарищ, перепутав, влево. Шестеркину удалось уйти от погони, но отныне он остался один.

Петр Шестеркин

Жан Пьер Август

После долгих скитаний Петр Шестеркин вышел на окраину деревни, где увидел девушку ослепительной красоты. «Поначалу решил, что это видение, так она была хороша! Девушка начала что-то мне говорить, а я так отупел от блужданий по лесам, что язык не ворочался». «Я русский партизан, бежал из плена», – наконец вымолвил Петр и в бессилии опустился на землю. Девушка сжалилась и отвела беглеца к себе в дом.

Строгая мать, выслушав историю скитальца, осмотрела его голову. «Думаю, она сажу искала, которая у всех шахтеров остается в волосах. Потом кивнула, а вечером на общем семейном собрании было решено, что я – останусь.

Девушку, спасшую меня, звали Анна Спорен. Она была итальянкой по происхождению».

Петра поселили в пристройке к дому. Выяснилось, что отец Анны Хильем Спорен связан с бельгийскими партизанами-антифашистами. Вскоре Шестеркин познакомился с его друзьями. Через них получил бельгийский паспорт и стал Жаном Пьером Августом. «Просто я в августе родился», – поясняет Петр.

С этого момента новоиспеченный гражданин Бельгии мог относительно свободно перемещаться по городу и его окрестностям.

Шестеркин участвовал в нескольких боевых операциях бельгийских патриотов, а затем занимался репатриацией – переправкой советских пленных на родину. В 1945 году его перевели во Францию. Настало время прощаться с приютившей его семьей. Петр долго переживал, но приказ уже был подписан. Анна провожала его со слезами и поцелуями...

В том же победном 1945-м Петр Шестеркин вернулся на родину. После «фильтрации» приехал к себе в Мордовию, в Темников. Через некоторое время женился, у него родился сын...

Спустя годы ветеран все чаще заглядывал в альбом, где с потрепанных карточек на него смотрели боевые друзья – бельгийские партизаны. Письма, которые он отправлял в Германию и Бельгию, пытаясь отыскать Анну, не смогли пробиться через железный занавес...

В конце 90-х годов к Петру Шестеркину неожиданно приехали иностранные журналисты... Оказывается, все эти годы друзья-бельгийцы тоже разыскивали его в далекой России. С большими хлопотами оформили приглашение.

И вот Петр стоит на сцене, на него направлено множество телекамер. Вдруг в толпе ветеранов бельгийского Сопротивления мелькнуло до боли знакомое лицо. Кто этот старик с седой бородой? Оказалось, что именно этот бельгийский партизан обещал Шестеркину, что не будет бриться, если они победят фашистов. «Ты все-таки сдержал обещание?» – коверкая слова, по-бельгийски спрашивает Петр. И вся Бельгия смотрит, как обнимаются два партизана, встретившиеся спустя долгие годы.

И лишь один бельгиец, глядя по телевизору на седого старика из России, вдруг вспомнил предсмертные слова матери: «Твой отец был русским партизаном. Мы его прятали во время войны...»

«Можно, я буду звать вас папой?»

Не успел Петр Шестеркин вернуться домой, как из Бельгии на его имя пришло приглашение от некого Жефа Фракена. Еще одна поездка. На этот раз к Петру подошел незнакомый мужчина и неожиданно спросил: «Можно, я буду звать вас папой?» А потом, посмотрев на супругу ветерана, добавил: «А вас мамой?» Реакцию Шестеркиных описывать не стоит...

Найти своего отца, советского партизана, Жефу завещала мать – Анна Спорен. Обращения в архивы ничего не дали. А потом совершенно случайно включил телевизор – и был потрясен!

Узнать адрес Шестеркина через журналистов труда не составило. Отойдя от потрясения, отец и сын, которые обрели друг друга спустя полвека, отправились в дом, где когда-то жила Анна. Жилье было перестроено, зато сохранился сарай, где прятался Шестеркин.

Сын рассказал о матери, ее последних днях, а поседевший солдат со слезами на глазах молча слушал. Какие тут найдешь слова?

Вскоре Жеф приехал в Мордовию, в Темников. Теперь настала очередь Шестеркина рассказывать сыну о Мордовии, своем детстве, послевоенных годах. И теперь молча слушал Жеф. Разве перебьет сын отца, которому уже под девяносто лет? Даже если сыну – пятьдесят с лишним.

Теперь Жеф звонит в Темников и снова собирается навестить отца. К сожалению, здоровье и возраст не позволяют старому солдату Шестеркину ехать за границу. А еще в Темников часто приходят письма с иностранным штемпелем. Адрес старательно написан на русском, а вот текст – уже на немецком. И начинаются письма всегда одинаково: «Дорогие папа и мама...»

Газета «Столица С», Саранск.

Фото: Казмин С. И.

Фото: Капелюш Л. Н.

Фото: Б. Пушкин

10 июля 1945 г.

Фото: Тиханов

Фото: Калиницкий

Фото: Аракельян

День победы в Ставропольском крае. 1945 г.

Фото: Саввов В.Н.

День победы в Рязани. 1945 г.

Андрей БЛИНУШОВ

60 ЛЕТ СПУСТЯ. СВОДКИ С ФРОНТА

9 мая 2005 года Россия торжественно отмечала 60-летие победы над фашизмом. Звучало много правильных речей, теплых слов в адрес ветеранов, спасших мир от нацизма...

Хотя бы в этот день столице России не опозорилась перед иностранными гостями: не случилось в городе нацистских шествий или убийств людей «не арийского происхождения»...

Зимой 2004-2005 гг. в России продолжались расово мотивированные нападения, сообщают эксперты Информационно-аналитического Центра «Сова». Только за одну эту зиму российскими национал-экстремистами было совершено 6 убийств и 24 нападения.

Посмотрите, это только некоторые фрагменты страшной хроники насилия из базы правозащитного интернет-портала HRO.org за последние месяцы:

... В Петербурге группа скинхедов нанесла множественные ножевые ранения гражданину Вьетнама, пострадавший скончался.

... Группа скинхедов в Саратове напала на 39-летнего дагестанца. Его ударили бутылкой по голове и нанесли ножевые ранения в спину и шею. У него осталось трое детей.

... Вооруженные ножом «люди в черном» напали на гражданина Нигерии.

... В подмосковном лесу обнаружен обезображенный труп гражданина Афганистана.

... Группой националистов избит 20-летний гражданин Израиля, он был госпитализирован с закрытой черепно-мозговой травмой, переломом носа и сотрясением головного мозга.

... Группа неизвестных напала на двух студентов из Южной Кореи, один из пострадавших с девятью ножевыми ранениями попал в реанимацию.

... У петербургской станции метро «Площадь Александра Невского» группой неустановленных избит 20-летний студент-метеоролог из Палестины, госпитализирован с черепно-мозговой травмой и сотрясением мозга.

... 30-летний гражданин Китая был избит скинхедами и госпитализирован с травмами.

... На набережной канала Грибоедова совершено нападение на гражданина Камеруна и гражданина Маврикия, пострадавшие доставлены в больницу с тяжелыми черепно-мозговыми травмами.

... В Рождество возле станции метро «Черная речка» скинхеды избили 23-летнего гражданина Пакистана.

... В Калуге около двух десятков молодых людей, выкрикивавших нацистские лозунги, напали на студентов из Мьянмы.

... В Липецке избит 22-летний гражданин Республики Мали, с сотрясением мозга пострадавший доставлен в больницу.

... В Воронеже молодые люди с криками «Зиг хайль» напали на африканцев из Замбии.

... В центре Воронежа скинхеды избили подданного Гвинеи-Бисау.

... В Нижнем Новгороде группа молодых людей напала на двух африканцев, граждан Конго и Мавритании, один из пострадавших с травмами был доставлен в больницу.

... В Санкт-Петербурге на Невском проспекте неизвестными избит 40-летний гражданин Китая, слушатель консерватории. Пострадавший доставлен в больницу с закрытой черепно-мозговой травмой и сотрясением головного мозга.

... Избит и ранен анголец – студент Петербургского аграрного университета.

Андрей Блинушов – главный редактор журнала «Карта», председатель рязанского общества «Мемориал», редактор интернет-портала «Права человека в России» www.hro.org.

... В российской столице «неизвестными в черном» совершено нападение на граждан Таджикистана, пострадавшие с ножевыми ранениями доставлены в клиническую больницу. Один из раненых скончался.

... В Подмосковье начался судебный процесс над жителями Ленинского района, которых обвиняют в зверском убийстве приезжих из Узбекистана. В течение месяца подростки-националисты вымогали у них деньги, изнасиловали одну из женщин, а потом сожгли гастарбайтеров заживо...

Просто какие-то фронтовые сводки.

Что же с нами произошло?

Как могло случиться, что в стране, которая потеряла в войне с фашистами 50 миллионов человек, выплеснулась кровью человеконенавистическая зараза?

Почему в России, как грибы после дождя, множатся неофашистские группировки? Начав с повсеместного распространения своих изданий, пропагандирующих расовую, национальную и религиозную ненависть, фашисты перешли к погромам и убийствам.

Несмотря на всю имитацию бурной деятельности администрации президента Путина по «наведению порядка в силовых структурах», последние демонстрируют себя прямо-таки импотентами в раскрытии и доведения до судов дел, касающихся преступлений на почве ненависти.

Парадоксально, но силовые структуры, прежде всего – милиция и прокуратура, сыграли в распространении коричневой заразы самую непосредственную роль.

Во-первых, практически во всех регионах России, где была отмечена активность неонацистов, милиция всеми силами старалась не принимать от пострадавших заявления, не возбуждать уголовные дела по соответствующим «профильным» статьям. И если уж возмущение прессы и общественности не позволяло традиционно «замять» такие дела, милиция и прокуратура практически всегда переквалифицировали эти преступления в «хулиганство».

На конференциях и «круглых столах» по проблеме национализма и экстремизма, куда общественные активисты приглашают прокуроров, руководителей милицейских подразделений и учебных заведений, очень часто можно услышать: «Ничего особенного не происходит, надо вообще поменьше говорить об этом, вечно общественники раздувают проблемы на пустом месте».

Во-вторых, действующие милиционеры и прокуроры в приватных беседах так часто демонстрируют свою неприязнь, а порой и ненависть к людям другого цвета кожи, к кавказцам, выходцам из Азии, что невольно задумываешься, а не симпатизируют ли эти «правоохранители» преступникам из фашистских группировок?

В-третьих, в целом ряде националистических шаек задают тон и занимают руководящие посты вчерашние милиционеры, КГБ-шники, армейские офицеры. Более того, военнослужащие в офицерских погонах порой активно действуют в группах наци, находясь при этом на государственной службе.

В-четвертых, президентские пропагандисты, полностью оккупировавшие телевизионный эфир после разгромов телекомпаний НТВ, ТВ-6, ТВС, наводнили программы передачами и фильмами, сеющими неприязнь к выходцам из национальных республик. Внушающими, что проблемы населения связаны не с беспринципными некомпетентными властями, низким культурным и нравственным уровнем самого населения, его неумением и нежеланием работать, а с засильем и происками неких врагов, прежде всего – «исчадий ада» другой национальности. Выход государственная пропаганда, по меткому выражению писателя Бориса Стругацкого, подсказывает один – «железная рука и костяная нога». Сиречь спецназ, ОМОН, «Москва для москвичей», депортации, Бутырка-Лубянка, «мочить несогласных», зачистки, бесконечные дополнительные полномочия ФСБ и прочий «суповой набор» из меню Берии-Сталина.

И главное – непрекращающаяся круговерть насилия в Чечне, где при прямом попустительстве Главнокомандующего и его министерств и ведомств уже почти десять лет тысячи «правоохранителей» и военнослужащих со всей России практикуются в похищении людей, пытках, изнасилованиях, казнях, мародерстве, казнокрадстве; сливаются, теряют человеческий облик. Они возвращаются в российские города и села зараженными бациллой ненависти и распространяют эту заразу в обществе.

Разве в таких условиях могли не появиться неонацисты?

Антифашисты как объект ненависти

Вероятно, закономерно, что именно правозащитники «ударили в набат» по поводу фашистской угрозы в современной России. Именно они начали программы мониторинга проявлений расовой дискриминации и национал-экстремизма. Московский Центр развития демократии и прав человека; Фонд «За гражданское общество»; Московская Хельсинкская группа; региональные отделения общества «Мемориал»; Сеть российских НПО против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости; Санкт-Петербургский «Гражданский контроль»; Центр «Сова»; Молодежное правозащитное движение; питерский Лайт-Центр и другие общественные объединения активно включились в работу по противодействию коричневой угрозе.

Но потакание, а порой и покровительство национал-экстремистам со стороны милиции и прокуратуры (отсутствие профилактической работы; отказы в возбуждении дел; тренировки экстремистов на спортивной базе московской милиции; офицеры ФСБ, навещающие фашистов в СИЗО под видом адвокатов в Питере, и т.д. и т.п.) дало страшные всходы.

Чувствуя молчаливую поддержку власти, часть национал-радикалов перешла к акциям прямого насилия, организуя «военизированные отряды» и попросту банды погромщиков и убийц.

19 июня 2004 года в Петербурге выстрелом из обреза был убит ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН Николай Гиренко, ученый-этнолог, кандидат исторических наук.

Николай Гиренко участвовал в работе проектов общественных правозащитных организаций, посвященных темам «Гражданский контроль» и «Противодействие национализму и расизму». В качестве эксперта нередко привлекался к участию в таких судебных процессах, как, например, известное дело об убийстве неонацистами азербайджанца Мамедова и дело нацистской группы «Шульц 88».

В последние годы Николай Михайлович занимал пост председателя Комиссии по правам национальных меньшинств Петербургского союза ученых и провел около двух десятков экспертиз по анализу текстов радикальных, «коричневых» изданий и идеологии неонацистских группировок по просьбам правоохранительных органов Москвы и Санкт-Петербурга.

Николай Гиренко вместе с коллегами разработал и опубликовал важнейшую методику расследования уголовных преступлений на почве межнациональной вражды и ненависти, позволяющую следователям правильно квалифицировать дела по трудной 282 статье Уголовного Кодекса и задавать нужные вопросы экспертам.

Российские правозащитники высказывают обоснованные подозрения, что гибель Николая Гиренко – политическое убийство, совершенное национал-экстремистами. Со дня гибели Гиренко прошло десять месяцев. Следствие преступников не обнаружило...

Чрезвычайная ситуация сложилась в городе Орел. Руководитель правозащитной организации «Единая Европа» Дмитрий Краюхин в последние годы активно включился вместе с коллегами в борьбу против расизма и деятельности экстремистских националистических организаций.

Краюхин направил заявление прокурору об актах вандализма и распространения антисемитских материалов со стороны национал-радикалов, в частности – т.н. «Русского Национального Единства» (РНЕ).

Прокурор в ходе следствия передал в 2004 году активистам РНЕ адреса (!) всех экспертов и свидетелей по делу. После этого экстремисты начали настоящую травлю Дмитрия Краюхина, звонили, распространяли в Орле и других городах листовки, обвиняющие Краюхина в «ереси», и указывали его домашний адрес и номер телефона. Это привело к многочисленным серьезным угрозам в адрес Дмитрия.

Фашист по фамилии (или по псевдониму) Демушкин вывесил в Интернете перечеркнутые фотографии Дмитрия Краюхина: «Узнай врага в лицо.

Николай Михайлович Гиренко

Предлагаем публиковать фото, адреса и телефоны русофобов в сети. Нация должна знать своих героев в лицо, как и наш штатный снайпер!»

Дальше, как говорится, некуда.

Краюхин обращался в прокуратуру и суд с просьбами предоставить ему защиту как свидетелю по делу. В защите ему было отказано... Российские и международные правозащитные организации были вынуждены начать широкую общественную кампанию в защиту Дмитрия Краюхина, обращались в Генеральную прокуратуру, облпрокурору, начальнику Орловского УВД.

В августе 2004 года в Молодежное правозащитное движение (МПД) в Воронеже поступили письма с угрозами от неонацистов: «Ночь длинных ножей близка!»

Воронежским правозащитникам вместе с коллегами из других городов удалось добиться закрытия русскоязычного сайта «СС» (все та же группа Демушкина), переполненного человеконенавистнической риторикой, погромными призывами, восхвалением преступлений нацистских вождей Третьего рейха.

Теперь нацисты шлют в МПД письма с изображением снайпера и текстом: «Гиренко, Юров, Алексеева», подразумевая, что «приговор» питерскому ученому-антифашисту Николаю Гиренко уже «приведен в исполнение» (о чем неоднократно с восторгом писалось на сайте «СС»), а правозащитники Андрей Юров и Людмила Алексеева – на очереди...

Вы, наверное, думаете, что правоохранители нашли подстрекателя Демушкина и уже состоялся объективный и непредвзятый судебный процесс?

Общественные организации даже ответов на свои вполне официальные обращения не получили.

Вы не догадываетесь, в чем тут дело?

Как мы должны действовать

Способно ли осознать нынешнее федеральное руководство, что оно натворило, – вопрос, по-моему, риторический. Сильно сомневаюсь, что оно искренне захочет урегулировать, наконец, конфликт на Кавказе, наказать военных преступников, заставить прокуратуру, милицию и спецслужбы стать на страже закона.

Что же делать в сложившейся ситуации? Девиз экологов гласит: «Мысли глобально, а действуй локально». Не захотим жить в государстве, которое завтра может стать фашистским, – будем на общероссийских и местных выборах голосовать за сторонников демократии и прав человека.

А локально надо, не откладывая, требовать отставки следователей и прокуроров, покрывающих преступления националистов; подавать в суд на губернаторов и мэров, призывающих к этнической дискриминации; спасать своих детей от пропаганды ненависти, читать им хорошие книги вместо совместного просмотра телевизионной пропагандистской муры.

И, возможно, вспомнить о том, что пришло время назвать вещи своими именами, и объяснить детям, чем на самом деле отличается политик, священник, журналист, чиновник от негодяя и фашиста.

Поразительно: через шестьдесят лет после победы антигитлеровской коалиции над нацизмом, победы, которая стоила только моим соотечественникам пятидесяти миллионов жизней, мы вновь вынуждены говорить о нацистской угрозе. Теперь – в России.

...Все-таки это очень тяжелое чувство – стыд за свою страну...

Рязань, май 2005 г

RFE/RL

Частоты вещания

часы (мск.) / частоты	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
5955	-	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5985	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6095	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6000	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6105	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+
6115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6140	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7110	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7155	-	-	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7180	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7190	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
7220	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	+
7230	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7245	-	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7265	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
7270	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9505	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
9520	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+
9535	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9565	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9625	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9645	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9660	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9680	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9705	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
11725	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
11805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
11815	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11860	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11875	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11885	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-
11895	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11970	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13640	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15115	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15130	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15145	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15205	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15215	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
15250	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15265	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
15370	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
17730	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17805	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
частоты / часы (мск.)	00	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23

Радио Свобода в Интернете: http://www.svoboda.org   Зеркало в России: http://euro.svoboda.org